

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина»
Институт экономики и управления
Кафедра социологии и технологий государственного и муниципального
управления**

На правах рукописи

Трынов Дмитрий Валерьевич

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ

Специальность

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы

Диссертация на соискание ученой степени кандидата

социологических наук

Научный руководитель:

доктор социологических наук, доцент

Дидковская Яна Викторовна

Екатеринбург – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Теоретико-методологические основания исследования социального самочувствия как фактора политического участия молодежи.....	19
1.1. Политическое участие молодежи как социальный процесс: сущность и содержание.....	19
1.2. Социальное самочувствие молодежи в системе формирования ее политического участия.....	74
Глава 2. Влияние социального самочувствия на участие молодежи в политике.....	113
2.1. Особенности и противоречия политического участия молодежи.....	113
2.2. Роль социального самочувствия молодежи в формировании ее политического участия	152
Заключение.....	196
Литература	203
Приложения.....	219

Введение

Актуальность темы исследования. Современное общество сложно представить без динамичной политической системы, в основе которой находится правовое государство, демократические институты и организованные гражданские сообщества. Взаимодействуя с государственными структурами и оценивая их социальную эффективность, гражданское общество выполняет важную функцию рекрутирования в общественно-политическую сферу наиболее дееспособных, активных и амбициозных участников. Политическое участие граждан выступает основой для поддержки и воспроизводства институтов демократии, жизнеспособность которых определяется как активностью отдельных индивидов, так и социальных групп, слоев населения, классов, организаций.

Важное место в этом процессе отводится молодежи как специфической социальной группе – носителю потенциала обновления образа будущего, идей и ценностных ориентаций. За счет молодежи происходит как идейное, так и кадровое обновление политической системы. Специфика молодежи как субъекта политического процесса заключается в том, что ее политическая активность с одной стороны, направлена в будущее, ориентирована на перспективу, а с другой – во-многом определяется субъективными оценками этой перспективы без опоры на личный жизненный опыт.

В связи с этим важное значение приобретает анализ оценок уровня и качества жизни населения, поскольку политическое участие становится своеобразным способом выражения притязаний на более высокий уровень жизни. Возможности политической системы задают рамки поведения молодежи, а реальными движущими силами ее участия в политике выступают оценка своего благополучия, жизненных перспектив, а также запрос на перемены в обществе.

Последние несколько десятилетий как в мировой, так и отечественной социальной науке просматривается тенденция повышения внимания к содержанию субъективных факторов, определяющих направленность и характер социальных действий индивидов. Концепция «социального самочувствия», наряду с исследованием «качества жизни», стремятся объяснить каким образом формируются различные основания для индивидуальных и коллективных действий.

Несмотря на заявления российских властей о необходимости наращивания национального благосостояния, показатели уровня, качества и продолжительности жизни снижаются. Недостаточность успехов в этой области становится основной претензией к власти со стороны населения. Проблема бедности, нищеты, низкого уровня жизни, остаются самыми животрепещущими для населения страны. Они передаются от одного поколения к другому, оставаясь нерешенными и формируя внутренний запрос общества на изменения.

В этих условиях молодежь оказывается наиболее уязвимой в силу своего маргинального положения в социальной структуре общества, что ведет к депривациям и нарастанию напряженности. Рост недовольства уровнем жизни обуславливает снижение доверия государственной власти и способствует политизации общества, а также активизации протестного политического участия. Молодежь как наиболее мобильная социально-демографическая группа, имеющая высокие притязания на качество и уровень жизни и формирующая основной запрос на перемены, играет в этих процессах наиболее значимую роль.

Кроме того, в современной социологической науке остаются не решенными вопросы влияния социального самочувствия на характер, направленность и интенсивность политического участия молодежи. При большом количестве исследований собственно политического участия различных социальных групп почти отсутствуют работы, которые бы системно объясняли процесс воздействия социального самочувствия на политическую активность и ее изменения.

Немногочисленны также исследования, анализирующие особую группу молодежи – политических активистов общественно-политических организаций.

Традиционно в фокусе социологического внимания оказывается либо молодежь в целом, при этом фиксируется ее аполитичность, либо изучается активность молодежи в рамках провластных структур, наконец, исследуются те или иные формы экстремальной активности (радикальные экстремистские установки, шовинизм, и т.д.). Критически настроенная по отношению к власти активная часть молодого поколения, не желающая двигаться внутри коридора возможностей, регламентированных сверху, остается за исследовательскими границами. Вместе с тем это образованная и квалифицированная часть городской молодежи, которая может обеспечить обновление политической элиты, а значит исследование ее социального самочувствия позволит нам строить прогнозы относительно направленности общественно-политического процесса страны в будущем.

Актуальность темы диссертационного исследования определяется следующими противоречиями:

- между ростом недовольства уровнем жизни молодежи и возможностью позитивно воздействовать на условия жизнедеятельности;
- между изъявляемой готовностью молодежи активно участвовать в политике и реальной ролью, которую она играет в ней;
- между нарастающим запросом молодого поколения на общественные перемены и невозможностью его удовлетворения при нынешней системе институциональных и неинституциональных ограничений;
- между представлением о влиянии социального самочувствия на политическое поведение и отсутствием моделей, объясняющих конкретные механизмы этого влияния;
- между ростом значимости социальной группы политических активистов и недостаточной изученностью этой социальной общности как на эмпирическом, так и теоретико-методологическом уровне.

Степень научной разработанности проблемы.

Выбранная нами проблематика исследования находится на стыке вопросов политического участия молодежи и ее социального самочувствия, что

определяет основные направления анализа степени разработанности темы диссертационной работы.

Рассмотрение политического участия как социального процесса определило необходимость обращения к работам классиков социологической мысли (Э. Берджесс, Р. Дарендорф, Л. Козер, Р. Парк, Т. Парсонс Р. Мертон). В них дается представление о сложности и многогранности форм политических взаимодействий индивидов и групп, поднимаются проблемы форм социальных процессов их функций в конкретных общественно-политических условиях.

Достаточно обширен пласт работ, посвященных рассмотрению политического участия в контексте развития теории демократии (Й. Шумпетер, Р. Даль, А. Инкелес, Д. Истон, С. Хантингтон, К. Пэйтман, Б. Барбер, П. Бахрах, Н. Боббио). Поскольку рассмотрение политического участия изначально происходило в контексте более широких вопросов социальной теории и проблем прикладного характера, то оно открывало дискуссию о путях построения более совершенных форм общественно-политических отношений. В них политическое участие рассматривается как средство поддержания активности, хотя и не всегда желательное, при помощи которого успешно функционируют демократические институты.

В процессе развития политических систем, демократических переходов и формирования запроса на участие в политике, происходил рост активности гражданского общества. В связи с этим, преимущественно в рамках политической науки, анализируются возможности граждан оказывать влияние на политический процесс и политическую элиту общества (Б. Берельсон, С. Верба, Р. Далтон, Д. Истон, У. Милбрайт, П. Лазарсфельд, Д. Найджелл, М. Фиорина).

В работах российских исследователей политическое участие анализируется как разновидность гражданского участия и подчеркивается его зависимость от проявления активности гражданского общества (В. Г. Апресян, В. Н. Масленникова, Ю. В. Тихомирова, Е. Б. Шестопал, Д. В. Ольшанский, А. И. Тюленев, Ф. И. Шарков).

С развитием и утверждением социологических теорий, касающихся политической культуры и политического сознания, приобретали особое значение проблемы, детерминирующие предпосылки политического поведения людей. В фокусе внимания ученых оказалась идея связи социальной структуры с политическим поведением населения (С. Верба, Д. Кей, А. Марш, Н. Най, А. Пршеворски, Т. Р. Гарр). Помимо прочего утверждался тезис о том, что социальные группы имеют различные основания для участия (или неучастия) в политике. Прежде всего здесь рассматриваются такие факторы политического участия как социально-экономический статус, уровень образования, благополучия и т.д. (У. Беннет, Р. Джэкмен, А. Марш, С. Липсет, Л. Патерсон, К-Р. Сен, А. Торрес, К. Уэллс, А. А. Алексеенок, И. А. Батанина, А. А. Лаврикова, О. Е. Шумилова).

Изучение социального самочувствия происходило под влиянием развития идеи о внеэкономических факторах, оказывающих комплексное воздействие на ценностные ориентации индивидов, репертуар выбираемых ими действий, степень активности, самооценку влиятельности в политике и т.д. Особое место заняла концепция социального самочувствия (субъективного благополучия), развиваемая в работах Р. Бисваса, Р. Венховена, Э. Динера, Дж. Гриффина, Р. Истерлина, А. Кэмпбела, К. Мерсера М. Тамира, М. Р. Хагерти.

В России значительный толчок в изучении социального самочувствия молодежи был задан периодом бурных общественно-экономических трансформаций на рубеже 80-90 гг. XX века. Изначально развиваясь в духе психологического подхода (Е. И. Головаха, О. В. Коротеева, Р. В. Панина, А. А. Русалинова, Н. Е. Симонович), концепция «социального самочувствия» постепенно стала применяться социологами. В данный период определяющими стали работы отечественных социологов Ж. Т. Тощенко и С. А. Кравченко. Дальнейшее изучение методологии и методики социального самочувствия молодежи нашло отражение в работах Ю. Р. Вишневого, О. В. Коротеевой, Н. А. Овчар, Р. В. Паниной, А. А. Русалиновой, Н. Е. Симонович, Е. В.

Давыдовой, Д. Ю. Нархова, С. О. Лебедевой, М. О. Пучковой, Л. Я. Рубиной, Л. Е. Петровой.

Кроме того, особое значение для проблематики нашего исследования имеют работы лидеров отечественной социологии молодежи, в которых рассматривается общий контекст политического участия молодого поколения через призму ее социальных качеств (Ю. Р. Вишневский, М. К. Горшков, Ю. А. Зубок, В. П. Засыпкин, Е. С. Бабосова, Я. В. Дидковская, Л. А. Журавлева, Н. В. Завьялова, В. Т. Лисовский, Е. С. Мельничук, Н. Л. Смакотина, В. И. Чупров, Ф. Э. Шереги, В. П. Щербакова). В многочисленных работах по социологии молодежи вскрываются ее антагонистические свойства: аполитичность – активизм; радикализм – умеренность; экстремальность – адаптивность и пр.

Детально особенности молодежи как специфического субъекта политического участия рассматриваются в трудах (Е. В. Ефановой, В. Г. Журовой, И. В. Кирдяшкина, О. А. Коряковцевой, Н. Е. Мажар, В. А. Мясоедовой, В. В. Петухова, М. В. Подхомутниковой, С. В. Пырмы, С. А. Пфетцер, С. Н. Чирун).

Наконец, анализ проблем политического соотношения саморегуляции политического поведения молодежи и его институционального регулирования содержится в работах (С. В. Дмитрука, О. В. Лагутиной, О. В. Поповой, В. Л. Римского, Д. В. Покатова, О. Ю. Посуховой, П. Е. Сушко, А. В. Шентяковой).

Однако при наличии значительного количества работ по социологии молодежи и социологии политики, во-первых, имеется недостаточная разработанность вопросов, касающихся политического участия молодежи в связи с ее социальным самочувствием, а во-вторых, наблюдается дефицит исследований, посвященных политически активной молодежи. Данное обстоятельство определило выбор проблематики нашего исследования, обусловив постановку его целей и задач.

Объект диссертационного исследования: политическое участие молодежи в современном российском обществе.

Предмет исследования: социальное самочувствие молодежи как фактор ее участия в политике.

Цель диссертационной работы: изучить влияние социального самочувствия на политическое участие молодежи и на выбор ею стратегий участия в политике.

Для достижения поставленной цели исследования поставлены следующие задачи:

1. Провести анализ теоретико-методологических оснований исследования социального самочувствия как фактора политического участия молодежи.
2. Выявить институциональные условия участия молодежи в политическом процессе на примере Уральского федерального округа.
3. Выявить содержание и особенности политического участия молодежи в современном российском обществе.
4. Изучить состояние социального самочувствия молодых политических активистов и характер его влияния на формирование стратегий их политического участия.

Теоретико-методологическую основу диссертационной работы составили труды зарубежных и отечественных социологов, политологов, экономистов, психологов и философов, специализирующихся на проблемах социального самочувствия молодежи и его воздействия на политическое участие молодого поколения, факторов, воздействующих на активизацию и вовлечение молодежи в политику. Междисциплинарный предмет исследования определил обращение к инструментальному, деятельностному (праксеологическому) и стратификационному подходам.

Инструментальный подход позволил изучить политическое участие в аспекте формирования и накопления влиятельности социальных групп, их поведения в политических отношениях. Праксеологический подход применен для анализа этапов активизации и включения социальных групп в политику, рассмотрения стадий данного процесса. Использование стратификационного подхода к политическому участию, позволило рассмотреть специфику молодежи

как социально-демографической группы в ходе ее политического участия. С позиции синтеза этих теоретико-методологических подходов выстраиваются взаимосвязи между понятиями «политическое участие», «политическая активность», «политическое вовлечение».

Осмысление сущности взаимосвязи социального самочувствия молодежи и ее политического участия осуществлено в русле социально-психологических теорий. Концепции «социального самочувствия», «субъективного благополучия», «качества жизни» выступили методологической основой, с позиции которой трактуются комплекс побуждений политического участия молодежи.

Эмпирическую базу составили материалы следующих социологических исследований:

1. Опросы, глубинные и экспертные интервью с 2018 по 2020 гг., в которых автор принимал участие в качестве руководителя полевых работ и исполнителя:

– «Молодежь как субъект политики: социальное самочувствие и стратегии политической карьеры в контексте гражданской активности», анкетный опрос активистов общественно-политических организаций Уральского федерального округа, с использованием целевого отбора ($n=600$); неформализованные интервью с активистами ($n=22$), в выборку вошла политически активная молодежь в возрасте 18-30 лет. Проект реализован при поддержке РФФИ-ЭИСИ, № гранта 19-011-31601 в 2019 г. (руководитель Я. В. Дидковская).

– «Молодежь индустриальных регионов России: образ социального будущего как фактор развития инновационного потенциала», анкетный опрос трех групп молодежи Волгоградской, Калужской, Свердловской областей, Красноярского и Пермского краев, республики Башкортостан: работающей молодежи, занятой на промышленных предприятиях высокотехнологичных отраслей исследуемых регионов, учащихся колледжей, ведущих подготовку специалистов для индустриальных потребностей регионов, и учащихся крупнейших вузов ($n=4200$) в выборку вошли респонденты в возрасте 18-30 лет. Проект реализован при поддержке РФФИ, № гранта 18-011-00907 в 2018-2020 гг. (руководитель Я. В. Дидковская).

– «Политизация молодежи в условиях институциональных трансформаций российского общества»: глубинные интервью (n=20) проведены с экспертами и молодыми лидерами общественных организаций, реализующими карьерные стратегии политического участия, возраст респондентов и информантов 18-35 лет. Проект реализован при поддержке РФФИ-ЭИСИ, № гранта 20-011-31723 в 2020 г. (руководитель Я. В. Дидковская).

2. Результаты восьмого этапа социологического мониторинга студентов третьих курсов вузов Свердловской области, проведенных научным коллективом с участием автора в 2020 г. Исследование проведено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-33064 «Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов будущего» (руководитель Ю. Р. Вишневский).

3. Результаты вторичного анализа социологических данных всероссийских центров исследования общественного мнения – ВЦИОМ, РОМИР, Левада-Центр по проблемам социального самочувствия населения и политической активности молодого поколения.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в выявлении влияния социального самочувствия как комплексного фактора, определяющего направленность, интенсивность и стратегии политического участия молодежи.

Основные результаты исследования, полученные автором, и их научная новизна:

1. С позиции синтеза инструментального, праксеологического и стратификационного подходов определено понятие политического участия как социального процесса, направленного на увеличение влияния социальных субъектов на политические решения.

2. Представлена и обоснована модель политического участия молодежи, которая включает в себя институциональные механизмы вовлечения молодежи в политику (провластные и оппозиционные) и уровни и формы политической активности субъектов участия.

3. Уточнена структура социального самочувствия молодежи путем включения в нее проективных элементов образа социального будущего - социальных идеалов и социальных ожиданий, обладающих значением для молодежи как специфической социальной группы.

4. Разработана авторская концепция влияния социального самочувствия на политическое участие молодежи; теоретически обосновано и эмпирически доказано, что в основе этого влияния лежит взаимосвязь между ожиданиями и идеалами молодого поколения.

5. Выявлены институциональные возможности и ограничения, которые формируют каналы политического вовлечения молодого поколения и тем самым определяют характер и формы участия в политике.

6. Разработана типология стратегий политического участия молодежи, в основу которой положены следующие критерии: доминирующая мотивация участия в политике; способы достижения политических целей (конфликтные/лояльные); выделенные типы стратегий включают в себя как активистско-адаптивные, так и гражданско-протестные установки и характеризуются специфичным состоянием социального самочувствия.

7. На основе эмпирических данных доказано влияние социального самочувствия на политическое участие молодежи: выбор стратегий политического участия активистской молодежи определяется ее социальными настроениями (оптимизма и пессимизма), которые формируются на основе соотнесения идеалов и ожиданий в структуре социального самочувствия.

Положения, выносимые на защиту:

1. Определено, что процесс политического участия направлен на увеличение влияния социальных субъектов на политические решения, в ходе которого происходит – со стороны социально-политических институтов вовлечение членов социальных общностей в их деятельность, а со стороны этих общностей – проявление активности, протекающей под влиянием внешних – (политический режим, социально-экономическое развитие общества), и

внутренних (социальный и экономический статус, социальное самочувствие) факторов.

2. Выделены уровни политического участия социальных субъектов в зависимости от степени их политической активности и вовлеченности в политический процесс – аполитичность, электоральная активность, политический активизм, политическое лидерство. Установлено, что политическое участие на каждом уровне реализуется в следующих формах: в форме «участия-поддержки», предполагающем активность в созданных и одобряемых действующей властью структурах; в форме «участия-протеста», отличие которого от оппозиционного состоит в том, что его субъекты вытесняются из легального политического поля.

3. Выявлено, что социальное самочувствие является комплексным (включающим когнитивный, эмоциональный и поведенческий компонент) социальным фактором политического участия молодежи, связанным как с объективным положением данной группы в социальной структуре, так и с ее субъективным отношением к своему положению. Социальное самочувствие выступает в качестве системы эмоционально окрашенных субъективных оценок и представлений, отражающих удовлетворенность социальной группы как ситуацией и перспективами развития общества, так и своим личным благополучием в этом обществе, оказывающих воздействие на формирование поведенческих стратегий индивидов относительно различных сфер их самореализации.

4. Показано, что в социальном самочувствии молодежи ключевую роль играет образ социального будущего, который формируется путем сопоставления социальных идеалов молодого поколения, базирующихся на его ценностях и убеждениях, с его социальными ожиданиями (позитивными или негативными); согласованность или, напротив, конфликт между идеалами и ожиданиями ведет к возникновению актуальных социальных настроений относительно возможной перспективы развития общества и своей траектории в нем (оптимизма, либо пессимизма).

5. Доказывается на эмпирических данных, что при большом количестве создаваемых государством институтов политического участия для молодого поколения, возможности реального влияния молодежи на политический процесс сокращается в силу воздействия социально-политических факторов, в связи с чем формируются риски межпоколенного конфликта. Его основным содержанием становится пребывание молодежи и старшего поколения в разных информационных пространствах, с противоположными политическими повестками. Упразднение оппозиционных каналов вовлечения молодежи, ведет к снижению ее представительства в легальном политическом поле, что оставляет оппозиционно настроенную молодежь без возможностей реализации своих интересов и карьерных притязаний в политике.

6. Выявлена специфика социального самочувствия молодых политических активистов на примере Уральского федерального округа в контексте основных способов вхождения в политику (провластное участие / оппозиционное участие):

- обнаружены различия в социальном самочувствии молодых политических активистов на микро- и макроуровне - микроуровень социального самочувствия отчасти выступает зоной относительного комфорта (межличностные отношения, взаимоотношение с коллегами и близкими) при этом показатели почти не отличаются у разных групп активистов (провластных и оппозиционных); зону дискомфорта составляет макросреда - общественно-политические и экономические условия жизнедеятельности, определяемые функционированием основных социальных институтов – образования, управления, здравоохранения, что выражается в крайне низких показателях оценок текущего положения дел в стране и возможностей удовлетворять свои потребности, защищать интересы;

- в структуре социального самочувствия российской активной молодежи зафиксирован острый конфликт между ее «желаемым социальным будущим» и социальными ожиданиями, который формирует преимущественно пессимистические социальные настроения как на макро-, так и на микроуровне социального самочувствия и решается выбором различных типов стратегий политического участия - от конформистских стратегий адаптации и попыток

встроится в существующий общественно-политический порядок до протестных стратегий, сопряженных с высоким уровнем риска и конфликтности;

- значения показателей социального самочувствия оппозиционных активистов демонстрируют существенное сходство со значениями показателей самочувствия молодежи в целом (находящейся на базовом уровне политического участия) в оценках текущей ситуации, образа будущего и социального настроения; тогда как общность провластных активистов, напротив, серьезно отличается от молодежи в целом, и прежде всего различия проходят по границе системы ценностей (социальных идеалов, убеждений) и путей достижения общественно значимых целей.

7. Разработана типология стратегий политического участия молодежи на основе доминирующих целей участия и способов их достижения, которая включает в себя следующие типы стратегий: «консервативная адаптация», «лидерство и карьера», «консервативное реформаторство», «протестно-правозащитная стратегия».

Стратегия «консервативной адаптации» предполагает в качестве целей политического участия эгоцентрические мотивы (политическая карьера, интерес и самореализация в политике), при этом для достижения данных целей используется тактика «встраивания в систему», избегание рисков и конфликтных ситуаций; «лидерско-карьерная» стратегия предполагает сходную мотивацию в политике, а для своего продвижения в политике допускается умеренный риск и даже высокорискованное поведение; «консервативно-реформаторская» стратегия строится на социоцентрических мотивах участия (более справедливое общество, защита гражданских прав), однако ради этого активисты данного типа не готовы идти на конфликты и испытывать риски; для «протестно-правозащитной» стратегии также характерна социоцентрическая мотивация, но при ориентации на высокую степень риска и нонконформизм.

8. Выявлен характер влияния социальных настроений на выбор стратегий политического участия активистской молодежи. Пессимистические настроения преимущественно мотивируют выбор «протестно-правозащитной» стратегии, что

обуславливает активность, нацеленную на участие-изменение и нежелание встраиваться в провластные каналы политического вовлечения. Оптимистические настроения способствуют выбору «адаптивно-консервативной» и «лидерско-карьерной» стратегий. При этом для адаптивно-консервативной стратегии оптимизм является необходимой социально-психологической основой их политического конформизма, а для лидерско-карьерной стратегии оптимизм выступает внутренним фактором, стимулирующим их карьерные притязания. Амбивалентные социальные настроения (в равной степени оптимистичные и пессимистичные) выступают мотивирующим фоном для выбора «консервативно-реформаторской» стратегии.

Теоретическая и практическая значимость.

Результаты диссертационного исследования позволяют расширить теоретические представления о структуре социального самочувствия и его специфике применительно к социально-демографической группе молодежи; углубить знания о связи социального самочувствия с политическим участием молодежи, а также процессе формирования стратегий участия политических активистов на фоне определенных показателей социального самочувствия. Анализ и предлагаемые в работе дефиниции, в частности, «политического участия», «социального самочувствия» и «образа социального будущего» молодежи позволяют развивать отраслевые социологические теории (социологию молодежи, социологию политики) путем совершенствования понятийного аппарата.

Анализ институциональных условий на региональном уровне политического участия молодежи позволил выявить ряд проблем и ограничений, связанных с включением и мобилизацией молодого поколения в политические отношения.

Предложенная программа социологического исследования политического участия молодежи в контексте ее социального самочувствия может быть использована при анализе самочувствия и его роли в вовлечении в политику

относительно других социальных общностей и групп, а также применена в других российских регионах помимо УрФО.

Практическая значимость диссертационного исследования для академической среды выражается в применимости его результатов для подготовки таких учебных курсов и программ бакалавриата и магистратуры по направлениям «Публичная политика и социальные науки», «Социология», «Политология» «Государственное и муниципальное управление», «Организация работы с молодежью», «Социальная работа».

Результаты исследования применимы для использования практиками в сфере государственной молодежной политики, управленцами различных уровней организации работы с молодежью. Результаты могут использоваться в качестве информационной базы организациями, осуществляющими функции политической социализации молодежи, молодежных правительств, парламентов, общественных палат.

Данные диссертационного исследования применимы в работе по усовершенствованию способов и поиску новых средств вовлечения молодежи в политику политическими партиями и их молодежными подразделениями.

Степень достоверности результатов проведенных исследований. Достоверность результатов подтверждается теоретическими положениями, применением теоретико-методологических разработок, данных эмпирических исследований, комплексным использованием методов сбора, обработки и анализа массива информации, соответствующих поставленным в работе цели и задачам.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры социологии и технологий ГМУ и методологических семинарах Школы государственного управления и предпринимательства УрФУ, докладывались на международных, всероссийских и региональных конференциях:

VII Международной научно-практической конференции «Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий» (г. Екатеринбург, 19-20 апреля 2021); Международной научно-практической онлайн-конференции «Динамика

современного общества: трансформация жизненных миров и структур» (г. Волгоград, 17-18 декабря 2020 г.); VI Международной научно-практической конференции «Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий» (г. Екатеринбург, 27-28 апреля 2020 г.); XIV International Days of Statistics and Economics, University of Economics, (Prague, September 10-12, 2020); VI Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов» (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.); V Международной научно-практической конференции «Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий» (г. Екатеринбург, 27-28 апреля 2019 г.).

Основные положения диссертационного исследования отражены в 15 научных публикациях, в том числе в 9 статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК, 1 статья в рецензируемых международных базах Web of Science.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка, пяти приложений. Объем диссертации составляет 235 страниц.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Диссертационное исследование соответствует паспорту научной специальности 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы, поскольку раскрывает сущность и проблемы политического участия молодежи в контексте ее социального самочувствия; рассматривается воздействие отдельных его компонентов на мотивацию, направленность и интенсивность процесса политического участия молодого поколения. Исследование соответствует следующим пунктам паспорта специальности: п. 6 – Становление гражданского общества в России, его элементы и структура; п. 16 – Трансформация элиты; экономическая и политическая элиты, их состав, функции, динамика развития. Формирование института власти; п. 22 – Властные отношения и их место в системе структурообразующих признаков.

Глава 1. Теоретико-методологические основания исследования социального самочувствия как фактора политического участия молодежи

1.1. Политическое участие молодежи как социальный процесс: сущность и содержание

Участие в политической жизни общества было предметом интереса мыслителей с древних времен. При этом сама политика понималась в разные исторические периоды по-разному. Для Аристотеля, как автора самого термина «политика», она выступает средством достижения общего блага и высшей ценностью человеческой деятельности¹. Участие в политике как общественно значимом деле присуще всем свободным гражданам полиса, это одновременно и право и обязанность и является нормой. Аристотелевский взгляд на политику связан с ее функционированием именно в античной Греции, где был относительно высок уровень культуры, а также имелись политические институты участия (городские народные собрания, буле и пр.).

Прагматичная трактовка политики характерна для концепции Н. Макиавелли, который выдвинул утилитарный тезис о неограниченности средств правителя в деле сохранения и приумножения власти. Политика это уже не способ достижения блага и справедливости, а техника властвования, в которой на первый план выходит результат и принцип «цель оправдывает средства». Правители вынуждены оборонять свою власть, поскольку испытывают постоянное давление со стороны других соискателей. Власть представляется постоянным полем битвы за саму себя, ее расширение и укрепление². Преимущество взглядов Макиавелли в том, что они дают реалистичные, полные противоречий и конфликтов объяснения сущности политики. Однако идеи Макиавелли противопоставляют политику морали, делая их антагонистичными понятиями. Существенно и то, что

¹ Аристотель. Политика. Москва: АСТ. 2010. 400 с.

² Макиавелли Н. Государь / Антология мировой политической мысли: в 5 т. М.: 1997. Т. 1. 928 с.

политика считается уделом избранных, в то время как народные массы остаются полностью исключенными из производства общественных отношений.

Дальнейшая эволюция взглядов на политику связана с изменениями в системе власти и обособлением государства в самый могущественный политический институт. Это привело мыслителей Нового времени к формулировки разного рода теорий, в которых ставились вопросы соотношения частного и общего блага, политической и гражданской свободы. Сложившаяся в конце XVIII века либеральная теория, вывела политическую проблематику на технологические вопросы: законы права, законы рынка как системные явления должны обеспечивать свободу индивидов и возможность достичь общественного благополучия. Преимущество либеральной концепции в том, что в ней подчеркивается разделение политики на две стороны власти: государственной и гражданской. Собственно это и позволяет выделить две формы политической власти – государственной и общественной и соответственно ставит вопрос о политическом участии граждан.

Так или иначе, любое понимание политики неотрывно связано с тем, в каких обстоятельствах, какими общественными силами и на основе каких культурных смыслов она реализуется. Поэтому с течением времени мыслители стали расширять проблемное поле изучения политического участия.

М. Вебер считал политикой особую область человеческого сообщества с двуединой сущностью – аппаратом легитимного (признаваемого большинством общества как) насилия, а также специфическую профессиональную деятельность, охватывающую всю общественную жизнь. Политику составляют действия, направленные *к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти.*

Но важно и то, кто именно реализует политику, является ее субъектом. В глубоко дифференцированном обществе участие в политике – это дело ограниченного круга лиц, элиты, «правлящего класса». М. Вебер считает, что

субъектами политики могут считаться собственно политические деятели, чиновники, политические партии, а также журналисты³.

Осваивая многочисленные роли, от обычного гражданина до политического лидера, индивиды проявляют свои качества, реализуют интересы и демонстрируют волю в их достижении. Современное общество с его развитыми информационными каналами резко увеличило возможности людей в политической коммуникации. Она все чаще приобретает характер обратной связи, подразумевая наличие отклика широкой аудитории. Вместе с этим эффектом усложнилась структура политического процесса, в том числе такие его компоненты как вовлечение, участие, обмен и пр. Реагируя на усложняющиеся процессы, субъекты вынуждены постоянно корректировать свои действия, продолжая ориентироваться на собственные интересы и внешние ограничения.

При всем многообразии различных трактовок и подходов к пониманию политики, выкристаллизовывается ее сущностное содержание, а именно – это *участие в распределении и обладание властью, которая в свою очередь подразумевает распределение материальных и духовных благ. Поэтому участие в политике с точки зрения динамики политического процесса неминуемо принимает две ключевые формы – это участие-сохранение и участие-изменение.* По существу, они отражают движение двух разнонаправленных общественных сил, их соотношение в конкретной исторической точке приводит к реализации определенной политики.

Участие-сохранение направленно на консервацию действующих властно-политических отношений, создание институтов, которые бы смогли устойчиво их поддерживать. Активность сторонников действующей власти направляется на ее сохранение и удержание.

Участие-изменение напротив, направлено на смену политического курса, перехода к новым формам общественно-политических отношений и связано с требованиями смены власти.

³ Вебер М. Политика как призвание и профессия / Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006. 808 с.

Эти два доминирующих типа политического участия могут принимать различные формы, но они имманентно свойственны всем политическим отношениям.

Следует учитывать, что само движение в направлении изменений связано со сменой властных элит. Поэтому преимущественно борьба за изменение/сохранение приобретает черты противостояния групп, классов, слоев.

Политика в своем настоящем смысле является отражением общественных интересов и возможна только в условиях свободы, сопоставления интересов, публичной их борьбы за властный статус. Плюрализм присущ всякому подлинному политическому обществу. При этом завоеванная политическая победа не лишает побежденную сторону права на критику и продолжение борьбы за политический статус своего интереса.

Разумеется, такой подход имеет смысл только в том случае, если действующим государственным режимом закрепляются основные правовые формы политической организации граждан, допускается конкуренция в борьбе за государственные должности и легально действует оппозиция. Отсюда возникает проблема того насколько широки или ограничены возможности участия граждан в условиях современной демократии.

Й. Шумпетер, один из основоположников элитарной теории демократии рассматривал участие граждан в политическом процессе лишь как вспомогательный канал поддержки демократических институтов. Основная роль в процессе принятия политических решений отводится элите, в то время как масса может определять кому из представителей элиты стоит доверять управление. Й. Шумпетер исходил из того, что сама категория демократии строится на многочисленных ограничениях понятия «народ» и «гражданство» из чего он выводил, что демократия – это не столько «правление народа, сколько правление, одобренное народом»⁴.

⁴ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / Й. Шумпетер ; пер. с англ. / Предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. М.: Экономика. 1995. 540 с.

В элитарной концепции демократии высокий уровень политического вовлечения масс выглядит необязательным и нежелательным, что подкрепляется тезисом об их некомпетентности. Можно сказать, что вовлеченность большого числа малоопытных, необразованных участников вредит не только элитам, но и ставит под сомнение собственно перспективы социального развития. Среди прочего отмечается иррациональность поведения людей в группах и уязвимость для манипуляций, что делает массы удобным объектом для опасных форм политического вовлечения.

Однако следует учитывать, что фиксирование на том, что масса некомпетентна позволяет оправдать сворачивание институтов демократии (то есть минимизировать политическое участие различных субъектов).

В противовес элитарной партиципаторная модель демократии (К. Пэйтман, Б. Барбер, П. Бахрах, Н. Боббио, К. Макферсон, Дж. Циммерманн) возрождает и дополняет классическую идею о прямом народовластии «без посредников»⁵. В ней уделяется большое внимание гражданской активности и политическому участию народа. В первую очередь речь идет о том, что повышение значения простых граждан обусловлено самой логикой политического процесса, а конкретно расширению возможности политического представительства различных слоев общества. В партиципаторной модели политическое участие рассматривается не как средство для достижения цели поддержания институтов демократии, оно само является ценностью, так как благоприятствует интеллектуальному и эмоциональному развитию граждан.

Д. Дьюи, возражая против аргумента о некомпетентности масс, обращал внимание на две проблемы. Во-первых, противопоставление элита-масса носит виртуальный характер, поскольку сам отбор в политическое руководство производится по большей части случайно. Это обстоятельство не позволяет рассчитывать на то, что у представителей правящих групп будут более выражены моральные или интеллектуальные качества. Во-вторых, индустриальное

⁵ См.: Пейтман К. Массовое участие и теория демократии // Теория и практика демократии. Избранные тексты. / Пер. с англ. Под ред. В. Л. Иноземцева, Б. Г. Капустина. М.: Ладомир. 2006. 324 с.

общество, неизбежно усиливает взаимодействие и взаимозависимость его членов, все больше приобретает «кооперативный» характер, оно повышает роль, в том числе и политическую, каждого члена общества, независимо от его социального статуса и профессии⁶. На наш взгляд, данное суждение нельзя признать бесспорным. Маргинализация ряда социальных групп, происходящая в индустриальном обществе, является вполне реальным риском, имеющим политические последствия. Прежде всего они касаются углубления конфликтности и невозможности достижения консенсуса между антагонистическими общественными классами. Вряд ли можно рассчитывать и на увеличения влияния этих слоев в политическом процессе. Будучи дезорганизованными политически, они становятся объектом манипуляции более ресурсных социальных групп. Скорее массовые проявления политического участия играют несколько иную роль. Как отмечает Б. Барбер, высокая политическая активность необходима большинству граждан для того, чтобы противостоять «тирании меньшинства» (элиты)⁷.

Тем не менее, в целом мы скорее согласны с позицией, развиваемой в рамках партиципаторной теории демократии. В ней просматриваются два момента, необходимые для стабильного функционирования демократии – это развитие институтов массового прямого участия граждан и необходимость высокого уровня политической активности масс. Первое выступает организационной основой гражданского общества; второе – необходимым уровнем социальной активности, без которого эти организации не смогут эффективно функционировать.

При этом мы не отрицаем и вскрытие основного противоречия современной политической системы. Утверждение сбалансированной политической системы, где помимо элитных группировок находилось место и проявлению массового участия.

⁶ Дьюи Д. Общество и его проблемы / Пер. с англ. И. И. Мюрберг, А. Б. Толстова, Е. Н. Косиловой. М.: Идея-Пресс, 2002. 160 с.

⁷ Barber B. Participatory Democracy // Encyclopedia of Democracy. Vol. 3. New York. 1995. P.923.

Участвуя в политической жизни общества, индивиды, группы, социальные слои и классы, объединяются в движения и организации, тем самым получая возможность оказывать влияние на политические процессы в государстве. Такого рода сплочения являются не только проявлением «воли и духа» народа, но, подчас, самым обыденным объединением ресурсов. Способность к социально-политической самоорганизации свидетельствует о наличии солидарности и доверия, которое также является важным фактором в построении политических коммуникаций.

Политическое участие как категория социологии политики.

Категория политического участия достаточно глубоко проработана в науке. Долгое время в западной социально-политической мысли политическое участие изучалось в контексте государственного управления и избирательного процесса. Изучению мотивации электорального выбора и политического участия в целом посвящены многочисленные эмпирические исследования зарубежных (С. Верба, Б. Берельсон, А. Марш, У. Милбрайт, П. Лазарсфельд, М. Фиорина) и отечественных (Д. В. Ольшанский, Е. Б. Шестопа, А. И. Тюленев, В. В. Петухов и др.) исследователей.

С середины XX века происходит становление политического участия как научной категории. Признается, что рост внимания социологов и политологов к участию населения в политике связан с глубинными процессами общественных трансформаций, усложнением социально-профессиональной структуры, появлением повышением культурного уровня населения. Весь XX век отмечен ростом вовлеченности людей в процессы групповой борьбы за свои права: национально-освободительные движения в постколониальных государствах, суфражистские, феминистские, расовые и религиозные движения.

В современном мире проблема политического участия граждан в жизни общества остается актуальной. Однако вопрос о его дефинициях в социально-политической науке все еще открыт. Как отмечает М. Холмская, «по общему признанию исследователей, ни в отечественной, ни в зарубежной современной научной литературе не существует однозначного определения понятия

политическое участие⁸. В отсутствии единого толкования понятия политического участия можно увидеть не только извечный «след истории», но и динамизм социально-политических процессов современного мира, которые вынуждают теоретиков корректировать и дополнять свои концепции. Разнообразие трактовок и интерпретаций этого термина определяет задачу сгруппировать их по нескольким теоретическим подходам, каждый из которых имеет свой исследовательский фокус.

С нашей точки зрения, многообразие теоретических оснований изучения феномена политического участия определяется его междисциплинарностью. Она состоит в том, что в зависимости от основного исследовательского фокуса используются различные обществоведческие категории для интерпретации политического участия.

В связи с этим прежде чем перейти к детальному анализу политического участия с позиций заявленных подходов обозначим специфику его социологического изучения, которая, на наш взгляд, состоит в *рассмотрении политического участия как социального процесса, то есть в качестве последовательного взаимодействия социальных субъектов*, влекущего за собой изменения во властно-политических отношениях и общественной структуре в целом. Поскольку под социальным процессом понимается взаимодействие групп, общностей и институтов в рамках различных процедур, повторяющееся действие, которое можно отделить от других действий индивидов, то субъектам, принимающим в нем участие, свойственно опираться на различные основания своих действий.

Важным обстоятельством изучения социальных процессов, которое используется в нашем исследовании, является анализ его типов применительно к стратегиям политического участия. За основу мы возьмем типологию социальных процессов, разработанную Р. Парком и Э. Берджесом, которая исходит из

⁸ Холмская М.Р. Политическое участие как объект исследования. Обзор отечественной литературы // Политические исследования. 1999. №5. С. 170.

различного характера взаимодействия субъектов действий⁹. Они находят отражение в процессе взаимодействия индивидов и групп в политическом пространстве, при реализации различных стратегий политического участия и выстраиваются по двум дихотомиям: 1) приспособление (или адаптация) – конфликт; 2) объединение (или кооперация) – конкуренция.

1. Приспособление (адаптация) в социальных процессах выражено многообразными стратегиями поведения, отражая стремление индивидов участвовать в том, что делают другие и подражать им. В политической плоскости процесс приспособления или адаптации может проявляться как подчинение, компромисс, терпимость, апатичность и т.д. и таким образом, способствовать консервации сложившихся и устоявшихся властно-политических отношений, то есть выражаться в форме политического участия-сохранения, о котором мы говорили выше.

Наиболее распространенной формой приспособления при политическом участии является политический конформизм. В его основе лежит принцип принятия широко распространенных и укоренившихся форм и стереотипов общественно-политического сознания. Согласно трактовке Р. Мертон, распространенность этого типа приспособления напрямую зависит от стабильности общества¹⁰. Следовательно, существует связь – чем общество стабильнее, тем шире распространен этот тип приспособления. И напротив – при дестабилизации начинают нарастать противоречия, проявляться тенденции к социальному расколу и, как следствие, конфликтам. Проблема состоит, однако, в том, что как только стабильность превращается в некую самоцель, то неминуемо входит в практику реакционной политики, недопущению нового, прогрессивного, «внешнего». В таком случае происходит застой, приводящий к окостенению общественно-политических отношений, несменяемости элит и закономерному кризису. Видится приемлемой формула, согласно которой стабильность

⁹ Park R. E., Burgess E. W. Introduction to the Science of Sociology. Chicago: University of Chicago Press. 1040 p.

¹⁰ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель, 2006. 880 с.

подразумевает устойчивость политических институтов при подвижности и сменяемости властных элит.

2. Конфликт – это критическая фаза развития противоречий, проявляющаяся в прямом столкновении позиций, взглядов и интересов. взаимодействие субъектов данного социального процесса как правило идет в рамках участия-изменения и сопровождается негативными эмоциями. С одной стороны, условия, фазы, ход конфликтов в политической сфере четко структурируется и задается рамками политической системы. С другой стороны, выход за его границы (эскалация) приводит к рождению новых форм и видов общественно-политических отношений. Социальные институты при этом выполняют регулирующую функцию. Именно поэтому классики теории конфликта Р. Дарендорф, Л. Козер, пересмотрели негативную оценку социальных конфликтов, переключившись на изучение их позитивных эффектов в обществах плюралистического типа¹¹.

Если регуляция социальными и политическими институтами конфликтов сводится к попыткам минимизации (сокращению) политического участия субъектов, потенциально способствующих конфликту (недовольных) с точки зрения элит, то разрешения конфликтов становятся практически невозможны, они просто переходят в латентную форму. В то же время они усугубляются, так как неучастие ведет к игнорированию интересов субъектов и недовольство усиливается. Для разрешения конфликтов напротив, необходимо/выгодно расширение возможностей политического участия для разных субъектов, и прежде всего недовольных.

Процессы, характеризующиеся как конфликтным взаимодействием субъектов, так и их адаптацией, подкрепляются другими двумя типами взаимодействий по Парку и Берджесу – кооперацией и конкуренцией.

¹¹ Дарендорф Р. «Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы»/Пер. с нем. Л. Ю. Пантиной. М.: Росспэн. 2002. 284 с; Козер Л.А. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О.А.Назаровой; Под общ. ред. Л.Г.Иониной. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуал. книги, 2000. 205 с.

3. Объединение (кооперация) в политическом участии индивидов означает сотрудничество, взаимосвязь людей в процессе их деятельности. Кооперация появляется на определенном уровне политической активности граждан, когда она принимает организованные формы и выражена в создании и участии политических организаций, клубов, общественно-политических движений и пр. В политической кооперации преобладают формы организации труда, направленные на достижение общих целей. Без объединения субъектов в рамках гражданского общества, когда оно остается атомизированным, индивидуализированным, сложно достигать каких-либо целей и усиливать влияние на власть. Также проблема состоит в отсутствии общности интересов, ценностей или же в неспособности их осознать на уровне групповых взаимодействий.

Объединение в политических отношениях приводит к наращиванию влияния политического участия для гражданского общества и возможна только в условиях свободного волеизъявления индивидов. В этом смысле все лица, активно проявляющие себя как субъекты действия являются политической общностью или проще – гражданским обществом. Однако, кооперация в политической сфере, пожалуй, как ни в какой другой, завязана на общности интересов, ценностей, идейных ориентиров и т.д. Их различия приводит к существованию другой разновидности социального процесса – конкуренции.

4. Конкуренция. Борьба между индивидами или группами за обладание ограниченными и неравномерно распределенными в обществе благами и ценностями. Специфическим ресурсом распределения при политическом участии выступает власть. При этом целью участия в политической жизни индивидов может быть как сама власть, так и стремление оказывать влияние на нее. Конкуренция в политической сфере имеет по крайней мере два положительных следствия: во-первых, конкуренция идей и альтернативных сценариев общественного развития выражаемые, например, в функционировании оппозиционных партий и движений; во-вторых, в процессе конкурентного отбора лиц на политические должности и формировании политической элиты. Таким

образом конкуренция приводит к совершенствованию социальных систем, укреплению их жизнеспособности.

Политическое участие как социальный процесс имеет определенную структуру, обусловленную, с одной стороны, институциональными особенностями политической системы, а с другой – ценностными установками, интересами и идеалами субъектов действия.

В структуру политического участия как процесса входят следующие элементы.

1. *Субъект действия* – индивиды и социальные группы. Индивиды являются изначальными субъектами политических действий, носителями минимального потенциала политического влияния. Изначально оно исключительно невелико, однако прибегая к различным стратегиям поведения, оно может увеличиваться и качественно меняться. Речь идет, прежде всего об активных стратегиях поведения, при которых происходят сплочения, объединения и реализации ресурсов. Если индивиды объединяются в группы, создают организации, обмениваются знаниями и пополняют ресурсы, то это резко увеличивает их влияние в политике. Общность условий жизнедеятельности также способствует шансам на солидаризацию группового политического участия.

2. Субъектам политического участия присущи *определенные цели* – это то, ради чего они вступают в политические отношения. Политологи указывают на то, что основной целью политического участия является желание людей влиять на политический курс, политическую элиту и принимаемые правительством решения Д. Найджелл, Л. Милбрайт¹². Самым фундаментальным требованием и одновременно целью политического участия является качественное изменение общественного строя. Оно, в свою очередь, связано с требованием обновления элит, которые способны привносить новые прогрессивные элементы в общественно-политические отношения. потенциальных носителей перемен.

¹² См.: Nagel J.N. Participation. N.Y., 1976. P.246; Milbrath L.W., Goel M.L. Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics?. Chicago: Rand McNally College Pub. Co., 1977.

Помимо этого, существует и комплекс локальных целей-требований, ситуативно возникающих в процессе политического участия.

3. *Мотивы действий*, отражающие формы проявления субъектности политического участия. Определяя только сознательную деятельность, а не подражание кому-то, что часто бывает в политике, они указывают на то, почему индивиды и группы прибегают к определенным типам поведения. Одни и те же условия жизни могут, тем не менее, вызывать различные реакции у субъектов политического участия. При этом диапазон может варьироваться от крайнего активизма до полного абсентеизма. Мотивы политического участия преломляют объективные условия жизнедеятельности людей через систему ценностей, сложившейся в ходе социализации.

4. *Действия* при политическом участии, различающиеся по множеству оснований и критериев. Будучи, по существу, стратегиями поведения и формами политического участия, они предполагают разнообразие способов самовыражения индивидов в политике. Присущие субъектам действий уровень культуры, направленность интересов, психологическое напряжение, находят отражение в конкретных действиях участия в политике.

5. *Внешние условия и факторы политического участия*. Условия – это социально-экономические, политические и культурные подсистемы, формирующие макросреду жизни людей. Среди них можно выделить, например, такие как экономический уклад и уровень экономического развития, государственное устройство и политический строй, этнокультурное разнообразие населения, структуру социального расслоения и т.д. Условия макросреды оказывают определяющее влияние, но действуют не прямо, а косвенно, через соответствующие институты. Поэтому помимо объективных условий выделяют многочисленные факторы, под которыми понимаются функционирование социальных институтов и их результаты, оказывающие прямое влияние на способы и характер политического участия различных социальных групп общества. Субъект политического участия неотделим от социально-политических условий, и в этом смысле его поведение детерминировано различными средовыми

факторами. Вместе с тем существует и обратная связь: прибегая к различным поведенческим стратегиям, субъекты способны менять условия социальной среды.

Чтобы раскрыть содержание политического участия как социального процесса, его функции и воздействующие на него факторы, рассмотрим подробнее теоретические концепции участия, развиваемые в рамках существующих подходов.

Подходы к изучению категории «политическое участие».

Широко распространенным и устоявшимся в социально-политической науке является *инструментальный подход* к изучению политического участия. Для политологов, в основном исследующих политическое участие в рамках данного подхода, значимым является выделение такой категории как влияние, она позволяет осмыслить масштабы политического участия с точки зрения способности тех или иных субъектов действия определять политический процесс. В то же время появляется реальный инструмент, позволяющий проводить политический анализ, осмысливать характер и динамику изменений в сфере властно-политических отношений в зависимости от объема влияния. В основе инструментального подхода лежит представление об индивидах как рациональных участниках политического процесса, которые на основе своих интересов, стремятся увеличивать влияние на его ход и результаты. Особый акцент делается на масштабах политического участия и его ограничениях в виде политического режима и нормативно-правовой системы.

В его основе лежит понимание политического участия как действий по реализации своего влияния, оказания воздействия на властные институты с целью достижения своих интересов. Г. Алмонд и С. Верба дают определение политическому участию как «действиям частных граждан с целью прямого или косвенного влияния на отбор государственных управленцев и их деятельность»¹³. Аналогичную точку зрения выражает Д. Найджелл, определяя политическое

¹³ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль. 2014. С. 123.

участие как «действия, посредством которых рядовые члены любой политической системы влияют или пытаются влиять на результаты ее деятельности»¹⁴. Л. Милбрайт указывает на то, что политическое участие есть организованные действия граждан, целью которых становится оказание влияния на правительственные органы или поддержки его политического курса¹⁵.

В этой трактовке переменными политического участия выступают само влияние и объект, на который оно направлено. Низкая активность граждан в политике теоретически приводит к низкому уровню влиятельности. Это связано с тем, что интересы общественно пассивных инертных групп населения не берутся в расчет при принятии политических решений. В качестве объекта влияния выступают политические организации, государственные структуры, отдельные политические решения и политические посредники. Российский исследователь А. В. Ключев, используя инструменталистский подход, определяет политическое участие как «влияние граждан на формирование политических элит, принятие ими политических решений, осуществление контроля за действиями властей, организованное самоуправление и т. д.»¹⁶. В нем подчеркивается роль элиты как посредника. Тем самым рядовые граждане не прямо влияют на принятие политических решений, а косвенно – через созданные инструменты мобильности, представительства и социализации.

Инструментальный подход позволяет выявить *основной набор функций политического участия*. При этом необходимо учитывать два возможных толкования функций. Первый исходит из парадигмы структурного функционализма (Т. Парсонс, Р. Мертон), согласно которой общество как внутренне дифференцированная система стремится к упорядоченному функционированию и целостности. Второй – восходит к конфликтологической парадигме (Р. Дарендорф, Л. Козер), согласно которой в основу любой социальной структуры неизбежно заложены конфликты – сущностные противоречия, которые

¹⁴ Nagel J.N. Participation. N.Y., 1976. P. 3.

¹⁵ Milbrath L.W, Goel M.L. Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics. 1977. 273 p.

¹⁶ Ключев А. В. Политическое участие: состояние и тенденции развития в условиях современного российского общества // Управленческое консультирование. 2005. №2. С. 70.

одновременно выступают фактором риска, но и драйвером развития. Соответственно возникает потребность перманентного управления ими, что формулирует определенную социальную функцию. Общества модерна со сложной организацией социальной структуры неизбежно сталкиваются с различными проявлениями конфликтов, приспосабливаются к ним и более или менее успешно регулируют их при помощи предоставляя поле для легальной политической конкуренции различным социальным субъектам.

Согласно позиции структурного функционализма, политическое участие выступает одним из способов сохранения саморегуляции и равновесия социальной системы, важнейшим движущей силой «политической машины», обеспечивающей демократию¹⁷. Б. Барбер считает, что политическое участие является механизмом, уравнивающим влияние высших социальных классов, и позволяющим низшим слоям время от времени брать над ними верх¹⁸. Идея в том, что массовое участие простых граждан способно в определенные моменты истории «перевешивать» влияние правящих групп и диктовать им свою волю.

В зависимости от того, как именно разрешается ситуация взаимодействия между властью и гражданским обществом, она может становиться реальностью либо консенсуса (стабильности), либо конфликта (кризиса). Отсюда появляется потребность рассмотрения набора функций политического участия на основе конфликтологической концепции.

Представители конфликтологической парадигмы рассматривают социальную реальность как поле битвы, где «множество групп борются друг с другом, где возникают, исчезают, создаются и разрушаются альянсы»¹⁹. «Конфликт, как утверждает Дарендорф, - является великим стимулом перемен, и нашей задачей в мире, в котором перемены представляют собой единственную надежду, должно быть обуздание конфликта с помощью правил, посредством

¹⁷ Мертон Р. К. Явные и латентные функции / Р. К. Мертон // Американская социологическая мысль: тексты. М.: Изд. кн. Американская социологическая мысль: тексты, М., 1994. С. 379-448.

¹⁸ Barber B. Participatory Democracy. // Encyclopedia of Democracy. Vol. 3. New York, 1995. P.923.

¹⁹ Кольба А. И. После 2009: современные тенденции управления социальными конфликтами в контексте теории Р. Дарендорфа // Политэкс, 2011. Том 7. № 1. С. 39-53.

конституции свободы»²⁰. В ходе конфликтов происходит трансформация институтов, оформление новых версий общественного договора, в связи с этим растет значение институтов, регулирующих конфликты.

При демократическом устройстве политической системы политическое участие, по мнению Р. Коллинза, приобретает «формы упорядоченных дискуссий между классами», становясь способами «правления через конфликты», через увеличение «шансов участия» в управлении²¹. Объявив конфликт неизбежным следствием функционирования социальных структур, Дарендорф и его последователи сосредоточились на изучении методов управления ими. Отсюда вытекает положение конфликтологической теории, имеющее важное значение для оценки последствий политизации и политического участия групп и индивидов, дифференцированных по своему отношению к происходящим событиям и текущему политическому курсу: общественный консенсус состоит вовсе не в том, чтобы подавлять или даже избегать конфликтов, а в том, чтобы преобразовывать их в контролируемые формы и приводить к положительным эффектам.

Таким образом, на основе обзора структурно-функциональной и конфликтологической парадигм, мы приходим к выводу о существовании двух основных функций политического участия:

1. Поддержка и развитие институтов демократии в обществе, способствующие большей солидарности и сплоченности социальных субъектов.
2. Создание норм, регулирующих политические конфликты, разработка социальных технологий, минимизирующих потери от них.

Обратим внимание еще на две функции политического участия. *Гражданская кооперация и интеграция* – функция, выраженная в способности индивидов объединяться на основе общности условий жизнедеятельности и интересов. Общность социальных условий существования объясняет солидарности, которые приводят к общественно-политическим последствиям в

²⁰ Дарендорф Р. После 1989. Размышления о революции в Европе. М.: Ад Маргинем, 1998. С. 41.

²¹ Коллинз Р. Теория конфликта в современной макроисторической социологии // Философская и социологическая мысль. 1993. № 6. С.83.

виде создания движений и организаций. Так, на фоне роста численности рабочего класса в странах Запада, во второй половине XIX- начале XX вв., стали формироваться крупные социал-демократические партии. Они во многом определили политическую дискуссию, идеологию и направление развития национальных политических систем в XX веке. В качестве другого примера можно привести и современные реалии партийной системы в России. По состоянию на 2020 г. в России существует 47 политических партий. Значительная их часть образована по социально-общностному принципу (трудящиеся, родители, пенсионеры, аграрии, предприниматели и пр.). Это показывает, что общность условий существования остается ключевым фактором кооперации в организованные формы политического участия граждан.

Функция политической коммуникации. Участвуя в политической жизни, индивиды и социальные группы вступают в обмен информацией, оказывающей влияние на политическое сознание и политическое поведение.

Считается, что вся политическая жизнь есть создаваемая с помощью языка специфическая конструкция²². Каждый политический факт, описание события или отношение к политической фигуре содержат в себе интерпретации участников и наблюдателей политического процесса, зависящие от их идейно-психологических предпочтений и особенностей.

Политические коммуникации носят разнонаправленный характер, подчас осуществляясь в форме несистемных обменов информацией, бытовых бесед, даже слухов и домыслов. Принято считать, что в современном мире значение политической информации только возрастает, а следовательно, растет объективная необходимость в ее освоении и адекватной переработке²³.

Анализ инструментального подхода к политическому участию позволяет сделать несколько выводов, которые мы будем учитывать при исследовании процесса политического участия молодежи.

²² Nederman C. J., Jones B. S., Fitzgerald L. Lost in Cyberspace: Democratic Prospects of Computer-Mediated Communication // Contemporary Politics. 1998. Vol. 4. № 1.

²³ Шарков Ф. И. Политическое сознание – политическая практика – политическая коммуникация // PolitBook. 2014. № 1. С. 153-166.

Во-первых, деятельность по оказанию влияния присуща гражданскому обществу, не имеющему формально-юридических инструментов власти. Государство как «политическая организация общества», выступает в качестве системы институтов власти, которая подвергается воздействию со стороны различных общественных сил в рамках конституционных норм. Тем самым речь идет о дуализме двух основных форм политической власти: общественной власти, реализуемой путем формирования общественного мнения через СМИ, гражданское общество и неформальные структуры; и государственной власти, реализуемой через каналы публичной политики и формализованные институты. С точки зрения реализации общественных интересов, функция политического участия заключается, на наш взгляд, и в том, чтобы уравнивать эти две власти в обществе, тем самым достигая социально-политической стабильности и эффективности управления.

Во-вторых, предполагается, что механизмы политического вовлечения должны способствовать укреплению демократических институтов политического участия (выборы, референдумы, самоуправление). При этом сами демократические институты могут выступать либо как самодостаточные механизмы социального порядка, либо как структуры регулирования конфликтов. Управление политическими конфликтами выполняет функцию страховки общества от деструктивности конфликтов, а также стимулируют его саморазвитие на основе широкого вовлечения граждан в политические процессы и обеспечения его причастности к принятию политических решений.

В-третьих, в рамках инструментального подхода стратегии политического участия различных социальных групп и общностей заключаются в том, чтобы накапливать ресурсы влияния для корректировки политического курса и принятия решений в своих интересах. Как правило противоречия в интересах и становятся причинами острых конфликтов субъектов политики. Необходимость их регулирования цивилизованными способами приводит к необходимости развития политики как средства стабилизации социальных отношений.

Иное содержание категории политического участия, предлагается в рамках *деятельностного (праксеологического) подхода*. В соответствии с ним политическое участие рассматривается, прежде всего как деятельность, при помощи которой обычные члены любой политической общности оказывают влияние на результаты ее функционирования. В центре внимания оказываются такие характеристики участия как деятельная вовлеченность в политику, мотивация, ценностные установки субъекта действия²⁴.

Именно деятельностный подход изучения политического участия был взят на вооружение отечественными обществоведами советского и постсоветского периода (Ю. А. Козлова, Д. В. Ольшанский, А. В. Смирнова, А. И. Тюленев, В. Н. Масленникова, Ю. В. Тихомирова, Е. Б. Шестопа, В. Ястребова). В трудах этого периода просматривается приверженность марксистской идеологии, с позиций которой осуществляется критика буржуазных моделей социализации и участия в политике²⁵. Повышенное внимание уделяется исследованию политического участия в условиях социалистической демократии как политической активности личности, а также как участию граждан в управлении государственными делами. По мнению Р. Г. Апресяна, идея участия предполагает, что управляемые включаются и вовлекаются в процесс управления общественными и государственными делами, насколько это возможно²⁶.

Таким образом, в рамках деятельностного подхода к изучению политического участия, центральное место уделяется категориям «политическая активность» и «политическая деятельность».

Д. В. Ольшанский исходит из определения социально-политической активности как «деятельности социальных групп или индивидов, связанной с формулированием и выражением собственных потребностей и интересов, со

²⁴ Гончаров Д. В. Теория политического участия. М.: Юрист. 1997. 208 с.

²⁵ Шестопа Е. Б. Личность и политика: критич. очерк современ. зап. концепций полит. социализации / Е. Б. Шестопа. М.: Мысль. 1988. 203 с.

²⁶ Апресян Р. Г. Гражданское общество: участие и ответственность // Гражданское участие, ответственность, сообщество, власть. Неконцептуальный сборник / под ред. Р. Г. Апресяна. М.: Аслан, 1997. С. 31.

стремлением изменить существующий политический или социально-экономический порядок и соответствующие политические институты»²⁷.

Деятельность – это человеческий способ отношения к миру, в ходе которого человек творчески преобразует природу. Деятельность как процесс отличается двуединым основанием: с одной стороны, человек преобразует природу сообразно своим потребностям, с другой – происходит преобразование самого субъекта действия, его сознания, системы ценностей и мировоззрения в целом. В марксистском понимании политика выступает средством преобразования человеком самого себя через преобразование человеческого общества. Именно поэтому К. Маркс и его последователи уделяли повышенное внимание изменению политического сознания масс, и в первую очередь сознанию пролетариата, как движущей силе революционных преобразований. Политическое участие превращает индивида в активного участника политического процесса, формируют и преобразует гражданскую позицию и значительно меняет представления о своей влиятельности на общественном уровне взаимодействия. Неслучайно, что политическое участие нередко отождествляют с политической активностью. Наряду с другими формами деятельности, творческой, экономической, досуговой и пр., она приобретает смысл для человека при получении от нее определенного результата, не только материального, но и духовного.

Бурные процессы политической трансформации и социально-экономический кризис 1990-х гг. в России резко изменили общее содержание и направленность исследований политического участия, однако общая ориентация на категорию деятельности сохранилась. Например, В. И. Жуков и Б. И. Краснов, отмечали, что политическое участие принимает форму «совокупности действий, представляющих собой ответную реакцию на политические события, процессы и т.д., с целью оказания влияния на позицию и деятельность субъектов политики»²⁸.

²⁷ Ольшанский Д. В. Основы политической психологии / Д. В. Ольшанский. – Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 21.

²⁸ Жуков В. И. Общая и прикладная политология: учеб. пособие. / В.И. Жуков, Б.И. Краснов. – М.: МГСУ; Союз, 1997. С. 651.

Раскрывая категорию политического участия, Д. В. Гончаров разделяет его по основаниям осознанности и характера действия. В некоторых случаях оно предполагает отчетливо осознаваемые индивидами процедуры социально–политического действия, имеющие инструментальный характер и эффективно осуществляемые в демократическом ценностном и институциональном контексте. В других случаях понятие политическое участие выступает как совокупность действий, не всегда поддающихся инструментализации, однако непременно связанных с активным поведением, зачастую требующим от индивидов больших усилий, даже жертв в стремлении повлиять на ход политической жизни в данном сообществе²⁹.

В логике деятельностного подхода понятие политическое участие нередко используется как синоним для других терминов, таких как «политическое вовлечение» и «политическая активность»³⁰.

С целью разграничения дефиниций этих понятий следует уточнить их толкование в научной литературе.

А. И. Киричек рассматривает политическую активность в единстве материальных (реальное изменение политических отношений) и духовных (аккумуляция и трансляция политического знания и опыта, обмен информацией, межгрупповая и межличностная координация и пр.) условий жизнедеятельности. За этим следует вывод, что «политическая активность – это многостороннее и многоаспектное понятие, раскрывающее совокупность действий, выход энергии индивидов и социальных групп, направленные на изменение своего политического статуса и окружения»³¹.

О. М. Карпенко и И. А. Ломанов отмечают сложную структуру политической активности, выделяя пять ее основных компонентов:

²⁹ Гончаров Д. В. Указ. сочинение. С. 17.

³⁰ См.: Римский В. Л. Политическая и общественная активность российских граждан // Общественные науки и современность. 2007. № 5. С. 60-68; Сизов И.В. Политическая активность в современной России в контексте динамики экономических и ценностных перемен // Управление мегаполисом. 2010. № 3. С. 134-138; Щенина О. Г. Участие молодежи в политических процессах современной России // Политические перемены в современной России. – М., Институт сравнительной политологии РАН. 2005. С. 128-150.

³¹ Киричек А.И. К вопросу о дифференциации содержания категорий "политическая активность", "политическое поведение" и "политическое участие" // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 3. С. 34-37.

мыслительная, электоральная, стихийно-массовая, структурная, профессиональная. При этом политическая активность функционирует на коллективном и индивидуальном уровне. Инструментарием для измерения политической активности могут служить различные индикаторы, такие как, уровень знаний о политике, выражение внимания к СМИ и различным общественно значимым событиям, индивидуальные дискуссии в семейном и дружеском кругу³².

На уровне бытового сознания распространено мнение, что политическая активность широко одобряется обществом, а политические активисты, вследствие этого имеют высокий социальный статус. Такая интерпретация, однако, зависит от общественных установок и реалий политического строя. В действительности лишь некоторые формы политической активности являются широко одобряемыми, а прочие признаются нежелательными или даже враждебными. При этом, чем режим власти либеральнее, тем больший репертуар политических действий входит в социальную норму. Жесткие авторитарные и тоталитарные режимы допускают лишь прямо одобренные согласованные формы политического участия граждан. Как отмечает С. Хантингтон, в демократически организованных государствах преобладают автономные, то есть добровольные формы политического участия, в то время как недемократическим присущи мобилизационные³³. Мобилизационное участие характеризуется не только принудительностью (оно может проявляться как в явных формах принуждения, так и в скрытых – через посредничество неполитических организаций, профсоюзов, административное давление работодателей и пр.). Целью мобилизационного участия в недемократических обществах является публичная демонстрация единства народных масс с правящим классом и отчуждение на этой основе любой политической оппозиции.

Проявляя активность в политике субъекты стремятся наращивать свое влияние. В обыденной речи устоялись, например, такие обороты как «активное

³² Карпенко О. М., Ламанов И. А. Молодежь в современном политическом процессе в России. М. : СГУ, 2006.

³³ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция. 2004. 480 с.

участие в работе организации» или «он активно вовлечен в деятельность политической партии» и т.д. Тем самым подчеркивается качество отношения активный – значит небезразличный и готовый действовать. Активность при этом является лишь одним из таких средств, наряду, например, с пассивностью. Тем самым активность можно рассматривать как форму политического участия, хотя и основную, но все-таки не единственную.

Главный признак активного политического участия – это способность определять качественные изменения в политике и в целом влиять на политический процесс. Пассивные формы политического участия также широко распространены, в том числе и полная аполитичность, но они не оказывают большого влияния на политический процесс, вследствие чего их можно считать второстепенными по сравнению с проактивными видами участия. Мы исходим из утверждения, что в условиях отсутствия реальных властных и экономических ресурсов гражданского общества по оказанию влияния на политические процессы главную роль играет активность тех или иных социальных групп.

Таким образом, политическую активность необходимо рассматривать как качественное свойство участия, при помощи которого индивиды и группы, лишенные реальных инструментов власти, могут наращивать свое влияние в политике, отстаивать свои интересы и защищать социальные блага. Например, вступая в организационные связи граждане могут способствовать увеличению своего политического потенциала. При этом мы особо подчеркиваем, что заметные политические изменения могут происходить только в тех случаях, когда граждане активно участвуют в политической жизни.

Рассмотрим связь понятий политическое участие и политическое вовлечение. Если в широкой трактовке они зачастую отождествляются, то в узком смысле эти понятия следует различать. Главным отличием выступает то, что при политическом вовлечении субъектом действия выступают государственные структуры или организации гражданского общества, а объектом – индивиды и социальные группы. В случае с политическим участием дело обстоит иным образом – субъектом действий выступают граждане и их группы, а объектом чаще

всего государство, политические лидеры или организации гражданского общества. Последние становятся объектами притязаний и запросов части населения, суть которых и составляет функционирование всей политической системы общества. Если речь идет о демократическом режиме, признающем политический плюрализм, то вовлечения носят мягкий характер и ориентированы на повышение мотивации и заинтересованности людей к политике, предоставлении данных и информации о состоянии общественных проблем. Западные исследователи, фиксируя снижение интереса граждан к политике, считают это результатом системных общественных трансформаций. Выход они видят в активном привлечении и выработке гражданских навыков, прежде всего у молодого поколения³⁴. Если старшие поколения, по мнению Р. Далтона больше ориентированы на ценности гражданского долга при политическом участии, то молодежь ориентирована на интерес. Отсутствие интереса к политике становится достаточным основанием для отказа даже от базовых форм политического участия, таких как голосование на выборах.

Необходимость политического вовлечения в нашей стране имеет иные основания. Слабость демократических институтов в пореформенной России была вызвана не только транзитным характером реформ в 90-е годы XX века, но и тем, что прежнее советское государство прибегало к жесткому мобилизационному вовлечению граждан в политику, вменяя это в обязанность каждому. Можно сказать, что в постсоветский период многие восприняли политическую свободу в России как свободу от политики. Низкая поддержка населения политических реформ привела к кризису доверия и отчуждению от политики широких общественных масс. В связи с этим некоторые эксперты призывали более активно использовать государственные рычаги политического вовлечения граждан. О.Ю. Кузин отмечает: «Очевидно, что в этих условиях российское государство и другие политические и общественные институты не могут пустить на самотек вопросы вовлечения граждан в политическую жизнь. Это тем более было бы странно, если

³⁴ Dalton R., Van Sickle A., Weldon S. The individual-institutional nexus of protest behaviour. *British Journal of Political Science*. 2009. 40. 51–73.

принять во внимание тот факт, что все реформы и все процедуры по приданию режиму демократического характера у нас всегда инициируются сверху, главным образом государством»³⁵.

Политическое вовлечение – это функция поддержания высокого интереса общества к политике, включения личности в избирательный процесс и развития ее гражданских навыков. Для различных субъектов оно обладает разным смыслом: для государства служит способом легитимации власти, для политических партий – средством мобилизации электората, а для гражданского общества – возможностью привлекать в свои ряды активистов. «Посредством разных форм вовлечения индивида или группы в те или иные виды социально-политической деятельности номинальное включение становится реальным деятельным членством, возникает сопричастность (идентичность) индивида или группы этой общности»³⁶. Тем самым пополнение многочисленных политических организаций также происходит за счет вовлечения. Преобладание государственных форм политического вовлечения свидетельствует как о слабости гражданского общества, так и о желании власти регулировать политическую активность населения.

Таким образом, связь политического участия, во-первых, с политической активностью, и, во-вторых, с политическим вовлечением, позволяет говорить о нем как о сложном *двустороннем социальном процессе*. С одной стороны взаимодействие осуществляется основными субъектами политического участия – индивидами, группами, общностями, - проявляющими определенную степень политической активности и вступающими в различные типы взаимодействий друг с другом (кооперацию, конфликты и др.); с другой стороны взаимодействуют социальные и политические институты, осуществляющие вовлечение этих индивидов, общностей и групп в политику.

³⁵ Кузин О.Ю. Демократия и политическое вовлечение граждан // Известия тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 10. С. 149-159.

³⁶ Фан И.Б. Политическое участие в России: исключение «под прикрытием» включения // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отделения Рос. акад. наук. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 68.

Сравнивая два рассмотренных подхода к пониманию политического участия, инструментальный и деятельностный, отметим, что они находятся в определенной логической связи. Ограниченность инструментального подхода, используемого в основном политологами, состоит в том, что все формы политического участия людей обуславливаются политическим режимом и производными от него ограничениями. Дополнение инструментального подхода деятельностным позволяет поставить и рассмотреть проблему выделения форм политического участия как реально существующих практик человеческой деятельности.

Появление и развитие *стратификационного подхода* к изучению политического участия стало результатом углубления социологических исследований, в том числе сравнительных, охватывающих большие массивы данных.

Стратификационный подход состоит в понимании общества как системы, воспроизводящей определенные формы социального неравенства. Центральной проблемой социологических исследований политического участия оказываются причины и факторы, приводящие к его различным проявлениям в социальных группах, общностях, слоях и классах. В обществе всегда сильны социально-экономические различия между группами, которые становятся определяющими факторами вовлечения и политического участия социальных групп. Среди факторов, оказывающих наибольшее влияние на характер и направленность политического участия, социологи выделяют социально-экономический статус личности (С. Верба, Н. Най), уровень образования, а также перечень институциональных и ситуативных факторов, например, политические события, принятие правительствами политических решений, экономические кризисы и т.д. (Д. Марш, С. Липсет, К-Р. Сен, А. Торрес, И. А. Батанина, А. А. Лаврикова, О. Е. Шумилова). Даже в современных развитых обществах с открытыми демократическими институтами власти и массовым средним классом эти различия оказывают влияние на политическое участие социальных групп (А. Пршеворски). Если же рассматривать общества со значительным социально-

экономическим неравенством, где финансовые и властные ресурсы распределены крайне неравномерно, то мы встретим еще большее влияние этих факторов (А. А. Алексеенко, В. В. Петухов).

Современные социологические исследования сосредоточились на объяснении факторов политического участия различных социальных групп населения, в которых проявляется специфика их социально-экономического положения, статуса, возраста, образования и т.д. Они показывают различия в интенсивности коммуникаций, мотивах и репертуаре политического участия. Д. Марш указывает, что женщины демонстрируют большую склонность к протестному поведению, чем мужчины. На политическую активность влияет образование: просматривается такая тенденция – по мере роста уровня образованности возрастает политическая активность. Возраст также связан с выбором форм политического участия. Молодые в большей степени склонны к радикальным формам политического участия, а люди зрелого возраста тяготеют к конформистскому поведению³⁷. Тем самым признается, что социальные факторы, такие как различия в возрасте, образовании играют ключевую роль в определении форм и методов политического участия.

С. Липсет и К. Сен выдвинули и обосновали тезис о том, что чем более нация преуспевает в экономическом развитии, тем более подверженным демократическим реформам становится государство. Доказывая взаимозависимость социально-экономического развития и форм участия, они пришли к выводу о существовании двух моделей взаимосвязи — либеральной (экономическая стабильность сокращает социальное неравенство, приводит к конвенциональным формам участия и политической стабильности) и популистской (неинституционализированное участие, направленное на уравнилельное распределение благ, влечет за собой дестабилизацию политической системы)³⁸. Существенно здесь то, что приверженность реформам

³⁷ Marsh D. New Forms of Political Participation: Searching for Expert Citizens and Everyday Makers // British Journal of Political Science. 2008. № 38. С 247-272.

³⁸ Липсет С.М., Сен К.-Р., Торрес А.Ч. Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии // Международный журнал социальных наук. 1993. №3. С. 5-33.

приводит государство к необходимости развития демократических институтов, что пробуждает интерес общественности к политическим вопросам. Соответственно сама политическая элита запускает процесс демократизации институтов, поскольку он оказывается частью ее интересов.

В дальнейшем эта гипотеза многократно проверялась и подтверждалась различными исследованиями³⁹. С. Верба и Н. Най рассматривали социально-экономические и демографические характеристики населения как основополагающие для выделения в качестве базовых факторов политического участия и активности. Граждане с высокими доходами более глубоко осознают связь политики и их повседневной жизни. При этом доход не прямо воздействует на политическое участие, а косвенно – более обеспеченные слои населения обладают необходимыми ресурсами, такими как знания и время, чтобы обеспечить доступ к необходимой информации и выработать эффективную стратегию поведения. Как правило высокообеспеченные и средние слои склонны к конвенциональным формам участия, что в свою очередь оказывает поддержку демократическим институтам. Люди с более высоким социально-экономическим статусом выше, чем бедные слои оценивают свою влиятельность, что и становится фактором повышения интереса к политике⁴⁰. Если же говорить о прямых следствиях высокого социального экономического статуса, то он связан с принадлежностью индивидов к элитарным группам. Принадлежность к ним, собственно, увеличивает возможность получать более закрытую ценную информацию, включаться в процессы принятия решений и влиять на ситуацию в конкретной сфере деятельности. Тем самым политическое участие высокоресурсных социальных групп отличается принципиально иными возможностями оказывать влияние на политический процесс.

³⁹ См. Bollen K. 1979. Political Democracy and the Timing of Development. *American Sociological Review*. 44: 572-587; Bollen K. 1980. Issues in the Comparative Measurement of Political Democracy. *American Sociological Review*. 45: 370-390; Bollen K. 1993. Liberal Democracy: Validity and Method Factors in Cross-National Measures. *American Journal of Political Science*. 37: 1207-1230; Olsen Marvin E. 1968. Multivariate Analysis of National Political Development. *American Sociological Review*. 35: 699-712;

⁴⁰ Verba S., Nie NH., Kim J. Participation and Political Equality: A Seven-Nation Comparison. Chicago: University of Chicago Press. 1978. 394 p.

Можно утверждать, что существует и связь иного рода – бедные слои как правило отчуждены от политики и не стремятся активно в ней участвовать. Вместе с тем, из-за уязвимого социального положения, бедные подвержены различным негативным влияниям и авторитарным призывам. Исторический опыт показывает, что бедность становится реальным фактором для двух форм политического участия: изоляции и деструктивизма. В силу этого в кругах социально-политических мыслителей сложилось скептическое и настороженное отношение к вовлечению малообеспеченных слоев населения в политику. А. Пршеворски отмечает: «Мы обычно рассматриваем низкие показатели явки как признаки кризиса демократии, как слабость «диффузной поддержки» демократических институтов. Причинно-следственный механизм, как правило, заключается в том, что, когда бедные не участвуют, они могут в конечном итоге взорваться в форме крестьянских восстаний, беспорядков в гетто, миллениаристских движений и т. д.»⁴¹. Действительно, отчаянное положение бедных слоев нередко становится причиной не только массового деструктивного участия, но и целых революционных движений.

Однако современные развитые общества во многом научились преодолевать социальное напряжение при помощи надлежащей социальной политики государства. Данные, приведенные Лоулессом и Фоксом, выявили, что контакты с правительственными органами, с которыми обычно сталкиваются граждане, живущие в условиях бедности, послужили важным опытом, который укрепил готовность участвовать в политической системе. В конечном счете они приходят к выводу, что решение об участии в политической жизни не может быть отделено от весьма специфического способа взаимодействия граждан с правительственными структурами⁴². Отсюда следует, что современное социальное государство имеет достаточный запас прочности, который связан с

⁴¹ Przeworski A. The Poor and the Viability of Democracy. In A. Krishna (Ed.), *Poverty, Participation, and Democracy: A Global Perspective*. 2008. P. 125-146.

⁴² Lawless J., Fox R. Political Participation of the Urban Poor // *Social Problems*. Volume 48, Issue 3, 1. 2001. P. 362–385.

косвенными преимуществами от поддержки социально незащищенных слоев населения.

Состояние экономики, как видно из многочисленных сравнительных и национальных исследований, оказывает большое влияние на взгляды и поведение граждан в политике. Однако наиболее впечатляющие эффекты проявляются при сочетании экономических и социальных факторов. Повышение уровня образования в сочетании с ростом национального дохода оказывают определяющий эффект при формировании политических воззрений нового поколения. А. Инкелес, Л. Даймонд и Д. Смит отмечают, что повышение уровня образования прививает гражданам более современное отношение к окружающему миру, в частности приводит людей к мысли о том, что они могут и должны высказываться о политических проблемах и деятельности своего правительства⁴³.

В большинстве исследований политического поведения установлено, что индивиды с высшим образованием в большей степени участвуют в политической деятельности, чем лица с более низким образованием⁴⁴. Согласно общепринятой точке зрения, образование должно повышать гражданские и политические навыки, которые функционируют в качестве причинно-следственных механизмов, стимулирующих участие. Для этого иногда упоминается термин «когнитивный путь», т. е. то, что люди учатся в школе оказывает положительное влияние на их познавательные способности, которые в свою очередь влияют на участие. В дополнение к навыкам и знаниям, также утверждается, что образование вызывает политическую эффективность. Р. Джексон объясняет эту идею следующим образом: «Школьное образование укрепляет веру потенциального избирателя в то, что он может иметь влияние на совершаемые правительством действия (внешняя эффективность) и убежденность в том, что потенциальный избиратель обладает компетенцией понимать политику и участвовать в ней

⁴³ См.: Inkeles A., Diamond L. Personal qualities as a reflection of level of national development. In F. Andrews & A. Szalai (Eds.), *Comparative studies on the quality of life*. 1980. P.73-109; Inkeles A., Smith D. H. *Becoming modern: Individual change in six developing countries*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1974. 208 p.

⁴⁴ Verba S., Schlozman Kay L., Brady H. *Voice and Equality: Civic Voluntarism in American Politics*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 1995. P. 664.

(внутренняя эффективность)»⁴⁵. Отсюда, образование укрепляет убежденность граждан в том, что они могут эффективно играть определенную роль в политическом процессе.

Однако прямая причинно-следственная связь не всегда находит подтверждение по результатам эмпирических исследований. Даже те, кто придерживается мнения о том, что образование является непосредственной причиной, редко представляют доказательства того, каким образом и с помощью каких механизмов образование влияет на участие. Скорее, когда дело доходит до объяснения эффектов образования, обычно описывают механизмы работы как «остающиеся скрытыми» или как «не расшифрованный черный ящик»⁴⁶.

Другие исследования показывают, что образование выступает скорее косвенным фактором, в то время как определяющую роль играет первичная социализация индивида. Предполагается, что взаимосвязь может быть объяснена, ссылаясь на эффекты самоотбора, которые влияют как на выбор образования до взрослого возраста, так и на участие в политической жизни во взрослом возрасте. Другими словами, образование служит скорее показателем таких факторов, как социально-экономический статус семьи, политическая социализация в домашних условиях, личностные характеристики, такие как когнитивные способности, генетические склонности, типы личности и т.д.⁴⁷.

Существует и еще одна точка зрения, которая объясняет как образование влияет на микро и макроуровнях. С одной стороны, выявлено, что образование оказывает положительное влияние на участие на индивидуальном уровне. С другой стороны, повышение уровня образования на макроуровне, по-видимому,

⁴⁵ Jackson R. A. Clarifying the Relationship between Education and Turnout // *American Politics Research*. 1995. №. 23. P. 279–299.

⁴⁶ Ichilov O. Education and Democratic Citizenship in a Changing World / *The Oxford Handbook of Political Psychology*, edited by David O. Sears, Leonie Huddy, and Jervis Roberts. Oxford: Oxford University Press. Pp. 2003. 637–670; Niemi Richard G. Junn J. 1998. *Civic Education: What Makes Students Learn?* New Haven, Conn.: Yale University Press. 1998.

⁴⁷ См.: Jennings Kent M., Niemi Richard G. *The Political Character of Adolescence: The Influence of Families and Schools*. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 1974.; Luskin, Robert C. *Explaining Political Sophistication*. *Political Behavior* 1990. № 12. Pp. 331–361; Alford John R., Funk Carolyn L., Hibbing John R. 2005. Are Political Orientations Genetically Transmitted. *American Political Science Review*. 2005. Vol. 99. № 2. Pp. 153–167.

не увеличивает совокупный уровень участия в политической жизни⁴⁸. Таким образом, хотя многие исследования показали, что в любой момент времени люди с высшим образованием в большей степени участвуют в политической жизни, из этого не следует, что повышение уровня образования населения в целом приведет к совокупному увеличению участия в политической жизни. Важный вывод делает Ф. Хирш, что по мере повышения уровня образования «эффект будет заключаться в том, чтобы подтолкнуть конкуренцию со стороны более квалифицированных кандидатов, сместив менее квалифицированных вниз по иерархии рабочих мест»⁴⁹.

Мы уделили повышенное внимание анализу влияния образования как фактору, *запускающему механизмы политического участия*, и пришли к выводу, что современные исследователи не так однозначны в своих оценках фактора образования. Как можно убедиться из проведенного анализа работ, социологи отводят образованию одно из ключевых мест в изучении влияния на политическое участие. Хотя среди ученых нет согласия в понимании того, является ли образование фактором прямого действия или скорее служит «точкой сбора» для многочисленных других обстоятельств; так или иначе признается, что оно играет важное значение в формировании политических ориентаций людей. Как и прочие факторы, рассматриваемые в рамках стратификационного подхода, предполагают более или менее значительную дифференциацию социальных групп.

Таким образом, основываясь на исследованиях, предпринятых в рамках стратификационного подхода, мы можем заключить, что политическое участие протекает под воздействием ряда факторов, обусловленных социальным неравенством: как внешних условий – уровня социально-экономического развития общества, демографической ситуации, степени развития и эффективности функционирования демократических институтов, так и внутренних (по отношению к субъектам участия) – социального и экономического

⁴⁸ Schlozman Kay L., Verba S., Brady H. The Uneven Chorus: Unequal Political Voice and the Broken Promise of American Democracy. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 2012. P. 728.

⁴⁹ Hirsch F. Social Limits to Growth / London: Routledge & Kegan Paul. 1978. P. 50.

статусов индивидов и групп, их удовлетворенности жизнью и социальным самочувствием в целом. Кроме того, важный вывод стратификационного подхода состоит не только в том, что социальные различия оказывают определяющее значение на формы политического участия и уровень политической активности, но также и то, что они могут быть изучены социологическим инструментарием.

Предприняв подробный анализ политического участия с позиций выделенных нами основных подходов к его изучению – инструментального, деятельностного и стратификационного, мы можем сформулировать его содержательные характеристики:

- политическое участие выступает разновидностью социального процесса, в ходе которого происходят изменения во властно-политических отношениях в обществе;

- это направленный процесс взаимодействия, его результатом является увеличение степени и объема влияния на принимаемые решения различных социальных акторов (прежде всего общностей и групп), не обладающих формальным властным ресурсом;

- в процессе политического участия реализуется ряд важных функций, работающих на достижение социально-политической стабильности системы и эффективности управления через установление баланса государственной и общественной властей (поддержание демократических институтов, регулирование политических конфликтов, политическая коммуникация, политическая и гражданская кооперация и интеграция);

- данный процесс имеет двусторонний характер, поскольку предполагает взаимодействие со стороны социальных институтов, вовлекающих в политику социальных акторов, и со стороны самих акторов, проявляющих ту или иную степень политической активности;

- политическая активность субъектов политического участия определяется рядом внешних условий и внутренних факторов, доступных социологическому измерению.

Таким образом, *под политическим участием мы будем понимать социальный процесс, направленный на увеличение влияния субъектов на политические решения, в ходе которого происходит – со стороны социальных институтов - вовлечение членов социально-политических общностей в их деятельность, а со стороны этих общностей – проявление активности, протекающей под влиянием внешних – (политический режим, социально-экономическое развитие общества), и внутренних (социальный и экономический статус, социальное самочувствие) факторов.*

Уровни, типы и формы политического участия.

Данный анализ даст возможность изучить реальные политические действия индивидов и групп, а также поможет впоследствии выявить стратегии политического поведения и их динамику⁵⁰.

Многие социологи политики вслед за Н. Наем и С. Вербой выделяли в качестве основных форм политического участия голосование на выборах, работу в общественно-политических организациях, волонтерскую деятельность в предвыборных штабах кандидатов и взаимодействия с политическими лидерами⁵¹. Однако, мы считаем, что данный подход скорее иллюстрирует суммативное последовательное перечисление видов политического участия без выделения качественного признака. Здесь скорее речь идет о видах политической активности, в то время как некоторые разновидности политического участия остаются в тени, например, такие как абсентеизм или использование угрозы насилия как инструмента политики.

В политической сфере определяющим фактором успеха реализации интересов являются активность субъектов деятельности. В связи с этим, индивиды апробируют различные роли, в зависимости от своих притязаний, с одной стороны, а с другой – в своих действиях они опираются на социально

⁵⁰ Одна из ранних попыток классифицировать политическое участие восходит к критериям профессионализации деятельности, предложенной М. Вебером, который выделил два основных типа политического участия: участие «по случаю» и профессиональное участие, см. Вебер, 2006. При этом до середины XX века почти отсутствовали институты профессиональной подготовки политических деятелей, не говоря уже о «массовых политиках», которые преимущественно оказывались в представительных органах власти.

⁵¹ Dobratz B., Waldner L. K., Buzzell T. Chapter 6: Political Participation // Power, Politics, and Society: An Introduction to Political Sociology. Routledge. 2012. P. 189-225

приемлемые образцы поведения. В западной социологии политики с учетом этого аспекта разграничивают два типа политического участия, каждый из которых имеет свою структуру. По У. Милбрайту конвенциональное (регулируемое законом и легальное) и неконвенциональное (незаконное, нежелательное с точки зрения властей или отвергаемое большей частью общества по моральным, религиозным или другим соображениям)⁵² выступают двумя основными формами участия граждан в политике.

Конвенциональное участие в политической жизни как в повседневной, нормальной, легитимной (в рамках системы и по закону) деятельности связана со стабильным функционированием политической системы, не нарушающим нормального хода демократических политических процессов. Противоположное ему – неконвенциональное или протестное участие, как правило, связано с кризисами в экономической и политической системах, которое может и не обязательно противоречит закону. Однако вследствие парадоксальности и внутренней противоречивости оно не является частью повседневного, «естественно протекающего» политического процесса, имеет дестабилизирующий потенциал и создает определенный уровень социальной напряженности⁵³. В обществах переходного типа с несформированными институтами демократии нужно сделать оговорку, что оно, с одной стороны, угрожает функционированию целостности политической системы, а с другой – разрешением конфликтов в силовой плоскости, провоцирует на использовании силы как метода политической борьбы.

На наш взгляд, более работоспособной для объяснения процессов, происходящих в обществах транзитивной демократии, является классификация П. Норрис. Критерий классификации форм политического участия, которые предложила П. Норрис, составляют причины активизации гражданской позиции индивидов и мотивация действий. На основе данного критерия она выделяет два

⁵² Milbrath LW, Goel ML. Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics. Chicago: Rand McNally College Pub Co. 1977. 273 p.

⁵³ Гарт Т. Р. Почему люди бунтуют? / СПб.: Питер. 2005. 461 с.

доминирующих типа участия: «гражданско-ориентированное» участие, обусловленное осознанием ценности гражданства как такового, и «причинно-ориентированное» участие, обусловленное воздействием конкретных событий и информационными поводами, обострением социально-экономических проблем, не имеющих долговременной партийной привязанности и направленности⁵⁴. Предполагается, что первая форма ориентирована на перспективу и является более устойчивой, в связи с чем способствует укреплению институтов демократии. Вторая выступает ответной реакцией на конкретные события или политические решения. В качестве примера можно привести такие непопулярные решения, принятые в 2018 году российскими властями как повышение пенсионного возраста и «мусорная реформа». Вызвав волну недовольства, они стали причиной массового вовлечения граждан в протестные акции.

Уместным также видится разделение форм политического участия с учетом правового аспекта. Статья 3 Конституции Российской Федерации определяет, что что народ России является единственным источником ее суверенитета и осуществляет свою власть как непосредственно, так и через органы государственной власти и местное самоуправление. Развивая идею авторов конституции, можно установить, что основной закон Российской Федерации предусматривает существование двух базовых форм политического участия граждан: реализуемые через прямые механизмы народовласти (референдум, плебисциты, публичные слушания) и посредническое через своих посредников (представителей). К прямым формам политического участия можно отнести реализацию пассивного и активного избирательного права; участие в гражданских акциях прямого действия с выдвижением социально-экономических и политических требований; разработка решений на муниципальном, региональном и уровне власти; членство на постоянной основе в общественно-политических организациях. К участию через посредников относится обращения в

⁵⁴ Norris P. Political Activism: New Challenges, New Opportunities // R J Dalton, H-D Klingemann. The Oxford Handbook of Political Behavior. New York: Oxford University Press. 2007. P 724–743.

государственные органы власти, а также действия через своих представителей в законодательных органах власти.

В современных российских условиях находят отражение все перечисленные выше формы политического участия. Мы особо отмечаем, что к реальным целям увеличения влияния (то есть целям политического участия), ведут активные поведенческие стратегии. Высокий уровень гражданской вовлеченности и активизма выступает ключевым фактором, запускающим процессы политических изменений. При этом мы допускаем, что они отнюдь не всегда несут позитивный характер для общественно-политической системы.

Учитывая сложность политического участия как социального процесса, имеет смысл выделить не только его разнообразные формы, но и уровни. Взяв за основу уровень активность исполняемых гражданами ролей и степень вовлечения в политический процесс, мы выделяем следующие уровни политического участия:

- низкий уровень или аполитичность, то есть отказ от участия в политике, снятие с себя гражданских обязанностей;
- средний уровень, который предполагает голосование на выборах, ожидаемое и одобряемое поведение, со стороны общества и властных структур;
- высокий уровень, подразумевающий участие в деятельности общественных организаций и политических партий.

Процесс политического участия предполагает последовательный переход от низших уровней к более высоким, при этом на каждом уровне могут реализовываться с разной эффективностью различные формы участия, как конвенциональные, так и неконвенциональные, как прямые, так и посреднические. Впоследствии анализ полит участия молодежи (его целей, мотивов и стратегий, факторов на него влияющих) мы будем выстраивать согласно выделенным уровням.

Далее, используя логику стратификационного подхода и учитывая, что объектом нашего исследования является молодежь, остановимся на определении специфики политического участия данной социальной группы.

Специфика молодежи как субъекта политического участия.

Специфика молодежного политического участия может быть выявлена при помощи анализа ее характеристик в системе социального неравенства, мотивов и целей политического участия, а также форм и стратегий поведения. Необходимо обратить особое внимание на каналы вовлечения молодежи в политическую деятельность, которые во многом определяют характер ее политического участия. Помимо этого, подлежат проблематизации такие аспекты как состояние и динамика политического сознания молодежи, социальной разнородности, способности к самостоятельному действию, влияние молодежи в политике, наличия больших подгрупп внутри молодежи, обладающих собственными интересами, ценностями и ориентациями.

Каждое следующее молодое поколение выступает одновременно и типичным носителем возрастных свойств молодости, и в то же время, неких уникальных качеств, присущих только ему. Рассмотрим характеристики молодежи, оказывающие влияние на субъектность ее политического участия. Некоторые из этих свойств будут подчеркивать универсальный характер взросления и политической социализации, другие – специфические свойства присущие конкретному молодому поколению.

1. *Молодость является особым периодом социализации и, в частности, политической социализации* – этапа воспроизводства личности, который связан с включением ее в общественно-политические отношения. Цель процесса политической социализации состоит в «формировании личности каждого гражданина, его политических предпочтений, отношения к существующей системе власти»⁵⁵. На этапе первичной, а затем вторичной социализации, молодежь включается в политические отношения и в том числе организованные формы политического участия, происходит формирование черт ее субъектности, определенной системы ценностей, характерной для данного поколения.

Политическая социализация не ограничивается только формированием спектра взглядов и убеждений, а «обязательно предполагает участие молодого

⁵⁵ Ильина Н. Россия: проблемы политической социализации молодежи // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 8. С. 43-51.

человека в создании политической реальности и непосредственную деятельность в сфере политических отношений»⁵⁶. Следует указать на двустороннее содержание самого процесса политической социализации молодежи. С одной стороны, молодежь вовлекается в деятельность институтов, которые стремятся повысить интерес молодого поколения к политике в целом. С другой стороны, в процессе политической социализации происходит острая борьба между агентами социализации за подрастающее поколение. С целью привлечения молодежи агенты прибегают к различным методам идеологической пропаганды, агитации, активных форм вовлечения. Наряду с формированием взглядов и ценностей, происходит и становление гражданских качеств индивидов, черт всего поколения. Но самое главное, что молодежь впитывает те реальные формы отношений, которые доминируют в политической системе общества.

Заметим, что определенное время молодежь, в силу отсутствия опыта и недостаточной компетенции, выступает *ведомым субъектом политического участия*. Эта проблема компенсируется как быстрой восприимчивостью усвоением новых социальных ролей, так и высокой активностью, которая позволяет молодежи преодолевать недостатки опыта. Однако содействие со стороны взрослых, обладающих авторитетом и доверием, зачастую играет решающую роль в политической социализации молодежи. Для обозначения такого агента социализации используется термин «культурный взрослый» - он является посредником, носителем образа, который помогает выдержать и преодолеть ситуацию переходного периода⁵⁷. В политической социализации роль «культурного взрослого» играет субъект, инициирующий вовлечение молодого индивида, обладающий опытом и в силу этого – авторитетом наставника.

Тем не менее первичность контактов и необходимость поддержки со стороны, не дает возможности в полной мере говорить о молодежи как сформировавшемся субъекте политического участия. Таким образом основная

⁵⁶ Гатиева А. М. Основные тенденции политической социализации молодежи в современном социокультурном пространстве // Инновационные проекты и программы в образовании. 2019. № 1 (61). С. 40-43.

⁵⁷ Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л. С. Выготского) / Б.Д. Эльконин. М. 1994. 168 с.

специфика молодежи как субъекта – или шире – молодости, заключается в том, что личность только начинает осваивать роли в политике. Дальнейшие черты молодежи как субъекта политического участия следует рассматривать в преломлении к ее *формирующейся субъектности*.

2. *Обособление молодежи как нового поколения.* Молодежь как носитель новой системы ценностей вступает в поколенческий конфликт со старшими возрастными группами. Чертами этого конфликта выступает проблема противодействия со стороны молодежи восприятию системы ценностей и воспроизводству социальных отношений предшествующих поколений. По утверждению А. П. Запесоцкого конфликт поколений носит перманентный характер, «происходит всегда, в любую историческую эпоху, у всех народов... В какой-то момент взросления молодые люди противопоставляют себя старшему поколению»⁵⁸. В стабильно существующих обществах конфликт между поколениями носит умеренный характер, не достигая критических уровней. Однако в кризисные периоды он приобретает острые формы противодействия и взаимного неприятия социальных групп.

В свете межпоколенного конфликта следует выделить ряд тенденций. Нынешнее поколение молодых россиян существенно отличается от старших возрастных групп по целому ряду характеристик. Прежде всего, эти отличия касаются источников информации. Россияне в возрасте 18-35 лет значительно активнее пользуются интернетом и социальными сетями. Это приводит к существованию двух параллельных медиа-пространств со своими аудиториями и героями, что углубляет разрыв между самыми молодыми россиянами и старшим поколением⁵⁹. Данное обстоятельство влияет на политические оценки, поскольку российская молодежь оказывается менее подвержена государственной телевизионной пропаганде. У молодежи менее выражены патерналистские настроения в сравнении со старшими поколениями россиян, соответственно

⁵⁸ Запесоцкий А.С. Отцы и дети: конфликт поколений. Социализация. Молодежная субкультура. СПб.: СПбГУП. 2006. С. 10.

⁵⁹ Волков Д., Гончаров С. Российский медиаландшафт-2020. Исследование «Левада-центра», 28 апреля 2020. <https://www.levada.ru/2020/04/28/rossijskij-medialandshaft-2020/>

существенно в меньшей степени они ждут поддержки от государства. Молодежь отдает приоритет правам человека над интересами государства. Результаты для более старших возрастных когорт ровно противоположные – среди них доминирует представление о приоритетности интересов государства⁶⁰. Еще одна отличительная черта молодых россиян состоит в положительном отношении к Западу и, в особенности, европейским странам. Эти настроения резко контрастируют со взглядами старших поколений, где преобладает негативное отношение к западным странам. Вместе с этим, молодежь проявляет большую в сравнении со старшими поколениями толерантность к сексуальным меньшинствам и меньшую – к домашнему насилию⁶¹.

Все указанные различия в ценностной картине молодого и старшего поколений приводят к формированию двух «ценностных полюсов», между которыми существуют острые противоречия. Межпоколенный конфликт носит черты социальной дискуссии, нередко выливаясь в информационное поле различных политических мероприятий, митингов, ток-шоу и пр. Эксперты заостряют внимание на системных проблемах углубления межпоколенческих противоречий. В частности, отмечается глубокий кризис, охвативший основные институты социализации – семью, школу, вуз⁶². Негативно воздействует на молодежь безразличное и высокомерное отношение всемогущей бюрократии. В ситуации негативного восприятия инициативу по оказанию влияния на молодежь перехватывает оппозиция, открыто заявляющая об «эйджизме» со стороны старших возрастных групп и дискриминации молодежи в общественно-политических отношениях.

3. Молодежи присущи такие социально-психологические черты как *экстремальность и протестность*, воздействующие на ее политическое участие.

⁶⁰ Тихонова Н. Е. Соотношение интересов государства и прав человека в глазах россиян: эмпирический анализ. Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 134-149.

⁶¹ Волков Д., Гончаров С., Снеговая М. Гражданский активизм российской молодежи. Чем молодые россияне отличаются от россиян более старших возрастов? Какие факторы определяют более высокие показатели гражданского активизма среди молодежи? / Аналитический отчет «Левада-центра» https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/10/Youth_RU-publikatsiya-blank.pdf

⁶² Шатилов А. Б. Поколенческие разрывы как фактор роста конфликтности в современном российском обществе // Власть. 2019. № 4. С. 26-32.

Ю.А. Зубок и В.И. Чупров считают, что экстремальность выступает неотъемлемым признаком молодежи как социальной группы, вытекающем из «психического состояния, присущего молодежному возрасту, отражающему различные формы максимализма в сознании и крайности в поведении на групповом и индивидуально-личностном уровнях. Она проявляется в импульсивности мотивации, агрессивности, склонности к риску, эпатаже, или наоборот – подавленности, депрессии, пассивности»⁶³.

Впрочем, эти состояния могут усиливаться или ослабевать на фоне факторов социального окружения и социальных компенсаторов. В стабильном обществе и на групповом, и индивидуальном уровнях экстремальность находится, под контролем институциональных и правовых регуляторов. Однако при социальных потрясениях, неопределенности и риске, под влиянием самых разных объективных и субъективных факторов, этот процесс обостряется и начинает приобретать крайние, спонтанные проявления⁶⁴.

Тем самым экстремальность – это некий потенциал стереотипов поведения молодежи, которые имеют более выраженные черты, чем у взрослых возрастных групп. При одинаковых воздействиях социальной среды именно молодежь демонстрирует более экстремальные образцы поведения в условиях социальной напряженности.

Отметим, что экстремальность нередко используется для вовлечения молодежи в незаконные формы политического участия, в том числе деятельность экстремистских и террористических организаций. В.П. Засыпкин отмечает, что условия экономической и политической нестабильности, сложности и противоречивости социокультурной ситуации провоцируют рост напряженности среди молодежи, вслед за этим возрастает нетерпимость, агрессия, нравственная распущенность, эгоцентризм. «Молодежь становится своеобразной «питательной

⁶³ Зубок Ю. А., Чупров В. И. Доверие в саморегуляции социальных взаимодействий молодежи в изменяющейся социальной реальности // Проблемы развития территорий. 2016. № 5 (85). С. 29-37.

⁶⁴ Зубок Ю.А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления. Социологические исследования. № 5. 2008. С. 38.

средой» для разрастания рядов экстремистки настроенных групп»⁶⁵. Отсутствие жизненного опыта, социальная незащищенность и в то же время идеалистичность, делают молодежь излюбленным объектом для экстремистского вовлечения.

Продолжением экстремальности как субъективного свойства молодежи в политике является *протестность* (склонность к протестным настроениям). Так как недовольство требует однозначного выхода через эмоциональное несогласие с тем, что считается нежелательным, происходит *конфликт реального и идеального*. Экстремальность молодежи, по существу, выступает следствием ее открытости к различным протестным призывам, что в свою очередь становится возможным именно из-за маргинального, положения молодого поколения в системе социально-экономического неравенства. Однако при всей их схожести, необходимо различать феномены экстремальности и протестности. Экстремальность выступает в качестве психического состояния, связанного с еще не полностью освоенным механизмом контроля личности над своими иррациональными побуждениями, эмоциями и чувствами. Проще говоря, экстремальность молодежи вытекает из ее незрелости. Протест является формой индивидуальной и групповой активности, направленной против какого-то социального явления, воспринимаемого субъектом как негативный или опасный. Протест в сфере социально-политических отношений носит преимущественно рациональный характер, он объективирует волевые намерения индивидов и групп, связанные с их нежеланием к социальной адаптации. Можно сказать, что протест – это реакция на неблагоприятные условия, сопровождающаяся антиадаптационной стратегией поведения⁶⁶.

4. Другой характерной чертой молодежи выступает ее *открытость новациям и готовность к переменам*. Считается, что молодое поколение выступает лидером по производству и потреблению инноваций. В частности, Л.

⁶⁵ Засыпкин В. П. Социальный экстремизм и его проявления в студенческой молодежной среде: из опыта мониторинга и профилактики / В сборнике: Не расстанусь с молодежью, буду... сборник научных статей к 80-летию профессора Ю. Р. Вишневого, под общей редакцией Ю. Р. Вишневого, ответственный за выпуск Д. Ю. Нархов. Екатеринбург. 2018. С. 214.

⁶⁶ Подробнее см.: Трынов Д. В., Дидковская Я. В. Новая протестная молодежь: самоидентификация, социальное самочувствие и образ будущего // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2019. Т. 14, № 3 (191). С. 118-127.

А. Журавлева и Н. В. Завьялова отмечают, что «на этапе перехода от постиндустриального к информационному обществу за ней все более прочно закрепляется роль «проводника» информационных потоков, новых знаний и навыков, формирующих иные, по сравнению с прежними, модели поведения, клише и стереотипы»⁶⁷.

Большинство социологов молодежи сходятся во мнении, что молодежь не только успешнее других социальных групп адаптируется к социально-экономическим трансформациям, но и сама является проводником и «заказчиком» модернизационных процессов (Е.С. Бабосова, Я.В. Дидковская, Л.А. Журавлева, Н.В. Завьялова, В.П. Щербакова)⁶⁸. Связано это с тем, что быстрая адаптация к новациям способствует ускоренному встраиванию молодежи в социальную структуру общества при дополнительных конкурентных преимуществах в сравнении с другими социальными группами.

Данный феномен находит отражение и в политическом участии молодежи. Молодое поколение быстро и достаточно органично приспособливается новшества к своим нуждам, вступает в новые формы политических отношений, обменивается информацией и активно ее использует. Поскольку распространение информационных технологий, является основным трендом последних десятилетий, то нередко именно они фиксируются в качестве доминантного фактора изменения форм политического участия. Центральное место в этом процессе занимает Интернет и меняющиеся под его влиянием виды коммуникации в структуре отношений сообщество-власть, сообщество-общество и сообщество-общество.

Важно осознавать, что интернет как средство коммуникации дал возможность практически неограниченного доступа к информационному

⁶⁷ Журавлева Л.А., Завьялова Н.В. Молодежь как инновационная социальная общность // Образование и наука. 2013. № 4 (103). С. 77-90.

⁶⁸ См.: Бабасова Е.С. Инновационная активность молодежи: особенности и перспективы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. № 3 (15). С. 144-154; Дидковская Я.В., Онегов Д.В. Молодежь индустриальных регионов России: социальные ожидания и инновационный потенциал (на примере Свердловской области и Красноярского края) // Научный результат. Социология и управление. 2018. № 3. С. 57-71. Щербакова В. П. Социальная адаптация молодежи в условиях преобразований современного российского общества: монография. Тула: Изд-во ТулГУ. 2015. 368 с.

контенту, в том числе политического характера. Л. Гроссман на заре Интернет-эпохи отмечал, что Всемирная паутина способна «включить» общество в процесс принятия решений⁶⁹. Хотя сейчас это пророчество выглядит несколько наивным, стоит признать, что за четверть века развития, Интернет стал несомненным фактором политики в мире, а для молодежи как социальной группы, наиболее успешно адаптирующейся к новациям, неотъемлемым атрибутом повседневности⁷⁰.

Расширение возможностей коммуникации через интернет, приводит к появлению новых форм политического участия на основе социальной консолидации⁷¹. Они находят свое отражения в поиске новых смыслов и содержании политической активности молодежи. Таковыми можно назвать флешмобы и политмобы, которые становятся определенной формой ответной реакции членов сетевых сообществ на медиа события. Они отличаются инициативностью участников и горизонтальной моделью организации сетевой коммуникации. Флешмоб представляет собой явление, зачастую содержащее определенные идеи и смыслы, в том числе и политические. Их разновидность – политмобы, более простые, оперативные и безопасные способы выражения общественного мнения и привлечения внимания к общественным и политическим проблемам, чем традиционные формы политического участия. «Флешмобы рождаются в больших городах, по статистике участники акций – люди в возрасте от 16 до 25 лет»⁷².

Молодежь охотно участвует в таких мероприятиях, поскольку они отвечают ее представлениям о том, как можно донести свое мнение до окружающих в формате актуальных событий и развлекательности. Кроме этого, такие акции являются формами прямого действия, позволяющими сообщать о себе как о

⁶⁹ Grossman L.K. The Electronic Republic: Reshaping Democracy in America. New York: Viking. 1995. 290 p.

⁷⁰ Исследование GfK: Проникновение Интернета в России. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-pronikновение-interneta-v-rossii-1/> (Дата обращения: 09.06.2020).

⁷¹ Авзалова Э. И. Интернет-участие как новая форма политического участия граждан // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2015. №1. С. 187-193.

⁷² Упорникова И.В., Вакуленко Н. А., Ковтун Н.А. Nomoretis - "сетевой человек" как участник новых форм политического участия // Философия права. 2019. № 1(88). С. 100-105.

реально существующем субъекте действия, артикулировать собственные цели и интересы. Они представляют собой актуальные формы самоорганизации людей, которые неизбежно войдут в противоречие с властью старых политических элит, ориентированных на поддержание статуса-кво.

5. Еще одной особенностью, впрочем, особенностью дискуссионной, выступает *аполитичность молодежи*. Длительное время в отечественных социологических исследованиях преобладало представление о молодежи как о политически пассивном несформировавшемся субъекте. При этом социологами приводились различные аргументы, объясняющие низкую активность или даже аполитичность молодежи.

По мнению М.В. Подхомутниковой, «современная российская молодежь в целом мало интересуется политикой. Большинство представителей поколения 1990-х гг. отдают предпочтение деловой карьере и личному успеху. Лишь немногие видят связь между своей жизнью и политическими процессами, происходящими в государстве и, шире, в обществе»⁷³. М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги приходят к выводу о значительной отстраненности молодежи от политики. Причину такого положения социологи видят в слаборазвитой самоорганизации молодежи, что, в конечном счете, приводит к абсолютизации «попечительской роли государства и роста патерналистских установок молодежи»⁷⁴. Впрочем, аполитичность вряд ли можно считать исключительно субъективным свойством молодости. Н. Л. Смакотина отмечает, что политическая активность молодежи нередко замораживается вполне осознанно в угоду правящему классу, который не заинтересован в становлении молодежи как реального субъекта политики⁷⁵. При этом мы сразу отметим важную проблему такого рода отношений. С одной стороны, они позволяют правящим кругам сохранять контроль над молодым поколением, держать его в изолированном от

⁷³ Подхомутникова М.В. О политической апатии современной молодежи в России // Общество: социология, психология, педагогика. 2011. № 3-4. С. 15.

⁷⁴ Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии: [монография]. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. С. 143.

⁷⁵ Смакотина Н.Л. Политическая активность молодежи: результаты социологического исследования / Под ред. Добренькова В.И., Смакотинной Н.Л. М.: МАКС Пресс. 2009. С. 15.

политики состоянии, блокировать активность и тем самым обеспечивать себе бессменное нахождение на вершине социальной иерархии. С другой стороны, такое положение дел чревато утратой доверия социальным институтам, порывом общественных связей и нарастанием таких противоречий, разрешение которых может произойти только в результате социального конфликта.

С нашей точки зрения аргумент о заданных патерналистских установках и аполитичности молодежи является по меньшей мере спорным. Дело в том, что патерналистское сознание и связанные с ним ожидания, характерны отнюдь не только молодежи, но и другим возрастным группам, причем в еще большей степени. Что же касается менторского попечительского стиля взаимодействия с молодым поколением, то это скорее установка элиты, которая пока не выработала более эффективных подходов работы с молодежью. Напротив, в последние годы мы можем видеть распад этой модели отношений, который просматривается в нежелании некоторой части молодежи принимать на себя исключительно пассивную роль в политических процессах. Актуальное состояние аполитичности/политизированности следует анализировать, опираясь на эмпирический материал, который будет нами представлен во второй главе работы.

Конкретные способы вовлечения и участия молодежи зависят от того какие созданы институциональные условия (каналы), при помощи которых происходит политическая социализация молодого поколения.

Каналы политического вовлечения молодежи.

Как было уже нами отмечено, значительная часть социологов сходятся во мнении, что консервативно-охранительная политика государства, ориентированная на традиционные патерналистские установки взаимоотношений власть-общество, препятствует формированию политической субъектности молодежи⁷⁶. Она проявляется в способности действовать самостоятельно, на

⁷⁶ Горшков М. К., Шереги Ф. Э. указ. соч.; Омельченко Е.Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 52-61; Смакотина Н. Л. указ. соч.

основе осознания собственных интересов и объективных ограничений социальной среды.

Указанные противоречия в современных российских условиях разрешаются двумя способами:

- через функционирование провластных каналов вовлечения молодежи, выраженные в форме участия-поддержки;
- через оппозиционные каналы вовлечения, которые имеют выражение в протестном участии.

Оба канала (механизма) вовлечения имеют собственное организационное устройство, характеризуются наличием определенного объема ресурсов и реализуют своеобразные стратегии политического поведения. На рисунке 1 представлена *модель связи каналов политического вовлечения молодежи и основных форм ее политического участия.*

1. *Провластное политическое вовлечение / «участие поддержки».* В последнее десятилетие резко активизировалась государственная молодежная политика и правотворческая деятельность. Региональные власти стремились максимально активно содействовать принятию соответствующих нормативных актов на местах. В результате специфическое молодежное законодательство к 2020 г. действовало в 9 субъектах федерации из 10, что спровоцировало в конечном итоге принятие единого Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации».

Попытки государственных органов регулировать политическую активность молодежи, приводят к созданию разнообразных подконтрольных властям организационных форм молодежного участия – молодежные парламенты, палаты, правительства молодых министров-дублеров, активистские молодежные форумы и т.д. Одной из основных целей этого участия является молодежное представительство в созданных государством «пробных» каналах политической деятельности. Данное обстоятельство указывает на их основную функцию – ролевой игры, при которой молодые активные граждане имитируют деятельность депутатов и чиновников, тем самым усваивая навыки политической работы. В

дальнейшим мы будем использовать термин «пробные каналы политического участия молодежи» для обозначения таких структур, которые с одной стороны созданы как каналы политической мобильности, а с другой – повторяют (дублируют) деятельность органов государственной и муниципальной власти молодыми соискателями.

Конвенциональное (легальное и одобряемое) участие молодежи создается и обеспечивается институтами государства и гражданского общества, представляя собой некие допустимые и общепринятые каналы коммуникации. При этом государство и общество заинтересовано в социально-ответственной молодежи для построения гражданского общества и демократического государства, в свою очередь, молодежь, проявляя инициативу, заинтересованность и активность, способна влиять на некоторые аспекты политики. Тем самым формируется своеобразная модель взаимодействия, основанная на взаимном интересе участников процесса.

Важным шагом в данном направлении стало создание в общественно-политической практике РФ института молодежного самоуправления. «Молодежное самоуправление представляет собой управленческую модель, которая предусматривает непосредственное активное участие молодежи в разработке, обсуждении, последующем принятии и претворении в жизнь управленческих решений, которые напрямую или косвенно затрагивают права, свободы и законные интересы молодых россиян»⁷⁷. Главная функция подобных молодежных структур – это вовлечение наиболее активной и способной молодежи в деятельность демократического государства и гражданского общества. В основе их деятельности лежит принцип «дублирования» функций государственных органов власти различных уровней, а также местного самоуправления и Общественных палат. Достигается оно путем создания «общественной консультативно-совещательной структуры молодежи в виде молодежного

⁷⁷ Самохвалов Н. А. Модели молодежного представительства как форма повышения участия молодежи в общественно-политической жизни российского государства // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2016. №2. С. 22-26.

парламента, молодежного правительства, молодежной палаты, молодежного совета»⁷⁸.

Будучи преимущественно лояльными действующей власти, структуры молодежного самоуправления значительно ограничены в выборе форм политического участия. В основном оно ограничивается выражением поддержки действующего политического курса и руководства государства, различных символических акций поддержки президента и правительства. Вместе с тем, они выполняют важные функции политической социализации молодежи, а также отбора политического истеблишмента, превращаясь в социальные лифты для построения политической карьеры своих участников. Агрегируя различные формы общественной активности, структуры молодежного самоуправления нацелены на реализацию проектов, программ, мероприятий, инициатив в соответствии со своими уставными целями.

2. Оппозиционное вовлечение, выраженное в протестном участии. Сразу оговоримся, что само по себе протестное участие может реализовываться как в форме акций прямого действия, так и при помощи организационных ресурсов, предоставляемых нынешним оппозиционным движением.

Следует учитывать, что в государствах с демократической организацией власти, оппозиция играет важную роль, предлагая обществу альтернативные пути развития и политического курса. В связи с этим маргинальная или слабая оппозиция свидетельствует не столько о популярности действующей власти, сколько о слабости гражданского общества и политико-правовых институтов государства.

Переходя к анализу организационных форм политического участия молодежи через оппозиционные структуры, необходимо отметить их важную черту в условиях сложившегося политического режима в России. В

⁷⁸ Гукова И.Н. Роль молодежного парламентаризма в развитии общественно-политической активности современной российской молодежи // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2014. №1 (172). Вып. 29. С. 170.

политологическом дискурсе широко распространено деление оппозиционных организаций на два типа: «системная оппозиция» и «несистемная оппозиция»⁷⁹.

Первая является не только в полной мере законной, но и имеет ряд неформальных договоренностей с властью, которые гарантируют ей относительно спокойное существование в рамках действующей политической системы.

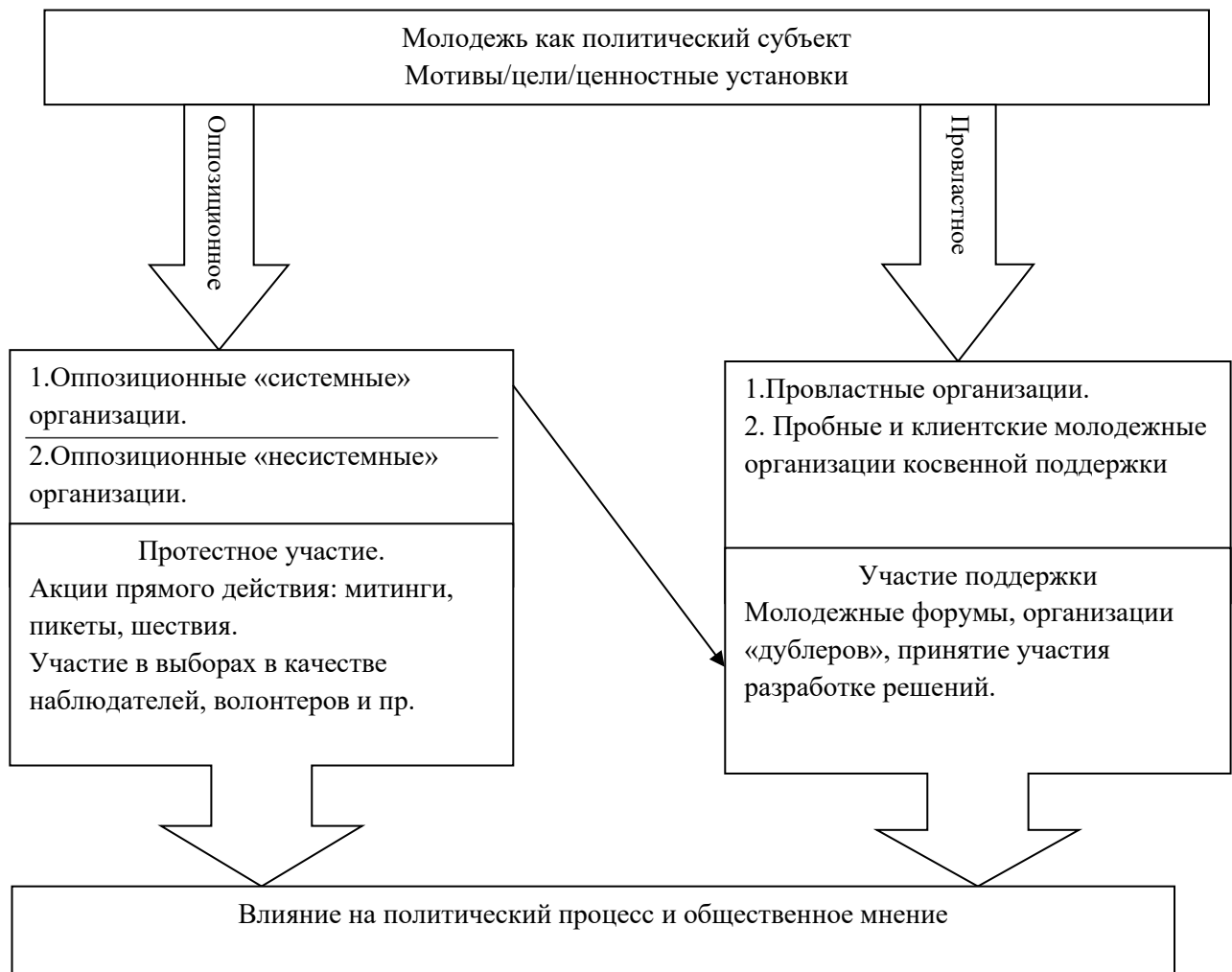

Рисунок 1.1.1
Модель вовлечения граждан в организованные формы политического участия

К «системной оппозиции» можно отнести все парламентские партии России и их молодежные подразделения. Они регулярно участвуют в выборах, получая

⁷⁹ Медведев Н. П., Борисенко А. В. Несистемная оппозиция в политическом пространстве современной России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2007. С. 150-155.

на них достаточное количество голосов для прохождения в нижнюю палату парламента, а также финансирование из средств государственного бюджета.

Термин «несистемная оппозиция» в российском политическом дискурсе возник еще в 90-е гг., для обозначения круга политических партий, которые были запрещены как «наследницы» КПСС, но со временем в него стали вкладывать более широкий смысл, обозначая им не только партии, но и нежелательные организации.

Мы возражаем против отождествления в научном и публичном дискурсе «несистемной оппозиции» с неконвенциональным участием, поскольку признак несистемности не указывает на их нелегальность. В связи с этим, мы согласны точкой зрения американского социолога Д. Сартори, который характеризовал «несистемную оппозицию» как круг организаций, имеющих ценности и идеологию, противоположные ценностям и идеологии, господствующим в политической системе⁸⁰. Основное отличие антисистемной оппозиции от иных типов не в радикальности методов политической борьбы, а в наличии максимальной идеологической дистанции правящей элиты. Тем не менее, организации, составляющие «несистемную оппозицию», постоянно вытесняются из публичного политического пространства, нередко их кандидаты испытывают проблемы с прохождением регистрации в выборных кампаниях, а партии могут вовсе не признаваться органами власти РФ.

В своих ориентациях на методы политической борьбы представители «системной» и «несистемной» оппозиции, существенно различаются. Самое главное отличие состоит в диспозиции оппозиционных организаций по отношению к действующей власти. «Системные» оппозиционные организации вступают в широкие коллаборации с властью по самым разным вопросам внутренней и внешней политики, поддерживают ключевые инициативы исполнительной власти. Парламентские партии, по существу, выступают лишь декорацией для обозначения оппозиции при полном доминировании партии

⁸⁰ Sartori G. Parties and party systems: a framework for analysis. Colchester. 2005. 342 p.

власти, обладающей конституционным большинством в законодательном органе власти.

«Несистемная оппозиция» выступает принципиальным оппонентом власти по всем ключевым вопросам, что создает основу для острых конфликтов. Фактически у несистемной оппозиции отсутствуют институциональные ресурсы для борьбы с властью, которые бы носили легальный характер. Ее исключение из политического поля происходит по всем направлениям и на всех уровнях: от пропагандистских обвинений в «предательстве интересов Родины», до создания репрессивного законодательства в отношении лиц, участвующих в деятельности «экстремистских организаций». инициации в свои ряды политически активной молодежи.

Указанное отличие в положении «системных» и «несистемных» оппозиционных организаций определяет особенности целевой молодежной аудитории, вовлекаемой в их деятельность. Успешная адаптация «системных оппозиционных» партий в российских политических реалиях, открывает дорогу их членам к пополнению депутатского корпуса представительных органов власти, а молодежным подразделениям к участию в каналах карьерной мобильности, созданных государством. Это означает, что они вовлекают молодежь в формы политического участия, схожие с теми, в которых задействованы представители провластных партий и молодежных организаций.

«Несистемные оппозиционные» организации привлекают прежде всего недовольную часть молодежи и ориентируют своих активистов на такие формы политического участия, которые выражены в акциях прямого действия – митинги, шествия, массовые флешмобы, одиночное пикетирование и пр. Не уделяя достаточного внимания порядку согласования этих акций с органами власти, отстаивая конституционное право граждан на мирный протест, они регулярно втягиваются в конфликтные отношения с властями и подвергаются преследованиям со стороны правоохранительных органов⁸¹.

⁸¹ «ОВД-инфо» уточнило число задержанных на акции протеста в Москве // Ведомости. (Дата обращения. 20. 08. 2019).

Таким образом, можно сделать вывод, что характер и особенности политического вовлечения молодежи неотделимо связаны с ее политическим участием (см. рис. 1.1.1). Каналы провластного вовлечения через молодежные организации самоуправления, приводят к политическому участию, выраженному в поддержке действующей власти. Напротив, каналы оппозиционного вовлечения ориентируют своих активистов на протестное участие.

Что приводит в движение молодежный активизм? Чем определяется характер политического участия молодых активистов? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к изучению условий политической социализации и шире – общественных условий существования молодежи.

С нашей точки зрения, в этом плане перспективно выглядит применение комплексного анализа факторов, влияющих на политическое участие. Одной из концепций, позволяющих анализировать взаимосвязь социальных, экономических и психологических явлений в контексте политического участия, выступает концепция социального самочувствия. Мы остановимся на двух основных преимуществах данной концепции, применительно к исследуемой нами теме. Во-первых, концепция социального самочувствия комплексно изучает факторы, влияющие на социальные действия, что позволяет создавать социологический инструментарий исследования. Во-вторых, к настоящему моменту сложилась и успешно применяется как в России, так и за рубежом, теория социального самочувствия, включающая отдельные концепции «социального счастья», «качества жизни» и др. В то же время, исследование социального самочувствия не являются новшеством ни для мировой, ни для отечественной науки, однако пока мало учитывается учеными, в ряду факторов, определяющих характер политического участия индивидов, групп и общностей. Именно в данном аспекте социальное самочувствие будет нами проанализировано в следующем параграфе диссертационной работы.

1.2. Социальное самочувствие молодежи в системе формирования ее политического участия

Изучение политического участия различных социальных групп с позиций стратификационного подхода предполагает анализ влияния на него комплекса факторов, связанных как с объективным положением группы в социальной структуре, так и с субъективным отношением представителей групп к этому положению⁸².

Наша идея состоит в том, что феномен социального самочувствия аккумулирует в себе данный комплекс факторов и соответственно концепция социального самочувствия может выступить теоретическим основанием на базе которого возможно изучение механизмов, определяющих характер и содержание политического участия молодежи.

К настоящему моменту понятие социальное самочувствие получило довольно широкое распространение в научной литературе и нередко применяется в практических и теоретических социологических исследованиях.

Подходы изучения социального самочувствия.

Самочувствие – один из терминов, который был заимствован общественными науками у медицины и окончательно утвердился в социологическом обороте благодаря развитию междисциплинарных связей с социальной психологией⁸³.

В исследовании социального самочувствия психологический подход исторически предшествовал его изучению представителями других общественных наук. Психологический подход рассматривает социальное самочувствие как индивидуально-групповой феномен, социально-психологические состояния, возникающие «под влиянием объективных обстоятельств их жизнедеятельности и являющегося их целостным

⁸² Под факторами политического участия молодежи понимаются движущие силы данного процесса, определяющие его характер или отдельные черты, а также оказывающие воздействие на его результат. См.: Гурылина М. В. Факторы и эффективность политического участия граждан в условиях демократизации современной России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. № 1. С. 69-76.

⁸³ В медицине под самочувствием понимается «комплекс субъективных ощущений, отражающих степень физиологической и психологической комфортности наличного состояния человека» См: Большой психологический словарь. М.: Прайм-ЕВРОЗНАК. Под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. 2003. С. 215.

отражением»⁸⁴. При этом учитывается специфика социального контекста, факторов многоуровневого характера. Но центром и предметом анализа выступает измерение переживаний субъектом социального самочувствия, его чувственно-эмоциональной и когнитивной сфер, а также его социальной активности, опосредованной как объективными обстоятельствами жизнедеятельности, так и индивидуальными свойствами и характеристиками личности.

Представители психологического подхода (Е. И. Головаха, О. В. Коротева, Р. В. Панина, А. А. Русалинова, Н. Е. Симонович) считают, что социальное самочувствие детерминируется социально-психологическими состояниями, возникающими у человека под воздействием объективных факторов жизнедеятельности, как макромасштабных, так и личностных. Предметное поле изучения социального самочувствия здесь ограничивается рассмотрением характера и структуры жизнедеятельности субъекта в контексте внешних детерминант⁸⁵.

Психологи сопоставляют самочувствие с восприятием человеком окружающего мира, явлений и процессов, с его переживаниями и эмоциями. Благодаря социальному сознанию и самосознанию, познавая реальность и самого себя, человек выражает свое отношение к окружающей его реальности, определяет свое место, изменяется, корректирует цели своих действий. Чувства рассматриваются психологами как относительно устойчивая форма переживания человеком отношения к предметам и явлениям действительности, имеющая устойчивую мотивационную значимость.

При значительной изменчивости самочувствия психологи отмечают, что оно имеет большую устойчивость в сравнении с эмоциями, настроениями и аффектами. Тем самым отмечается важный аспект психологической трактовки «самочувствия» — его понимание как ощущения психологической и

⁸⁴ Словарь-справочник по социальной психологии / В. Крысько. СПб.: Питер, 2003. 416 с.

⁸⁵ Коломиец О. В. Социальное самочувствие как проблема социальной психологии // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2012. № 3. С. 17.

физиологической комфортности внутреннего состояния человека. Кроме того, психологический подход показывает важную роль эмоциональной компоненты – настроений индивидов по поводу своей жизнедеятельности.

Переход к социально-психологической трактовке феномена социального самочувствия произошел в результате осмысления глубоких процессов трансформации российского общества на рубеже 80-90-х гг. XX века. Как отмечает Л. Е. Петрова, «субъективное восприятие человеком собственной жизни – перестало быть прерогативой только психологических исследований в силу существенного влияния объективных факторов, в значительной мере детерминирующих жизнедеятельность как отдельного индивида, так и социальных общностей»⁸⁶. Чувства не возникают сами по себе, а генерируются внешними факторами, в том числе социального характера. Социальная типичность условий жизни определяет своеобразие чувств у представителей различных социальных групп по поводу схожих явлений: профессионально-трудовых, политических, демографических, национально-этнических и т.д. Таким образом, был сделан существенный шаг в сторону *социологической интерпретации* смысла социального самочувствия. В рамках социологического подхода в изучении самочувствия мы уже говорим о его социальной природе – настроений, эмоций (эмоционально окрашенных оценок) группы, общности по поводу условий жизнедеятельности этой общности/группы, которые формируются и возникают в результате социального взаимодействия внутри общности и между общностями / социальными группами и другими группами. Итогом этого взаимодействия становится появление надиндивидуальных структур сознания, которые управляют групповыми переживаниями, эмоциями, чувствами. Именно они и составляют основу социального самочувствия.

Хотя в социологическом исследовании социального самочувствия остается историческая предпосылка психологизма с его акцентом на чувственно-эмоциональную доминанту, уже довольно давно и успешно применяется анализ

⁸⁶ Петрова Л. Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. №12. С. 50.

воздействий этого фактора на широкий круг феноменов, в первую очередь, социально-экономического и психолого-экономического порядка. Таким образом, сама концепция социального самочувствия обнаруживает состоятельность в исследовании «смежных тем» на стыке социологии и психологии. Путем к этому стало представление о субъективности восприятия богатства, его ценности для конкретного человека в конкретных социальных условиях.

Концепции «социального благополучия», «качества жизни», «концепция счастья», сформированные в рамках западной социологии с середины XX века, дополняют экономический инструментарий, призванный оценить уровень жизни населения. Все они пытаются прояснить влияние многочисленных факторов на субъективные оценки населения своей жизни и выстроить надежный исследовательский инструментарий. Находясь на стыке социологического и психологического познания, субъективное благополучие наполнилось такими компонентами как позитивные (радость, удовлетворенность, счастье) и негативные (страх, тревога, опасения) чувства. При этом центральным положением обозначенных концепций является оценка человеком своей жизни в соотнесении с ситуацией в обществе. Отметим также преобладание чувственного компонента, трансформирующегося в «субъективную оценку благополучия» (subjective measure of well-being), который отражает комплекс индивидуальных представлений, когнитивных состояний и переживаний индивидуальных условий жизнедеятельности⁸⁷.

Концепция «социального счастья» или «общества счастья» (*«happy society»*) объясняет широкий круг проблем через характеристику социального самочувствия. Так, в 70-х гг. XX века профессор Р. Истерлин на основе эмпирического материала показал взаимосвязь между уровнем благосостояния и уровнем счастья населения страны, тем самым заложив основу «экономики счастья». Истерлин утверждал, что экономический рост не обязательно ведет к

⁸⁷ Robinson J. P, Shaver Ph. R., Wrightsman L.S. Measures of Social Psychological Attitudes. 1991. P. 768.

увеличению удовлетворенности жизнью населения⁸⁸. Многие выводы, сделанные Истерлином были важны с позиций оценки социального неравенства и нарастающего социального расслоения, выраженного в увеличении разницы доходов между богатыми и бедными в конце XX – начале XXI века. «Субъективное самочувствие – конструкт, в просторечии более известный как «счастье» — это характеристика, которая отражает личные оценки своей жизни в целом. Хотя эта концепция построена на собственных взглядах человека, считается, что она отражает некие реальные условия его жизни»⁸⁹.

Однако было бы неверно отождествлять концепцию счастья с социальным самочувствием. Мы согласны с Э. Динером, отмечающим различия между самочувствием и счастьем. Социальное самочувствие он считает широким термином, отражающим удовлетворенность жизнью в целом и отдельными ее сторонами, такими как отношения в семье, материальное положение, успех в карьере и пр. Счастье трактуется им в более узком ключе как некое приходящее чувство, сиюминутное состояние удовольствия. Впрочем, Динер не отрицает того факта, что люди хорошо себя ощущающие чаще испытывают счастье. Таким образом, счастье и социальное самочувствие хотя и связанные между собой феномены, но различаются по отправным точкам⁹⁰. Наиболее значимый для понимания сущности социального самочувствия вывод, который вытекает из исследований социального счастья состоит в том, что культурные особенности оказывают существенное воздействие на весь комплекс субъективного восприятия счастья. Следовательно, не только экономическое благосостояние лежит в основе социального самочувствия, оно в значительной мере может определяться такими факторами как национальный менталитет, идейно-политическими ориентациями, формирующиеся в длительном процессе культурного становления социальной общности.

⁸⁸ Easterlin R. A. Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence // Nations and Households in Economic Growth. N.Y., 1974. P. 89–125.

⁸⁹ Campbell A. Subjective Measures of Well-Being // American Psychologist. 1976. № 31. P. 117.

⁹⁰ Diener E., Sapyta J.J., Suh E. M. Subjective well-being is essential to well-being // Psychological Inquiry. 1999. Vol.9. №1. P.33-37.

Не менее важно и соотношение социального самочувствия с *концепцией качества жизни*. В ее основе исследователи особо выделяют качество окружающей среды, характеризующееся объективными показателями (уровень жизни, комфорт, загрязнения окружающей среды, преступность и др.)⁹¹. Э. Кэмбелл соотносит качество жизни с личными устремлениями и ожиданиями (*aspirations and expectations*) человека, его чаяниями и надеждами, и с осуществляемым им сопоставлением своей ситуации с ситуациями окружающих его людей⁹² (теория социального сравнения – «*social comparison theory*»). Мы считаем, что в данной концепции важна не только общая удовлетворенность жизнью, но оценка конкретных условий жизнедеятельности, параметров, которые позволяет измерить (создавать систему показателей, и не только экономических, а измеряющих всесторонне).

Обращение к понятию «*субъективное благополучие*» было продиктовано неудовлетворенностью некоторой части научного сообщества преобладанием макроэкономических показателей в оценке развития общества. Было признано, что в целом ряде случаев эти данные способны дать лишь общую картину, определенный «срез», что в целом недостаточно для корректного отражения и адекватного объяснения множества процессов социальной жизни. Под сомнение был поставлен сам исходный постулат: богатое общество=счастливое общество. Прежде всего социологами, психологами и частью экономистов, разрабатывался адекватный задачам инструментарий исследований.

Таким образом, западные ученые при помощи концепции социального самочувствия стремятся расширить понимание узких экономических предпосылок общественного благосостояния. Однако само благополучие – сложный феномен, включающий в себя разные аспекты материального и нематериального характера. В мире до сих пор не сформировалось общепринятой концепции благополучия населения и единых стандартов его измерения, несмотря

⁹¹ Mercier C. Improving the Quality of Life of People with Severe Mental Disorders // Social Indicators Research. 1994. № 33. P. 165-192.

⁹² Campbell A., Converse P. E., Rodgers W. L. (eds.). The Quality of American Life. Perceptions, Evaluations and Satisfaction. N.Y.: Russell Sage Foundation. 1976. 327 p.

на то что и международными организациями, и национальными государствами производятся замеры уровня благополучия – как в отдельных странах, так и сравнительно по всему миру.

Одной из тенденций изучения социального благополучия является использование «больших данных», которые позволяют анализировать различные группы показателей и осуществлять межстрановые сравнения. Таким образом в исследованиях социального самочувствия появляется глобальная перспектива, позволяющая оценить не только общие подходы к пониманию социального благополучия, но и культурные особенности в восприятии этого феномена. В качестве изысканий на тему можно привести ежегодный «Доклад о мировом счастье», публикуемый с 2012 года под эгидой ООН Д. Халивелом, Р. Лэйрдом и Д. Саксом⁹³. Последний к настоящему моменту отчет о мировом счастье за 2020 год охватил тематику от городских, экологических и сельских проблем до устойчивого глобального развития. Все они рассматриваются через призму концептуального подхода социального счастья, непосредственной стороной которого считается субъективное благополучие.

Различные и в то же время весьма разрозненные данные о социальном самочувствии, удовлетворенности, качестве жизни представлены в международных исследованиях, таких как Европейское социальное исследование⁹⁴, Всемирный опрос Гэллап, Всемирный отчет об эмоциональном самочувствии⁹⁵ и др.

Однако в связи с проблематикой нашего исследования, нам представляется более важным другой устойчивый тренд в изучении самочувствия в мировой науке – его *исследование как некоего интегрального индикатора эффективности политики государства* и анализ возможных направлений развития общества. В частности, эксперт института Гэллапа, Э. Динер подчеркивает, что

⁹³ Helliwell J. F., Layard R., Sachs J. D., and De Neve J-E. / The World Happiness Report [Электронный ресурс]. URL: <https://happiness-report.s3.amazonaws.com/2020/WHR20.pdf> (дата обращения 10.03.2021).

⁹⁴ Европейское социальное исследование [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.europeansocialsurvey.org/> (дата обращения 10.03.2021).

⁹⁵ Всемирный отчет об эмоциональном самочувствии // <https://www.gallup.com/analytics/248906/gallup-global-emotions-report-2019.aspx> (дата обращения 10.03.2021).

систематическое измерение субъективного благополучия дает новую информацию о качестве жизни в обществе и позволяет накапливать подробную информацию об обстоятельствах, связанных с высоким социальным самочувствием. Учет субъективного благополучия может помочь лицам, принимающим решения, оценить политику, которая улучшает общество вне экономических факторов развития. Кроме того, расширение исследований по актуальным для политики вопросам выявляет важность учета ее результатов. Так, Э. Динер предложил создать «национальные счета благосостояния» в дополнение к существующим экономическим и социальным показателям качества жизни как отражение политики государства. Эти национальные счета могут предоставить ценную информацию политикам, менеджерам крупных компаний и другим субъектам управления⁹⁶.

Социологическое содержание понятия «социальное самочувствие».

Анализ интерпретации понятия социальное самочувствие в социологической литературе показывает широкий диапазон его трактовок. Обратимся к некоторым, с нашей точки зрения, наиболее концептуально значимым формулировкам.

В одной из первых отечественных социологических работ, посвященных исследованию социального самочувствия (Давыдова Е. В.), было дано такое определение: «это удовлетворенность человека различными сторонами жизни: семейной, бытовой, трудовой, досуговой, социально-политической, социально-экономической, социально-культурной»⁹⁷.

Из схожей логики исходит Л. Я. Рубина, определяя социальное самочувствие как «степень удовлетворенности выбором и реализацией жизненной стратегии, высокий уровень социальной активности в различных сферах жизни, возможность смены профессии в случае необходимости, устойчивое ощущение комфортности, отсутствие сложностей в системе

⁹⁶ Diener E., Oishi S., Lucas R. E. National accounts of subjective well-being. *American Psychologist*. 2015. 70 (3). P. 234-242.

⁹⁷ Давыдова Е. В. Измерение социального самочувствия молодежи / М.: Институт социологии РАН. 1992. С. 17.

межличностных отношений, чувство содержательной наполненности жизни, социальной защищенности»⁹⁸. В этом определении социального самочувствия находит отражение как психологическая интерпретация (ощущение комфортности), так и социологическая, то есть соединение субъективного и объективного начала (соотношение выбора и реализации стратегии). Эта трактовка нам видится методологически верной, поскольку опирается на ключевую социально-психологическую категорию – *удовлетворенность*.

В то же время оно открывает дорогу возможности создания конкретных индикаторов для измерения показателей социального самочувствия в рамках эмпирических исследований. Ключевым же в настоящем определении является то, что указывается на связь между удовлетворенностью жизнью и реализацией жизненной стратегии конкретного субъекта действия.

Однако в таком понимании социального самочувствия не учитывается, что эмоциональная составляющая подразумевает не только позитивные переживания по поводу удовлетворенности, но и негативные эмоции на фоне неудовлетворенности, а главное, невозможности улучшить, невозможности удовлетворить в будущем – апатию, страхи, неуверенности. При более широкой трактовке социального самочувствия, которые включается в себя как эмоционально отрицательные, так и положительные переживания открывается дорога к пониманию факторов, способных изменять полюсы оценок социального самочувствия от отрицательных до положительных.

С. О. Лебедева и М. О. Пучкова также рассматривают социальное самочувствие как интегральную *характеристику удовлетворенности* или *неудовлетворенности* человека своим социальным положением, как обобщенный индикатор реакции населения на социальные преобразования, который определяется степенью удовлетворения их социальных потребностей⁹⁹.

⁹⁸ Рубина Л. Я. Профессиональное и социальное самочувствие учителей // Социологические исследования. 1996. № 6. С. 64.

⁹⁹ Лебедева С. О., Пучкова М. О. Социальное самочувствие горожан как социологическая проблема // Материалы III международной научной студенческой конференции «Научный потенциал студенчества в XXI веке». Ставрополь. 2009. С. 144.

Неудовлетворенность жизненной ситуацией влечет за собой плохое самочувствие, при этом С. О. Лебедева и М. О. Пучкова особо отмечают воздействие на него такого фактора как социальные изменения, преобразования и реформы. Аспект, на котором акцентируются авторы – социальное самочувствие формируется как реакция на принятие человеком своей позиции в системе социального неравенства и принятие/непринятие социальных изменений.

Связь социального самочувствия с изменениями следует подчеркнуть особо. Соотношение между запросом на перемены или напротив, сохранение стабильности, формирует весь комплекс реакций, вызывающие как негативное, так и позитивное самочувствие. Страхи, тревоги, опасения по поводу перемен могут становиться реальным фактором сдерживания политического участия общества и отдельных социальных групп. Поэтому они находят отражение в социальном управлении и политическом курсе государства. Вопрос в чем на текущий момент потребность у людей больше – в изменениях существующего или в сохранении стабильности как реакция на возможности перемен и возможности стабильности.

При этом социологическая функция изучения социального самочувствия состоит в построении системы индикаторов, пригодных для отражения указанных феноменов. Таким образом, уже на уровне индивидуального восприятия социальное самочувствие формирует готовность к проявлению индивидом активности, направленность которой будет зависеть от удовлетворенности социальных потребностей.

Отчасти мы согласны с В. П. Щербаковой, отмечающей значительные трудности, связанные с трактовкой категории «социальное самочувствие», складывающиеся в социологическом дискурсе. Среди прочего она выделяет такие проблемы как преобладание психологизма, отсутствие серьезной методологической базы социального самочувствия и ее совершенствование¹⁰⁰. И

¹⁰⁰ Щербакова В. П. Социальное самочувствие молодежи – интегральный показатель ее адаптации к общественным переменам в России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 121-132.

если первая проблема во многом преодолевается за счет значительного увеличения числа эмпирических изысканий социологов в последние годы, то вторая представляется серьезным препятствием на пути социального познания. В этом смысле неслучайными выглядят попытки некоторых исследователей обратиться к работам современных классиков социологической мысли П. Бергера, Н. Лумана, П. Бурдьё, Э. Гидденса. Интересную попытку рассмотреть социальное самочувствие в контексте концепции структуралистского конструкционизма Пьера Бурдьё предпринял М. П. Игнатъев¹⁰¹.

Согласно его позиции, социальное самочувствие рассматривается как «габитус», то есть внеиндивидуальная структура, которая сама выступает в качестве определяющего и детерминирующего фактора по отношению к взаимосвязям индивидуальных практик с социальными структурами. Социальное самочувствие имеет как объективное наполнение, будучи в значительной степени обусловленным спецификой социальной действительности, так и субъективное наполнение, заключающееся в индивидуальном восприятии социальных практик. На наш взгляд, это является довольно важным методологическим утверждением, поскольку означает, что социальное самочувствие не только субъективно воспринимаемый феномен или конечный пункт поисков, оно является отправной точкой для выстраивания *поведенческих стратегий субъектов действий* и тем самым принимает участие в формировании социальных структур.

А. И. Курьеров предлагает рассматривать в качестве центрального аспекта понятия «самочувствие» удовлетворенность здоровьем, которое, однако, обусловлено во многом такими социальными факторами, как уровень и качество жизни, потребления, развитие системы здравоохранения и состояние медицинского обслуживания; материальным положением; статусно-ролевым набором; профессиональной деятельностью; социально-правовой защищенностью; социально-бытовой обустроенностью; внутрисемейными и межличностными отношениями на работе; а также состоянием политической,

¹⁰¹ Игнатъев М.Н. Социальное самочувствие населения моногородов: социологический анализ (на примере Кемеровской области): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2013. 176 с.

социально-экономической, межнациональной и экологической ситуации в регионе проживания и в стране в целом¹⁰². Здоровье человека не может рассматриваться изолированно от условий среды и сферы самореализации индивида. В этой трактовке чрезвычайно расширительно выглядит применение показателя удовлетворенностью здоровьем. Очевидно, что для разных возрастных групп здоровье имеет разную ценность, а, следовательно, и его приоритет для социального самочувствия. По мере старения и утраты здоровья, оно все больше рассматривается индивидом как *непреходящая ценность*. Следовательно, принадлежность к возрастной группе (или группе с ограниченными возможностями), будет влиять на приоритет здоровья в системе индикаторов самочувствия.

Г. П. Бессокирная дает определение социальному самочувствию как «сложной интегрированной социально-психологической характеристике субъекта социального действия (общественного класса, профессиональной группы, работника), основанной на его саморефлексии взаимодействия с общественной средой и проявляющейся в определенном отношении (в самооценке) к различным аспектам собственной материальной и духовной жизнедеятельности»¹⁰³. В этом определении для нас важно отметить *аспект саморефлексии*, то есть способности человека более или менее осмысленно перерабатывать и преобразовывать информацию о своем чувственно-эмоциональном состоянии, которое выступает субъективной стороной социального самочувствия.

Отметим также акцент на взаимодействии, сделанный в ее концепции – предметом саморефлексии выступает *взаимодействие* со средой (то есть внешними условиями и другими субъектами), отсюда и оценка этого взаимодействия, эмоционально окрашенная. Именно взаимодействие с другими субъектами социальных действий и определяет ту социальную реальность,

¹⁰² Курьеров А. И. Социально-экологическое самочувствие населения в районе предстоящего уничтожения химического оружия в системе управленческих решений // Управление социальными процессами в регионах: Российская научно-практическая конференция. Ч.1: Регион как социум: социальная структура, институты и процессы. Екатеринбург. 2002. С. 66–76.

¹⁰³ Бессокирная Г. А. Социальное самочувствие рабочих // Социологические исследования. 2008. № 3. С. 34.

которая выступает объектом для саморефлексии и формирования индивидуального самочувствия.

Анализ самочувствия неизбежно связан с изучением способностей индивидов адаптироваться к внешним условиям, общественным изменениям, а также осмысленному отношению к самому себе и своему чувственно-эмоциональному состоянию. Кроме того, социальный характер самочувствия раскрывается через сам субъект действия – группу, класс, общность. Следовательно, в процессе формирования социального самочувствия как *группового феномена* необходимо уделять внимание сходствам условий жизнедеятельности людей. В силу этого общение, передача настроений, заражение и пр. становятся специфическими объектами изучения. Поскольку социальные группы выступают субъектами социального самочувствия, следовательно, и само самочувствие может выступать в качестве социального феномена. Г. П. Бессокирная, выделяя группу в качестве особого субъекта социального самочувствия исходит из того положения, что его субъектами могут выступать не только индивиды, но и общности, классы и пр. Тем самым создается теоретическое основание для выделения групповых предпосылок социального самочувствия.

В определении Г. П. Бессокирной важна и оценочная сторона социального самочувствия, (оценка-самооценка), то есть его *соотнесение с ценностями*. Указывая на это обстоятельство Н. И. Лапин подчеркивает, что социальное самочувствие непосредственно зависит от всей совокупности базовых ценностей. Социальное самочувствие, пишет Н. И. Лапин, «это субъективное восприятие людьми смыслов своей жизнедеятельности здесь и теперь, в контексте прошлого и ожидаемого будущего... ценностно-эмоциональное их отношение к своему социальному положению и уровню удовлетворения своих потребностей интересов»¹⁰⁴. Ценности и ценностные ориентации опосредованно влияют на

¹⁰⁴ Лапин Н.И. Базовые ценности, социальное самочувствие и доверие институтам власти // IX Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. М.: ВШЭ, 2007. С. 210-219.

социальное поведение индивидов через социальное самочувствие, которое выступает в качестве индикатора восприятия населением социальных процессов.

Таким образом, ценности преломляются социальным самочувствием и становятся предпосылкой для действий индивидов и групп. Но важно еще и то, что ценностным смыслом наделяется и перспектива – обозримое будущее, которое индивид предвосхищает, предвидит, предчувствует, конструирует.

Ж. Т. Тощенко и С. А. Харченко в своей работе «Социальное настроение» провели социологический анализ категорий «настроение» и «самочувствие», выявили виды и уровни их функционирования, а также определили актуальные проблемы исследования. Ж. Т. Тощенко и С. А. Харченко считают, выстраивают следующую взаимосвязь категорий. Социальные настроения выступают доминирующей формой реального общественного сознания и, как следствие, во многом определяет поведение индивидов и групп. Оно отражает «уровень, продолжительность и степень эмоционально-рационального восприятия индивидом, социальной группой социальных установок, социальных целей и интересов...»¹⁰⁵. Социальное самочувствие по отношению к социальному настроению выступает базовым элементом с комплексной структурой, который включает в себя информацию и актуальное знание, обладающее существенным значением для личной адаптации и жизнедеятельности человека в обществе.

Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко подчеркивают такую важную особенность как *направленность социального настроения*. Они исходят из логики, что, поскольку основные перемены российского общества происходят в политической и экономической жизни, то и анализ социального настроения должен проводиться прежде всего в этих сферах.

Действительно, анализ динамики социального самочувствия должен проводиться в социально-политической и экономической сферах, причем как на микро, так и на макроуровнях. Однако сомнение вызывает корректность сопоставления настроения и самочувствия, которые предприняли Ж. Т. Тощенко

¹⁰⁵ Тощенко Ж. Т., Харченко С. В. «Социальное настроение» М.: Academia, 1996 г. С. 21.

и С. В. Харченко. В их концепции просматривается определенная подчиненность социального самочувствия социальному настроению, другими словами, оно рассматривается как структурный компонент, базовая основа социального настроения. Данное положение вызывает некоторую критику. В частности, мы согласны с Г. Д. Гриценко, предположившего, что концепция социального настроения Ж.Т. Тощенко устанавливает подчиненность оценочных аспектов самосознания иррациональным аспектам, тогда как «социальная действительность характеризуется скорее их сложным переплетением, нежели подчинением социального самочувствия социальному настроению»¹⁰⁶.

Связь между социальным настроением и самочувствием скорее просматривается в переплетении чувственно-эмоциональных реакций, больше присущих настроениям, и когнитивным оценкам, характерным для самочувствия. Помимо этого, стоит отметить длительность состояний настроения и самочувствия. Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко так пишут об этом: «Анализ показывает, что социальное настроение достаточно изменчиво, постоянно подвергается колебаниям как от факторов, зависящих от людей, так и от факторов, производимых от деятельности общества в целом»¹⁰⁷. Приходящий, неустойчивый, подчас порывистый характер социальных настроений делает их феноменом «здесь и сейчас». В этом контексте социальное самочувствие – явление, имеющее более *длительное воздействие на субъекта действия*. Таким образом, социальное настроение и социальное самочувствие нужно рассматривать как понятия взаимозависимые, но не вытекающие или обусловленные друг другом.

Важной особенностью социологического анализа социального самочувствия следует считать, что в его структуру включаются преимущественно когнитивные компоненты. О. В. Коломиец отмечает, что социальное самочувствие, в отличие от общественного сознания – это актуализированное

¹⁰⁶ Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект / Г. Д. Гриценко, О.И. Лепилкина, Т. Ф. Маслова [и др.]; под ред. М. К. Горшкова. М.; СПб: Нестор-История. 2011. С. 19.

¹⁰⁷ Тощенко Ж. Т., Харченко С. В. Социальное настроение. М.: Academia. 1996. С. 154.

реальное сознание, выражающее состояние конкретных переживаний людьми своего отношения к действительности и своего положения в обществе, с помощью которых оценивается их жизнь и деятельность в данный момент времени¹⁰⁸.

Данное утверждение открывает дорогу к одной из возможных классификаций социального самочувствия, критерием которой будет выступать *субъект действия*: выделяется три формы социального самочувствия – индивидуальное, групповое и массовое. Индивидуальное самочувствие – вычлененное, единичное отражение всех (морально-нравственных, политических, экономических) отношений, результат действия на психику этих факторов.

Социология, преимущественно, сосредотачивает внимание на изучении группового самочувствия, поскольку именно в нем концентрируется как общность, так и различия социально-групповых условий существования и взаимодействия людей.

Групповое социальное самочувствие возникает как результат воздействия факторов внешней среды на жизнь человека – экономика, политика, культура. Следствием этого воздействия становится общность реакций на условия жизнедеятельности. Заметим, что именно групповое самочувствие отражает положение индивидов в системе социального неравенства. Человек сопоставляет свой статус и уровень жизни, со статусом и уровнем жизни людей, близких ему по роду занятий, возрастным, имущественным и прочим признакам. По своей сущности групповое самочувствие предполагает не только эмоциональное состояние, но и активные социальные действия в политике, экономике, культуре, своеобразное обобщенное жизнеощущение, обладающее кумулятивным и динамичным характером.

Как можно заметить, в целом ряде концепций социального самочувствия (Л.Я. Рубина и Г.П. Бессокирная) указывается на его связь с проявлением активности личности. Хорошее социальное самочувствие сопоставляется с высоким уровнем активности, напротив, плохое оказывает отрицательное

¹⁰⁸ Коломиец О. В. Социальное самочувствие как проблема социальной психологии // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2012. № 3. С. 15.

воздействие на него. Несмотря на то, что значительная часть исследователей социального самочувствия постулирует связь социального самочувствия с групповыми поведенческими стратегиями, в действительности на сегодня почти отсутствуют исследования на эту тему.

Массовое самочувствие во многом соотносится с массовым сознанием. В современном, весьма сегментированном обществе, затруднительно выделить те социетальные основания, которые бы объединяли массу. Однако, к факторам, которые определяют массовое самочувствие выступают такие явления как идеология, национальный менталитет, коллективное сознание, решение общегосударственных проблем и пр. Влияние обозначенных факторов на массовое самочувствие будет определяться прежде всего функционированием общественных институтов.

Сущность социологического подхода к изучению социального самочувствия состоит в фокусировании на взаимодействии социальных субъектов с микро- и макросредой, и на эмоциональной оценке ими этого взаимодействия.

Макроуровень – это воздействие объективных факторов, таких как экологические, политико-экономические, социокультурные параметры среды проживания. Они выступают институциональным и естественным контекстом для функционирования субъективных оценок и, преломляясь в системе ценностных ориентаций социальных субъектов, во многом определяют удовлетворенность жизнью. Среди субъектов взаимодействия, формирующих макроуровень социального самочувствия населения, существенную роль играют государственные структуры, система образования, система здравоохранения и иные системы жизнеобеспечения общества.

Микроуровень – это непосредственные условия жизни и, в силу этого, социальное самочувствие будет отражать удовлетворенность такими показателями как личный социально-экономический статус, в том числе материальное положение, жилищные и бытовые условия и перспективами их улучшения; возможности получения образования и повышения его уровня; возможности трудовой занятости, карьеры и самореализации в профессии.

Основными субъектами взаимодействия, формирующими микроуровень социального самочувствия выступают семья, близкие и знакомые, трудовой коллектив (профессиональное окружение), структуры общественной активности индивида (соседства, товарищества, профсоюзы и пр.)

Макро- и микроуровни социального самочувствия взаимосвязаны друг с другом и служат единой системой оценок реальности индивида или группы. Однако это не значит, что они всегда согласованы между собой. Вполне возможны ситуации, когда происходит рассогласование между ними, что может являться сигналом о проблемах как в устройстве социально-политической организации общества, экономическом производстве и потреблении; так и личном пространстве людей.

Итак, рассмотрев ключевые социологические подходы к интерпретации понятия социального самочувствия, мы пришли к следующим выводам.

1. Концепция социального самочувствия, изначально развивалась в рамках психологической проблематики, что оказало значительное воздействие на социологическую интерпретацию понятия «социального самочувствия» и его операционализацию. Прежде всего это было связано с вычленением чувств, эмоций и психофизических состояний как обуславливающих социальное самочувствие.

2. В социологической интерпретации понятия «социальное самочувствие» преобладают когнитивные и оценочные свойства феномена, в отличие от психологического подхода, где оно преимущественно представлено в виде психофизиологического состояния личности.

3. Интерпретация понятия «социальное самочувствие» в отечественной и западной социологии протекает в одном ключе. Наиболее адекватным аналогом понятия «социальное самочувствие», имеющимся в российских социологических источниках выступает англоязычное «subjective well-being» (субъективно воспринимаемое благополучие). Преимущественно понимаемое через категорию удовлетворенности, оно отражает систему показателей качества жизни,

социально-экономического благополучия, индивидуальных статусов и позиций в обществе.

4. На социальное самочувствие воздействуют разнообразные противоречивые факторы внешней среды, представляющих собой макро- и микроуровень жизни человека и общества.

5. В социологических концепциях утверждается взаимосвязь между социальным самочувствием и поведением социальных групп, их активностью, проявляемой в различных сферах общественной жизни, в том числе в политической.

Проанализировав подходы, интерпретации понятия «социальное самочувствие», а также проблемное поле его использования в современном социологическом дискурсе, мы предлагаем следующее определение данного феномена, на которое будем опираться в последующем анализе.

Социальное самочувствие – это система эмоциональных субъективных оценок и представлений, отражающих удовлетворенность социальной группы как ситуацией и перспективами развития общества, так и своим благополучием в этом обществе, оказывающих воздействие на формирование поведенческих стратегий индивидов относительно различных сфер их жизнедеятельности.

Развертывание системных свойств социального самочувствия, можно представить в два этапа. Во-первых, развертывание категории социальное самочувствие предполагает выявление базовых элементов, которые составляют его сущность и определяют направленность. Во-вторых, на основе базовых компонентов социального самочувствия выстраивается система индикаторов, отражающая реальные состояния людей, возникающие в результате реакций на их бытовые, социально-экономические, экологические, культурные условия жизнедеятельности. Таким образом теоретический конструкт подкрепляется методической основой для проведения эмпирических исследований, которая представляет собой систему индикаторов, сигнализирующих о состоянии социального самочувствия.

Большинство отечественных обществоведов использует трехкомпонентную структуру социального самочувствия, включая в нее эмоциональный, когнитивный, поведенческий компоненты и их вариации¹⁰⁹.

Когнитивный компонент включает оценку информации, знания индивида об окружающей действительности, восприятие общественных процессов, осознание своего места в системе социально-экономических и политических отношений, которыми он в той или иной степени руководствуется в повседневной жизни при принятии решений. К когнитивному компоненту также следует отнести ожидания и самооценку своего места в системе общественных отношений (социальных позиций), оценка представлений о себе как субъекте социальной деятельности.

Эмоциональный компонент составляет основу психологических состояний человека – чувства и настроения, ситуативный эмоциональный фон, который определяется удовлетворенностью и уверенностью в своей жизни.

Поведенческий компонент социального самочувствия отражает не только готовность или неготовность субъекта к действию, но и в то же время ориентацию на определенный характер действий, их социальную обусловленность. Поведенческий компонент высвечивает уровень социальной активности жизни личности и преобладающие характеристики деятельности¹¹⁰.

Трехкомпонентная структура социального самочувствия позволяют четко рассмотреть теоретический конструкт и проанализировать каждый его компонент в отдельности. Однако основная аналитическая задача состоит в том, чтобы показать взаимодействие и взаимовлияние этих компонентов друг на друга.

Белорусский социолог Л. П. Галич помимо указанных, выделяет эвалюативный компонент социального самочувствия, который позволяет усвоить основания осуществления того или иного выбора на когнитивном и

¹⁰⁹ См.: Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 году: итоги социологического исследования: коллективная монография / О. Р. Белова, Е. Н. Бочканова, Ю. Р. Вишневский [и др.]; под общей редакцией Ю. Р. Вишневого, Д. Ю. Нархова. Екатеринбург: ООО "Издательство УМЦ УПИ", 2016. 205 с.; Лепешкин Н. Я. Социальное самочувствие населения на современном этапе трансформации российского общества: автореф. дисс. канд соц. наук. Хабаровск. 2004. 28 с.

¹¹⁰ Соловей А. П., Шухно Е. В. Интерпретация и операционализация концепта «социальное самочувствие» // Синергия. 2018. № 4. С. 72-77.

эмоциональном уровнях, объяснить их стратегические предпочтения на поведенческом уровне ¹¹¹. Тем самым подчеркивается взаимосвязь между эмоциональным и когнитивным компонентом социального самочувствия. Однако оценка, которая присутствует в содержании феномена социального самочувствия выступает его имманентным свойством, а не отдельным компонентом структуры. Но оценка эта не может быть нейтральной, она всегда эмоционально окрашена.

Л. Е. Петрова включает в систему социального самочувствия такие базовые элементы как мотивация, вырастающая из потребностей и интересов; идентификация в соответствии с ее направленностью; коммуникация; жизненная стратегия, из нее вырастающая; ее практическая реализация; сравнение результатов с групповой идентификацией ¹¹². С нашей точки зрения следует разграничить с одной стороны, факторы, определяющие социальное самочувствие (мотивация, связанная с потребностями и интересами) и поведенческие феномены, определяющиеся самим социальным самочувствием (стратегии поведения и самореализация) – с другой. В концепции социального самочувствия Л. Е. Петровой, каждый из указанных компонентов структуры представляет собой одновременно определенную предпосылку, условие, но в то же время этап формирования социального самочувствия. В своем исследовании она подчеркивает, что социальное самочувствие выступает ключевым обстоятельством реализации жизненной стратегии индивида и социальной группы.

Я. Н. Крупец рассматривает социальное самочувствие в единстве трех составляющих: внутреннего состояния человека (здоровье, настроение, испытываемые чувства счастья, оптимизма); оценки внешних условий (восприятие ситуации в стране и времени, в котором человеку приходится жить); восприятие собственного положения в новых условиях ¹¹³. В структуре компонентов социального самочувствия, предложенных Я. Н. Крупец,

¹¹¹ Галич Л. П. Социальное самочувствие молодежи. – Минск : Право и экономика. 2012. 160 с.

¹¹² Петрова Л. Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. № 12. С.50-55.

¹¹³ Крупец Я. Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 143–144.

системообразующим ядром является его психофизическая основа. На него накладываются оценки внешних условий и восприятие меняющихся условий жизни. Таким образом, структурные элементы социального самочувствия взаимодействуют по принципу реакции, которая возникает на внешние обстоятельства и стимулы. Это и понятно, ведь в основе самочувствия лежит чувство, а переживание окружающего мира неотъемлемая функция человеческого организма.

Однако, уходя от психологических детерминант, в социологической концепции социального самочувствия преобладают социально обусловленные компоненты. Поэтому вполне закономерно, что большинство исследователей полагают благополучие базовой характеристикой, которая определяет субъективно-объективную природу социального самочувствия.

Под благополучием понимается «пространство существования человека, которое в большей степени обусловлено вполне реальными показателями экономического и социального общественного развития»¹¹⁴. Благополучие также выступает многокомпонентным элементом – в нем можно выделить материально-финансовый и социально-групповой компоненты. Но ключевой момент – это то, что оно определяется доступностью к различным социальным ресурсам, а значит отражает положение субъекта в системе социального неравенства. Именно через благополучие формируются оценки материального аспекта жизни, обеспеченности необходимыми социальными благами, удовлетворенность работой органов государственной власти, собственным социальным положением в совокупности формируют субъективную компоненту социального самочувствия¹¹⁵. Таким образом, признается, что социальное благополучие выступает тем объективным основанием, которое определяет общую направленность социального самочувствия.

¹¹⁴ Попов Е. А. Социальное благополучие человека в научном дискурсе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2010. № 2. С. 016-023.

¹¹⁵ Хапова З. П. Социальное самочувствие: проблемы и противоречия дефиниции в контексте социологического подхода «Вестник АГУ». Выпуск 3 (184). 2016. С. 88-94.

Но благополучие имеет значение не только «здесь и сейчас», но и в темпоральном контексте. Отечественным исследователем Н.Е. Симоновичем в теоретическом конструкте социального самочувствия выделяется вертикальная ось – социальный факт, затем переживание конкретных людей и социально-психологический след в их сознании; и горизонтальная ось, представленная в единстве временных континуумов (прошлого – «социальная память», настоящего – «осознание данной социальной реальности» и будущего – «образ желаемого будущего: цель и смысл жизни»)¹¹⁶. Тем самым Н. Е. Симонович представил обобщенную модель взаимодействия компонентов социального самочувствия через призму субъективного осознания времени. Это важно с точки зрения осмысления демографических и социокультурных различий групп как носителей определенных представлений о будущем, идеалов, ожиданий и горизонта планирования жизни.

Таким образом, как показывает анализ имеющихся теоретических концепций структура социального самочувствия не является общепринятой и остается предметом дискуссии. Свою авторскую позицию по отношению к структуре социального самочувствия молодежи, мы строим исходя из следующих положений.

1. Социальное самочувствие включает три базовых компонента: когнитивный, эмоционально-оценочный и поведенческий. Они взаимосвязаны между собой, являются инвариантами и определяют социальное самочувствие. Вариативная часть социального самочувствия может пополняться за счет внесения дополнительных элементов, отражающих особенности положения той или иной социальной группы или общности.

2. Ядром и исходным пунктом социального самочувствия является индивидуальное жизненное благополучие, которое отражает положение в обществе и опосредуется объективными факторами.

¹¹⁶ Симонович Н. Е. Социальное самочувствие людей и технологии его исследования в современной России. М.: РГГУ, 2003. 247 с.

3. Социальное положение (социально-экономический статус) определяет доступность обладания различными ресурсами, а также потребление материальных и духовных благ. Преломляясь ценностями, формируется определенный уровень субъективной удовлетворенности жизнью.

Основываясь на этом, проанализируем структуру социального самочувствия, которая представлена на рис. 1.2.1.

Социальное благополучие, как базовый компонент социального самочувствия социальной группы, отражает ее положение в системе социального неравенства и в структуре общественных отношений в целом. Оно включает в себя социальный статус, финансово-экономическое благосостояние, доступ к образовательным и культурно-досуговым ресурсам.

Будучи имманентным свойством социального самочувствия, социальное благополучие комплексно воздействует на все его компоненты: когнитивный, эмоционально-оценочный и поведенческий. Его основой выступает индивидуальный и групповой социально-экономический статус, который определяет доступ людей к общественным благам и возможности удовлетворять разнообразные потребности.

Благополучие отражается в сознании индивидов и групп – тогда возникает комплекс оценок, осознанных представлений о социальном устройстве, перспективах собственного и общественного развития. Одновременно благополучие оказывает воздействие на эмоциональные оценки, которые представляют собой чувственно окрашенные реакции, выраженные в удовлетворенности потребностей. В конечном счете возникают настроения, которые и определяют переход к реализации жизненной стратегии социальных групп и отдельных ее компонентов.

На основании данных положений конкретизируем основные компоненты социального самочувствия.

Когнитивный компонент.

Анализ когнитивного компонента социального самочувствия следует начать с того, что каждый индивид является носителем общественного сознания,

которое формируется как сложная реакция на усвоение своего положения в системе общественных отношений.

Поскольку самочувствие предполагает оценку условий, то есть соотнесение с ценностями, то важную роль в его формировании играет конструирование социального идеала. Следовательно, можно говорить о субъективных свойствах не только каждого отдельного человека, но и общественных групп (класс, поколение, национальность). Социальный идеал, то есть образ желаемого общественного устройства, в сознании индивида возникает не сам по себе, а при помощи воздействий внешнего мира и процессу соотнесения индивида с ним, то есть *самоидентификации*.

Взаимодействие социального идеала и самоидентификации выглядит следующим образом. Во-первых, формированию ценностей человека всегда сопутствует конструирование идеала общества и общественных отношений, которые отражают представления о благополучии и процветании. Общество, через институты и группы, формирует сознание каждого индивида, в котором собственное бытие всегда связано с бытием социальной группы. Далее формируемые идеалы укореняются через систему социальных институтов, прежде всего воспитания, образования и общественной морали. Усваивая идеалы, индивид постепенно начинает проявлять активность, то есть выстраивать обратную связь с окружающим его миром. Благодаря самоидентификации происходит отбор социальных идеалов, соответствующих интересам индивида и группы. Пригодные и разделенные социальные идеалы превращаются в ценности, которые в дальнейшем сохраняются, защищаются и отстаиваются как межличностном, так и групповом уровнях социального взаимодействия. Опять же упомянем о том, что закрепляются в сознании именно те социальные идеалы, которые в наибольшей степени соответствуют групповым интересам.

Для успешной самоидентификации человеку необходимо иметь четкие представления об окружающей его действительности и определить социальную группу или группы, которые он может квалифицировать как «свои». Это может

произойти только в том случае, если индивид будет проявлять активность и заинтересованность в отношении других.

В когнитивный компонент социального самочувствия мы также включаем *социальные ожидания*. Под ними мы понимаем представления о возможных изменениях в обществе и своих собственных перспектив в нем, которые выражаются в оценке вероятности благоприятных и неблагоприятных событий на макро- (изменений экономических, политических, социальных и культурных условий в масштабах страны или региона) и микроуровне (ожидание каких-либо событий или изменений на своей личной жизненной траектории).

Идеалы и ожидания могут быть согласованы (близки, относительно сопоставимы), а могут входить в противоречие, между ними может наблюдаться существенное расхождение.

Общим свойством идеалов и ожиданий выступает то, что они устремлены в будущее и участвуют в конструировании определенных представлений о нем. Тем самым вырабатывается осознанное отношение к будущему – «образ социального будущего» - комплекс взглядов, ценностных ориентаций, установок социальных групп, в том числе молодежи, на социальную перспективу, которая включает идеал общественного развития, социальные ожидания и жизненные планы¹¹⁷. Мы намеренно выносим на первый план перспективное содержание когнитивного компонента социального самочувствия (образ социального будущего), поскольку для объекта нашего исследования - молодежи как социально-демографической группы, осознанность жизненных перспектив играет ключевую роль.

Роль ожиданий в конструировании образа будущего двойка. С одной стороны, они выступают контурами возможных событий, вероятность наступления которых может оцениваться людьми по-разному. В связи с этим их можно назвать чисто умозрительными объектами. С другой стороны, они участвуют в формировании образа будущего, в связи с чем следует признать их

¹¹⁷ Дидковская Я. В., Трынов Д. В. Социальное самочувствие и ожидания молодежи индустриального региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 202–214.

принципиальность в формировании чувственно-эмоциональной основы социального самочувствия.

Эмоционально-оценочный компонент.

Эмоционально-оценочный компонент социального самочувствия функционирует параллельно с когнитивным и тесно взаимодействует с ним. Их взаимосвязь выглядит следующим образом. На основе соотношения идеалов и ожиданий возникает *удовлетворенность текущим состоянием в обществе*, положением дел в различных сферах (разная степень удовлетворенности). Удовлетворенность компилируется всевозможными эмоционально-оценочными реакциями на условия жизнедеятельности: от бытовых и частных, до публичных и общечеловеческих. Формируются *социальные настроения* по поводу будущего, перспектив развития, возможных изменений – оптимизм/пессимизм.

Оптимистические и пессимистические социальные настроения служат фоном, мотивационным контекстом выбираемых форм и стратегий поведения, активности субъектов самочувствия в различных сферах общественной жизни.

Одной из составляющих эмоционально-чувственного компонента являются страхи и надежды. Страхи или фобии – это «эмоции, которые представляют собой ответную реакцию на реальную или воображаемую угрозу и действуют как защитный механизм в опасных ситуациях»¹¹⁸. Страхи переходят в область эмоциональных реакций, составляя лишь одну из сторон ожиданий, негативно окрашенных, опасных или нежелательных. Другой их стороной выступают позитивные ожидания, такие как надежда, воплощение жизненных планов, достижение успеха, воплощение мечты и т.д. Преобладание в социальных ожиданиях позитивных или негативных оценок будущего формирует соответствующий настрой.

Поведенческий компонент.

Поведенческий компонент социального самочувствия выступает сложным переплетением когнитивных и эмоционально-оценочных реакций на условия

¹¹⁸ Нарбут Н. П., Троцук И. В. Ценностные ориентации и социальное самочувствие студенчества. Результаты исследовательского проекта. 2017. С. 166.

жизнедеятельности и выражается в формировании и реализации определенных *жизненных стратегий* социальных групп.

Жизненные стратегии – это «динамическая система перспективного ориентирования личности, направленная на конструирование своей будущей жизни»¹¹⁹. Они интегрируют в себе как внутренние побуждения индивидов (потребности, способности, интересы, направленности, устремления), так и представления о внешних условиях жизнедеятельности, о возможностях реализации своего потенциала. Жизненные стратегии молодежи наиболее комплексно характеризуют компоненты активности, детерминирующие ее поведение, направленное в будущее, на долговременную перспективу, и включают в себя *ориентации и жизненные планы*. По своему смыслу жизненные стратегии представляют совокупность планов действий по достижении определенных целей и интересов.

Стратегии политического участия молодежи входят в комплекс ее жизненных стратегий и охватывают специфические формы планирования действий данной социальной группы в политической сфере и, таким образом, во многом определяются состоянием социального самочувствия. Они отражают общественно-политический идеал, ожидания в сфере политических отношений, взаимодействия государственных решений, а также определенной реакции на них. *Стратегии политического участия* являются актуальным выражением жизненных целей для той части молодежи, которая выбрала политику сферой реализации своих интересов. Таким образом, чтобы изучить жизненные стратегии, и в том числе, стратегии политического участия, необходимо обследовать предпосылки их формирования на основе социального самочувствия.

¹¹⁹ Осипова Л. Б., Энвери Л. А. Жизненные стратегии молодежи: опыт социологического исследования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 4. С. 108-129.

Рисунок 2.1.1 Структура социального самочувствия

Выделенные нами структурные компоненты социального самочувствия выступают основой для эмпирических индикаторов изучения влияния социального самочувствия молодежи на ее политическое участие (индикаторы исследования представлены в Приложении 2).

Проведенный анализ показывает следующее.

Во-первых, социальное самочувствие выступает индикатором эффективности политики государства и всесторонне влияет на политическое участие, поскольку отражает удовлетворенность населения жизнью в целом и ее отдельными сторонами в конкретном социуме и базируется на отношении социальных субъектов к существующей системе социального неравенства.

Во-вторых, оно имеет объективную основу - благополучие социальных групп, но также является субъективным основанием, поскольку социальное самочувствие преломляется в ценностях субъектов и выступает индикатором их восприятия социальных процессов.

В-третьих, социальное самочувствие имеет сложную структуру, включает в себя когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты, находящиеся между собой в сложном взаимодействии: в сознании субъекта самочувствия социальные идеалы соотносятся с ожиданиями, в результате чего формируются социальные настроения (оптимизм/пессимизм), которые выступают мотивационным контекстом выбора поведенческих стратегий, в том числе реализуемых в политическом участии.

В-четвертых, формирование социального самочувствия может быть рассмотрено как процесс, протекающий на макро- и микроуровнях социальной системы: на макроуровне он идет под воздействием объективных факторов (экономических, политических, социокультурных, экологических), которые выступают институциональным и социокультурным контекстом функционирования субъективных оценок и определяют удовлетворенность жизнью в социуме; на микроуровне социальное самочувствие формируется как удовлетворенность непосредственными условиями жизни, такими как социально-экономический статус индивида и перспективы его изменения, возможностями образования, занятости, карьеры и самореализации.

В-пятых, специфика социального самочувствия молодежи связана с ориентацией данной социальной группы на перспективу, и заключается в ключевой роли в социальном самочувствии сложившегося у нее образа будущего, а именно социальных настроений, возникающих в результате соотнесения социальных идеалов молодежи и ее ожиданий относительно перспектив развития социума и возможностей самореализации в нем.

Как показывает современная теория социального самочувствия, оно может быть применено и к сфере политических отношений, в первую очередь, оно может

влиять на уровень, характер, интенсивность политического участия молодежи как особой социально-демографической группы.

Социальное самочувствие вызывает различные по направленности социальные действия, возникающих на основе двух принципиально различных вариантов вхождения молодежи в общественно-политические отношения.

Первый вариант характеризуется стабильным состоянием политической системы, включающей молодежь в политику при помощи привычных и устоявшихся механизмов. Политическая социализация молодежи происходит в спокойном ключе, без срывов и перегрузок политических институтов, отвечающих за включение молодежи в политические отношения. Молодое поколение имеет схожие с остальными социальными группами ценностно-нормативные ориентиры, поколенческий конфликт носит приемлемые допустимые границы. Сама молодежь проявляет умеренный интерес к политике – происходит ее дифференциация по этому показателю на несколько групп. Группа активистов – наименьшая часть, они проявляют высокий интерес к общественно-политической повестке, активно участвуют в деятельности общественных и политических организаций. В дальнейшем из их числа пополняются ряды профессиональных политиков, чиновников, служащих. При наименьшей относительной численности именно эта группа молодежи более всего заметна, поскольку публично заявляет о себе, ведет активную общественную жизнь и, следовательно, становится политически более *влиятельной*. В связи с этим нередко именно она отождествляется в общественном сознании со всем молодым поколением (что в целом неверно). Вторая подгруппа молодежи – умеренно интересующиеся политикой (время от времени), ситуативно участвующая в политических событиях (голосование на выборах). Ее устремления не направлены на обладание властью или на то, чтобы активно влиять на общественные процессы, однако умеренно заинтересованное отношение к политике все-таки создает потенциал ее интегрирования в организованные формы политического участия. Численно именно эта группа превалирует в молодежном сообществе и составляет ее основную массу. Ее уровень политического участия и

вовлеченность в политические процессы можно назвать *нормальным* с точки зрения поддержания институтов общественного участия.

Стабильно функционирующей общественной системе, в основном, присущ нормальный уровень политического участия молодежи, его предельное содержание регулируется социальными институтами, которые функционируют без перегрузок. В третью группу молодежи входит та ее часть, которая осознанно или нет устраняется от политики. Ее поведение сопровождается апатичным отношением к политике, низким интересом к общественно-политическим делам, уходом от участия даже в роли избирателя. Апатичное отношение к политике в целом не одобряется общественной моралью, так как формирование политических качеств личности считается необходимой стадией ее взросления. Поскольку в обществе работают механизмы политической социализации и вовлечения молодежи, численно группа аполитичной молодежи относительно немногочисленна.

Второй вариант вхождения молодежи в общественно-политические отношения представляет собой внезапный лавинообразный рост запроса на политическое участие, происходящий на фоне обострения общественных противоречий, политических и экономических кризисов. Такой процесс чаще всего связывают с *политизацией населения* или отдельных общественных групп. В самом обобщенном смысле под ней понимается «усиление влияния политики на другие сферы жизни, придание политического звучания сколько-нибудь важным вопросам общественной жизни»¹²⁰. В случае с политизацией социальных групп имеется в виду формирование идентификации и политическая инициация тех, кто собирается бороться за власть¹²¹. Тем самым политизация – это процесс качественного изменения политического сознания субъекта действия, результатом которого становится его переход от *пассивно-созерцательной политической позиции к активно-преобразовательной*.

¹²⁰ Абрамов А. В., Федорченко С. Н. Политизация современного российского общества и патриотизм граждан: контент-анализ социальных сетей // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2016. № 1 (9). С. 115-120.

¹²¹ Данилов М. В. Концепт «политизация» в научном и общественно-политическом дискурсе // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. Социология. Политология, вып. 2. С. 92-96.

Политизация охватывает социальные группы по-разному, в зависимости от того, насколько сильно их затрагивают конкретные негативно складывающиеся тенденции. В случае с молодежью ее резкий политизирующий характер связан, прежде всего, с утратой надежд на будущее, веры в возможности позитивно влиять на улучшение благополучия, уверенности в завтрашнем дне. Внутри молодого поколения происходит перераспределение между подгруппами – резко сокращается число аполитичной молодежи, увеличивается численность активно настроенной молодежи, в целом растет интерес к политике и запрос на политическое участие. Этот запрос напрямую связан с запросом на перемены как в общественно-экономических, так и во властно-политических отношениях. Его удовлетворение зависит от того насколько широки или ограничены возможности вхождения – каналы политического участия, насколько власть готова к диалогу и восприятию молодежи как политического субъекта. Так или иначе политические институты испытывают перегрузку при резкой политизации молодежи, возникает реакция и сопротивление с их стороны. Все это приводит к тому, что молодежь становится *«общественной проблемой»* и формируются условия для конфликта молодежи с остальными социальными группами.

Учитывая два преобладающих варианта вхождения молодежи в политические отношения, мы можем выявить основные механизмы взаимосвязи социального самочувствия и политического участия молодежи, реализующиеся на следующих стадиях ее вхождения/вовлечения в политическую жизнь.

Стадия появления устойчивого интереса к политике как к сфере, оказывающей влияние на жизнь человека. На этой стадии возникает стойкое чувство связи политики с другими сферами жизни. Самое главное, что субъект начинает *осознавать, что политика оказывает воздействие на его собственную жизнь, становится фактором обретения или утраты благосостояния.* Рост интереса к политике определяет такое следствие как выраженное изменение в структуре общественного сознания, образа будущего, смещение социальных настроений в сторону активного отстаивания своих ценностей и интересов. Также важную роль имеет оценка собственной влиятельности, связанная со

способностью субъекта к развитию своих навыков, накоплению и применению ресурсов. У молодежи она растет по мере накопления ресурсов знания и опыта, а также обретения собственной субъектности (т.е. способности действовать автономно).

Стадия формирования самоидентификации в политике. На этой стадии происходит обнаружение себя в системе общественно-политических отношений и неравенства. Появляется собственная позиция в идейно-политическом пространстве, связанная с осознанием личных и групповых интересов. Отождествление себя и своих интересов с определенной группой приводит к формированию общности взглядов, убеждений, групповой сплоченности – самоидентификации. Здесь мы подчеркиваем особое значение *социально-политических идеалов, ожиданий, которые формируют образ желаемого и проецируемого будущего* данной группы. Через этот механизм далее происходит самоидентификация в идейно-политическом спектре, отождествление себя, своих интересов и взглядов с той или иной группой, политической организацией, отражающие их интересы. Особенную важность политическая самоидентификация имеет для подгруппы политически активной молодежи, так выступает своеобразным показателем сформированности политической позиции, готовность к отстаиванию которой характеризует их как приверженцев тех или иных взглядов. Наличие устойчивых политических взглядов и убеждений является одним из показателей политической социализированности молодежи.

Стадия формирования стратегий политического участия. На данной стадии начинается применение своей активности, приобщение к различным общественно-политическим организациям, переход к планированию активных действий и т. д. Было бы неверно понимать политизацию исключительно как внутрилиchnостный процесс изменения политического сознания. Несомненно, он представляет собой сложную взаимосвязь реакций индивидуального сознания с внешним миром, в котором и создаются институционализированные возможности политического участия.

При этом социальное самочувствие определяет мотивы выбора той или иной формы политического участия, его целей и средств.

Во-первых, оно может влиять на сам факт желания/нежелания участвовать в политической жизни общества. Значимость власти выше у групп молодежи, которые не чувствуют своей защищенности в социальном плане и в целом имеют низкие показатели социального самочувствия. В свою очередь среди объяснения аполитичности молодежи центральное место занимает ее неудовлетворенность характером, качеством политической жизни в стране ¹²².

Стремление к обладанию властью можно считать своеобразным компенсаторным механизмом для молодежи с низким социальным статусом. Ресурс власти для этой части молодежи замещает нехватку ресурсов знаний, квалификации, социального капитала и пр. Однако это обстоятельство само по себе еще вовсе не означает, что молодежь с низким уровнем социального самочувствия будет активно проявлять себя в политике. Ведь устремление к власти имеет и совершенно иные, не политические средства выражения. Дело в том, что власть может рассматриваться как единственный способ обретения благ и тогда она превращается в глазах людей в самое желанное и ценное приобретение. Тем не менее мы фиксируем факт влияния социального самочувствия на ценностные основания, которые, вероятно не вполне сформировались у менее обеспеченной и неблагополучной части молодежи.

Во-вторых, социальное самочувствие проявляется в мотивации политического поведения, которое может определять различные формы индивидуальной активности или пассивности. М. В. Бутырина и К.А. Котова показывают, что среди основных мотивов участия молодежи в деятельности политических организациях, основным является стремление к саморазвитию. Молодежь, через активное вовлечение в эти структуры, стремится получить новый опыт, наработать контакты, повысить свой социальный капитал, а при

¹²² Гражданская культура молодежи Свердловской области: тенденции, проблемы, перспективы: монография / А. А. Айвазян, Л. Н. Боронина, Ю. Р. Вишневский, Л. Д. Забокрицкая, Д. Ю. Нархов, Т. А. Орешкина, Д. С. Попов, О. Б. Франц, М. В. Ячменева ; под общей редакцией профессора Ю. Р. Вишневого; Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2017. 244 с.

возможности получить преимущества продвижения в карьерной сфере. Другие значимые мотивы участия – это интерес к политике и «интерес к личности политического лидера»¹²³. Тем самым важными мотивами политического участия становятся обретение высокого социального статуса, которым обладают политические деятели.

Абсентеизм и неучастие в политической жизни общества также могут регулироваться социальным самочувствием. Н. Р. Романова констатирует устойчивый синдром социально-политической дезориентации и апатии молодежи, являющейся основной субъективной детерминантой абсентеизма молодежного большинства¹²⁴. Апатия объясняется личностным выгоранием и связана с социальным самочувствием, так как отражает неблагоприятный информационный фон, неудовлетворенность своим социальным положением, переживание социальной дезадаптации и т.д.

В-третьих, социальное самочувствие воздействует на выбор стратегий действия молодежи при ее политическом участии – объединение (кооперация), конфронтация, сотрудничества, конфликт. В. В. Титов постулирует связь образа будущего с протестными политическими стратегиями поведения молодежи. Хотя автор исследования напрямую не связывает формирование протестных стратегий молодежи с ухудшающимся социальным самочувствием, три из представленных им пяти разновидностей стратегий молодежного протеста («терминально-атрибутивная», «фрустрационная» и «политизированная») связаны с теми или иными компонентами социального самочувствия. Они основаны на сочетании макросоциальных терминальных ценностей молодежи (свобода, благополучие, комфорт), внутренних мотивов, связанных прежде всего с неопределенностью социального статуса, индивидуального образа будущего и атрибутивной составляющей – различных недостатков («несправедливость», «мало возможностей для самореализации» и т. п.). Показанные им стратегии

¹²³ Бутырина М. В., Котова К. А., Крюкова Т. Б., Моисеев Е. Ю., Романова Н. Р. Гражданское и правовое сознание студенческой молодежи. Монография. Иваново: ИГЭУ. 2015. С. 170.

¹²⁴ Романова Н. Р. Гражданское выгорание как фактор абсентеизма и апатичности студенческой молодежи // Психолог. 2017. № 3. С. 35 – 50.

представляют собой разрыв между уже достигнутым индивидуальным материальным благосостоянием и уровнем комфорта и благополучия и уровнем комфорта, благополучия и предсказуемости пространств повседневности, в которых человек и его близкие осуществляют свою жизнедеятельность¹²⁵. В такой постановке вопроса стратегии политического участия молодежи детерминируются основаниями, входящими в структуру социального самочувствия – благополучием, ожиданиями, образом будущего.

Выводы по главе 1.

1. Анализ политического участия с позиций инструментального, праксеологического и стратификационного подходов позволил нам выявить специфику его социологического изучения, которая заключается в рассмотрении политического участия как социального процесса, направленного на увеличение объема влияния социальных субъектов на политические решения. В ходе данного процесса происходит – со стороны социальных институтов - вовлечение социально-политических общностей в существующие политические отношения и структуру власти; а со стороны этих общностей – соответствующее проявление активности, которая протекает в совокупности внешних и внутренних факторов, обусловленных социальным неравенством. Политическое участие выполняет ряд функций в социальной системе, направленных на достижение ее социально-политической стабильности и эффективности управления через установление баланса государственной и общественной властей (прежде всего установление и поддержание демократических институтов, влекущих общественную солидарность и регулирование и разрешение постоянно возникающих политических конфликтов).

2. В зависимости от степени активности исполняемых гражданами ролей и вовлеченности в политический процесс мы выделяем различные уровни в политическом участии социальных субъектов – аполитичность, электоральная активность, политический активизм, политическое лидерство; при этом

¹²⁵ Титов В. В. Стратегии социального протеста молодежи в Рунете: сравнительный анализ поколений Y и Z // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 139—158.

политическое участие на каждом своем уровне реализуется в формах, сопряженных основным способом вовлечения субъектов в политическую жизнь. Среди данных форм мы особо выделяем две – «участие-поддержка», предполагающее активность в созданных и одобряемых действующей властью структурах политической социализации, и «оппозиционное участие», предполагающее, в основном, протестную деятельность.

3. Специфика молодежи как субъекта политического участия обусловлена ее неопределенным положением в системе социального неравенства, и выражается в особой мотивации и целях участия, а также предпочитаемыми формами и стратегиями поведения. Среди характеристик, выделяющих молодежь на фоне других субъектов политического участия, мы отметили: ее становящуюся субъектность (активную политическую социализацию); экстремальность и протестность (склонность к протестному участию и острая реакция на происходящие социально-политические процессы); открытость новациям и готовность к переменам, что может выражаться, в частности, в ориентации на онлайн-политическое участие.

4. Комплекс социальных факторов, влияющих на политическое участие молодежи, связанных как с объективным положением данной группы в социальной структуре, так и с ее субъективным отношением к своему положению, аккумулируется в феномене социального самочувствия. Ревизия имеющихся социологических концепций социального самочувствия («общества счастья», «социального благополучия», «качества жизни» и др.) позволили нам обосновать и сформулировать его авторскую интерпретацию в качестве системы эмоционально окрашенных субъективных оценок и представлений, отражающих удовлетворенность социальной группы как ситуацией и перспективами развития общества, так и своим личным благополучием в этом обществе, оказывающих воздействие на формирование поведенческих стратегий индивидов относительно различных сфер их самореализации.

5. Центральным элементом структуры социального самочувствия выступает благополучие социальных групп. Оно отражает положение группы в системе

социального неравенства и преломляется в ценностях социальных субъектов политического участия; в результате формируются важнейшие структурные компоненты самочувствия – когнитивный, эмоционально-оценочный и поведенческий, которые находятся в сложном взаимодействии друг с другом.

6. Социальное самочувствие субъектов политического участия может быть измерено со стороны макроуровня через индикаторы удовлетворенности жизнью в социуме в целом и его отдельными составляющими (политическим режимом, экономической системой, социальной сферой и т.д.) и через индикаторы социальных настроений относительно перспектив развития социума; со стороны микроуровня – через удовлетворенность непосредственными условиями жизнедеятельности индивида (социально-экономическим статусом, возможностями образования, сохранения и улучшения здоровья, профессионального развития и др.) и возможностями по его улучшению в будущем.

7. В социальном самочувствии молодежи как социально-демографической группы, преимущественно ориентированной на перспективу, ключевую роль играет образ социального будущего. Образ социального будущего формируется путем сопоставления социальных идеалов молодого поколения с его социальными ожиданиями; согласованность или, напротив, конфликт между идеалами и ожиданиями ведет к возникновению актуальных социальных настроений относительно возможной перспективы развития общества и своей траектории в нем (оптимизма, либо пессимизма). Настроения выступают мотивационным фоном для выбора молодежью стратегии своего политического участия как разновидности жизненной стратегии. Таким образом, политическое участие молодежи может детерминироваться основаниями, входящими в структуру социального самочувствия – идеалами, ожиданиями, настроениями, через формирование и выбор ею стратегий и форм политического участия.

Глава 2. Влияние социального самочувствия на участие молодежи в политике

2.1. Особенности и противоречия политического участия молодежи

Политическое участие молодежи в современных условиях реализуется на разных уровнях – базовом, активистском и лидерском, выделенных и обоснованных нами в первой главе работы. Они соответствуют определенному объему вовлечения молодежи в политические процессы, ее мотивации и компетенциям. Анализ особенностей политического участия российской молодежи (на примере Уральского региона и ряда других российских регионов) мы проведем на каждом из выделенных уровней, при этом будем использовать как вторичный анализ социологических данных, так и эмпирические данные, полученные в ходе собственных исследований студенческой и работающей молодежи и молодых политических активистов.

Динамику уровней участия молодежи в политике отражает такой обобщенный индикатор как декларируемая готовность молодого поколения включаться в решение общественно значимых дел, который представляет собой некий потенциал, определяющий запрос молодежи на перемены в окружающем их мире. Кроме того, он показывает значимость конкретных форм общественно-политического участия для самой молодежи.

Массовые опросы общественного мнения подтверждают мысль о том, что новое молодое поколение готово включаться проявлять себя в общественно-политических вопросах. Сравнивая уровень готовности к политическому участию молодого поколения с другими возрастными группами*, можно зафиксировать ряд закономерностей готовности проявления гражданской активности в различных возрастных группах.

* Данные опроса Левада-центр, проведенного 26 сентября – 2 октября 2019 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения объемом 1601 человек в возрасте от 18 лет и старше в 137 населенных пунктах, 50 субъектах РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2019/11/12/21751/> (дата обращения: 13.02.2021)

Во-первых, наиболее высокоактивной возрастной группой является самая молодая когорта - от 18 до 24 лет, при этом речь идет именно об электоральной активности.¹²⁶ Кроме того, как показывают результаты последних президентских выборов 2018, при общей явке в 67%, молодежь продемонстрировала довольно высокий показатель в 65% (аналитики объяснили это не только общей политической мобилизацией молодежи в последнее время, но и продуманной работой власти)¹²⁷. Во-вторых, наиболее значимые различия между молодежью и более возрастными группами выражены в готовности к политическому участию в таких ролях как «активист» и «волонтер» общественно-политических организаций. С одной стороны, это связано с тем, что молодежь, обладая большим объемом времени для досуга, готова тратить его на поиски дополнительных возможностей для приложения своего потенциала. Пригодным для этих целей может считаться общественно-политический активизм. С другой стороны, можно предположить, что у части молодежи имеется выраженное желание к активизму, связанное с реализацией карьерных притязаний в политике.

Так или иначе можно сделать вывод, что нынешняя молодежь наиболее социально-политически активная часть населения страны, а *готовность к волонтерству в социально-политической сфере* является еще одной особенностью проявления политического участия молодежи.

Разумеется, между выражением готовности к политическому участию и реальным воплощением в практических действиях нередко имеется значительное расстояние. Здесь решающую роль играют социальные институты, которые выполняют функцию политической социализации и организации механизмов вовлечения молодежи в политику. В связи с этим необходимо рассмотреть их функционирование на всех уровнях политического участия молодежи.

Базовый уровень политического участия молодежи. Массив исследований, посвященных оценке электорального участия молодежи, показывает достаточно

¹²⁶ Там же

¹²⁷ Эксперты объяснили высокую электоральную активность молодежи на выборах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://news.rambler.ru/politics/39426409-eksperty-obyasnili-vysokuyu-elektoralnuyu-aktivnost-molodezhi-na-vyborah/?updated> (дата обращения 15.09.2019)

противоречивую картину. В кругах исследователей электорального участия молодежи отсутствует единая позиция по поводу уровня заинтересованности молодежи в политической деятельности, оценки активности ее политического участия, осмысленности и осознанности электорального выбора. Мы зафиксировали две диаметрально противоположные версии, выражающие взгляд на молодежь либо как на активного творца, имеющего собственную гражданскую позицию и готового ее реализовывать, либо как на инертную группу, проявляющую равнодушие и апатию по отношению к политической сфере.

С одной стороны, ряд экспертов заявляют о политической пассивности молодежи, доходящей до степени апатии, выраженной в абсентеизме¹²⁸. С другой стороны, признается рост протестной активности и деструктивных действий, которые рассматриваются в контексте ее политизации¹²⁹.

Данные наших исследований студенческой молодежи выявляют широкий круг причин, приводящих не только уходу от электорального участия, но и к индифферентному отношению к политике¹³⁰. Социальная оценка причин аполитичности молодежи дает довольно четкое представление о том, что становится действительным препятствием для ее политического вовлечения (табл. 2.1.1). Хотя этот индикатор является субъективным, в действительности он помогает социологам выявить наиболее существенные проблемы социальной жизни, с которыми сталкивается молодежь в процессе своего политического участия.

Среди возможных причин низкого уровня политического участия (аполитичности) студенческой молодежи на первом месте – недоверие к политикам (57 %). Этот показатель вырос в два раза по сравнению с предыдущим

¹²⁸ См.: Длугош П. Негражданское поколение? Анализ политической активности молодежи Польши, России и Украины. PolitBook. 2012. № 2. С. 6-20.; Захаркин Р. А. Молодежный абсентеизм в России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем востоке. 2010. № 4. С. 111-114.; Самаркина И. В., Логунова В. П. Абсентеизм молодежи как форма политического участия // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 2. С. 14-15; Русских Л. В., Сумина А. А. Абсентеизм как модель политического поведения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2018. Т. 18. №. 4. С 90-94.

¹²⁹ Ежов Д. А. Актуальные тенденции и факторы электоральной активности российской молодежи // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 356-358.

¹³⁰ Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов будущего: монография; под общ. ред. проф. Ю. Р. Вишневого; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021.

этапом мониторинга, что свидетельствует о значительных изменениях в структуре социального доверия молодежи к политикам. Но следует уделить внимание и второй части этого варианта ответа – низкий престиж политических лидеров в глазах молодежи. Несомненно, это может быть связано с тем, что у молодежи обостряется ощущение разрыва связи со старшими поколениями политиков, бесценно присутствующих в публичном поле. Их косность и устаревшие взгляды воспринимаются частью молодежи как препятствия для позитивного восприятия политики.

Таблица 2.1.1

Мотивы аполитичности студенческой молодежи, %

Порой молодежь упрекают в аполитичности. Каковы, на ваш взгляд, могут быть ее мотивы у молодых людей?	2007	2009	2012	2016	2020
Отсутствие интереса к политике	25	30	37	38	41
Наличие других, более значимых интересов	25	21	20	26	40
Слабая осведомленность о политических явлениях, процессах, событиях	19	20	25	34	36
Безразличие к политике как к делу, весьма далекому от жизненных проблем	16	16	19	19	28
Неуверенность, что личное участие может иметь какое-либо влияние	35	30	40	32	55
Недоверие к политикам, низкий престиж многих из них в сознании молодых	25	25	31	26	57
Отношение, что «политика – «грязное дело» и от нее надо быть подальше	12	10	17	13	29

Заметно вырос показатель неуверенности, в том, что личное участие может иметь какое-либо влияние молодежи (55 %). Данный результат также является самым высоким со времени начала проведения мониторинга. Здесь следует обратить внимание на две причины, которые могут приводить к данной оценке. Во-первых, это социально-психологическое восприятие собственной компетентности в политических вопросах: мотив слабой осведомленности. Находясь в процессе активной фазы социализации, молодежь чувствует свою зависимость от более ресурсных социальных групп. Отсюда восприятие себя в качестве второстепенного, ведомого и не способного повлиять на происходящие события участника политического процесса. Во-вторых, оценка действий властей в ситуациях, когда активная часть общества пытается оказывать влияние на политические вопросы. Демонстративное дистанцирование власти от населения, выраженное в несменяемости политической элиты, беспрецедентном имущественном разрыве с основной частью населения, вызывают отчуждение простых граждан от политического класса в целом. Одновременно ослабевает институт политической оппозиции, которая перестает играть роль критикующей альтернативы власти и деградирует в сторону имитационных форм политической борьбы.

Наши выводы подтверждаются результатами исследования С. Г. Зырянова и В. М. Зыряновой, установивших, что среди главных системных причин не ходить на выборы молодежь называет то, что результаты выборов заранее известны, следовательно, отдельный голос ничего не значит (27%); каждый пятый сообщил, что не считает выборы значимым мероприятием, на котором что-то решается¹³¹. По существу, оба этих мотива связаны между собой и могут дополнять друг друга, означая *отчужденность существенной части молодежи от участия в выборах*.

Динамика показывает увеличение частотности ответов на вопрос о причинах аполитичности молодежи. Если на предыдущих этапах мониторинга

¹³¹ Зырянов С. Г., Зырянова В. М. Особенности электоральной культуры современной российской молодежи // Социум и власть. 2016. № 2 (58). С. 65-74.

средний показатель выбора вариантов ответа составлял 1,7 – 1,8 альтернатив, то в 2020 г. он приблизился к 3. Значительный рост числа выбираемых респондентами альтернатив можно интерпретировать как проявление живой реакции к политической проблематике, отклика на обострение проблем в социально-политической сфере, накопившийся за последние годы у студенческой молодежи.

Апатичное отношение к политике связано с тем, что молодежь не видит связи между реальной жизнью и политикой. Она приводит к отсутствию интереса к политике в целом, а также недоверию политическим институтам и отдельным политикам. Однако, уровень участия в последних к настоящему моменту федеральных выборах показывает, что *молодежь почти не отличается от других социально-возрастных групп по степени электоральной активности*. Согласно проведенным опросам общественного мнения, декларируемое участие молодежи в выборах президента РФ составило порядка 62%, что не существенно меньше, чем у средней (63%) и старшей (65 %) возрастной группы.

Весьма показательны итоги исследований экзит-поллов, проведенных ВЦИОМ, с целью выявления электоральных предпочтений молодежи ¹³². Большинство молодых избирателей отдали предпочтение К. Собчак, которая являлась самым молодым кандидатом (на момент выборов ей было 36 лет). Вероятно, немаловажную роль в этих предпочтениях играет возраст кандидата. Можно предположить, что если бы Собчак не приняла участие в выборах, то определенная часть молодежи, не имея своего кандидата, не пришла бы на избирательные участки.

Осознавая важность электорального участия, государство стремится содействовать вовлечению молодежи в избирательный процесс, о чем свидетельствует нормативная активность органов исполнительной власти. В целях повышения электоральной культуры молодежи, приняты постановления

¹³² Выборы президента РФ - 2018: данные опроса на выходе (экзитпола) ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2018/2018-03-18_vybory2018.pdf (дата обращения 18.06.2020).

Центральной избирательной комиссии РФ «О Молодежной электоральной концепции», «О проведении Дня молодого избирателя» и т. д.¹³³.

Отчасти мы согласны с Р. В. Пырмой, что причиной повышения электоральной активности молодежи за последние годы является включение мобилизационных каналов политического участия. В частности, на примере, создания молодежных избирательных комиссий демонстрируются эффекты повышения явки молодежи на избирательные участки и поддержки действующей власти. Молодежные УИК – это избирательные комиссии, в составе которых трудятся молодые люди, а представители молодежи (от 18 до 35 лет) составляют более 50% от общего числа избирателей. Зачастую на территории молодежных УИК находятся средние и высшие учебные заведения, студенческие городки и общежития¹³⁴. За счет создания молодежных УИКов в период с 2012 по 2018 гг. удалось повысить явку молодежи. Если в начале 2013 г. было открыто 53 таких комиссий, то к президентским выборам 2018 г. в 71 субъекте действовали уже 456 «молодежных» комиссий с общим количеством избирателей свыше 863 тыс. человек¹³⁵.

Действительно, уделяя внимание развитию таких институтов, государству удастся повышать явку на избирательные участки молодежи, однако по-прежнему достаточно остро стоит проблема ухода от политического участия, выраженная в аполитичности молодежи.

Вторичный анализ данных молодежи показывает, что проблема молодежного абсентеизма, в отличие от ее аполитичности до некоторой степени преувеличена и скорее является общим местом для дискуссий, нежели реальным фактом. В действительности, *молодежь мало отличается от старших возрастных групп в мотивах своего электорального участия/неучастия*. Личный опыт, накапливаемый молодым поколением в процессе взаимодействия с

¹³³ Пятаева Е. В. Молодежь как участник избирательного процесса // В сборнике научных трудов Молодежь и выборы: материалы VIII межрегионального форума. Киров, 23 апреля 2019 г. / Отв. ред. Игошина Ю. В. – Киров, 2019. 120 с.

¹³⁴ Выборы2018: молодежь проголосовала за сильного президента своей страны. [Электронный ресурс]. URL: <https://rueconomics.ru/314562-vybory2018-molodezh-progolosovala-za-silnogo-prezidenta-svoei-strany>

¹³⁵ Пырма Р. В. Электоральное участие молодежи в выборах президента России 2018 года. Гуманитарные науки // Вестник Финансового университета. 2019. № 9 (2). С. 50-57.

властными структурами, приводит к выстраиванию общих и типичных форм электорального участия. В то же время действительно важной проблемой кажется ситуация с административным принуждением, о которой сообщает почти каждый пятый молодой человек. Попутно мы допускаем, что и старшая возрастная группа может не менее часто сталкиваться с административным принуждением, но в силу привычки, связанной с опытом взаимодействия с властью, она может просто игнорироваться ею.

Однако, следует заметить, что *при сопоставимом с другими возрастными группами уровне электорального участия молодежи ее влияние на результаты выборов оказывается сравнительно невелико*. Серьезные демографические изменения, сопровождающиеся депопуляцией населения последних 25-30 лет, привели к снижению доли молодежи в структуре населения. Это означает и снижение ее электорального влияния, поскольку чем больше удельный вес молодежи в структуре населения, тем выше ее потенциал влияния.

В связи с этим мы обратимся к статистическим данным о численности населения в Уральском федеральном округе по возрастным группам (табл. 2.1.2). В качестве примера выбран Уральский федеральный округ, поскольку наши количественные и качественные исследования политического участия молодежи проводились на территории 6 регионов данного округа.

Нижняя и верхняя границы возрастного интервала для группы молодежи (18-30 лет) определены с учетом двух аспектов: 18 лет – возраст обретения избирательного права и вступления в активную избирательную роль; 30 лет – официально принятая верхняя граница молодежного возраста. Последующие величины интервалов также в 12-лет заданы с целью корректности соотнесения группы молодежи с другими возрастными группами в ретроспективном анализе возрастных когорт. В данном случае нами не ставится задача разрешить проблему поколенческого разрыва, мы также не утверждаем, что у молодежи непременно существуют исключительно отличные от других групп электоральные предпочтения. Речь идет лишь о том, что в относительном весовом соотношении

просматривается электоральный потенциал молодежи, который при наличии электоральных предпочтений непременно проявится на выборах.

18-30-летние являются самой малочисленной возрастной группой, что определяет низкий электоральный потенциал ее влияния. Можно предположить, что молодежь, даже имея сопоставимый уровень электоральной активности не имеет возможности всерьез влиять на итоги голосования. Если к этому добавить, что молодых политиков-выдвиженцев на представительские должности совсем немного, то становится окончательно понятны мотивы отчуждения широкой молодежной аудитории от избирательного процесса.

Таблица 2.1.2.

Численность населения в Уральском федеральном округе по возрастным группам (в млн. чел)¹³⁶

№	18-30 года	31-43 лет	44-56 лет	57-69 лет
Количество	1,57	2,61	2,051	2,04

Если добавить к этому низкий интерес к муниципальным и региональным выборам, то *стоит оценить влияние молодого поколения на итоги голосований как незначительное.*

Проанализировав политическое участие молодежи на базовом уровне, отметим выявленные нами его характерные особенности.

1. Электоральное участие молодежи на выборах федерального уровня сопоставим с уровнем участия других возрастных групп, соответственно нельзя сказать, что абсентеизм является отличительной характеристикой молодежи как социально-демографической группы. Преодолеть молодежный абсентеизм, отмечавшийся экспертами в предыдущие периоды, удалось за счет мобилизационных мер государственной молодежной политики. В то же время, проблемы, приводящие к аполитичности молодежи не сняты, и обострились к 2020-2021 гг.

¹³⁶ Составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2020 года. [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_111/Main.htm (дата обращения 20.10.2020)

2. Электоральное влияние молодежи остается наименьшим сравнительно остальных возрастных групп. В силу негативного демографического тренда (снижение численности молодежи в структуре населения) данная проблема будет сохраняться по крайней мере еще несколько лет, даже в том случае, если численность активного электората среди самой молодежи возрастет.

3. Среди основных причин ухода от электорального участия можно отметить как ситуационные, так и системные причины. Среди системных мотивов отказа от участия в голосовании преобладают недоверие институтам власти и политикам, неверие в значимость своего голоса, отсутствие кандидатов, за которых хотелось бы отдать свои голоса, что в совокупности отражает рост отчуждения между существенной частью молодежи и властью.

Активистский уровень политического участия.

Наши исследования студенческой молодежи Урала фиксируют выраженную тенденцию последних лет – *увеличивающуюся политизацию молодежи*, проявляющуюся в росте интереса к политике и активизации участия в различных формах гражданско-политической деятельности (рис. 2.1.1).

Заметим, что на всех этапах проведения мониторинга, отношение к политике студенчества сохраняло определенные устойчивые доминанты. Наиболее распространено отношение к политике среди студенческой молодежи которое можно охарактеризовать как «умеренно интересующийся наблюдатель»: 51% опрошенных сообщил, что интересуется информацией о политике, но активной в ней не участвует.

Кроме того, наши исследования показывают наличие двух примерно равных по количеству ответов респондентов «полюсов мнений». Первый отражает активистско-позитивное отношение к политическому участию. В нем проявляется высокий интерес к политике, высокий уровень вовлечения в политические организации и пр. В 2020 г. 11 % респондентов сообщили, что активно интересуются и участвуют в деятельности политической партии или движении. Второй – пассивно-негативное, выраженное в отрицании возможностей положительно участвовать в политическом процессе и попытке

осознанного устранения от него. Также 11 % респондентов в 2020 г. сообщили, что относятся к политике как к «грязному делу» и стараются дистанцироваться от нее. Если на всех этапах мониторинга численно преобладало пассивно-негативное отношение к политике, то в 2020 г. произошло количественное уравнивание этих полюсов (см. рис. 2.1.1).

С одной стороны, это может быть результатом усилий государства по целенаправленному вовлечению молодежи в разнообразные структуры пробного политического участия, такие как молодежные парламенты, правительства, общественные палаты и пр. С другой стороны, политизация молодежи является результатом преобладания ряда негативных общественно-экономических тенденций, воздействующих на ухудшение социального самочувствия молодого поколения.

В 2020 г. наименьшее число респондентов за все время мониторинга (27%) сообщило о своем безразличном отношении к политике, что является свидетельством определенных позитивных сдвигов в политическом сознании студенчества. Существенными факторами увеличения интереса к политике следует считать активизацию политической жизни в обществе, обострение конфликтов внутри правящего класса и борьбу за политическую власть. Однако главным фактором следует считать ухудшение социально-экономического положения самой молодежи. Об этом, в частности, свидетельствует рост протестных действий разносторонней направленности и вовлеченности молодежи в них¹³⁷.

В этом смысле знаковым был 1999 г., когда росли ожидания и всеобщее напряжение по поводу грядущей смены государственной власти на фоне экономического кризиса и финансового дефолта. На этом этапе мониторинга был зафиксирован самый высокий уровень интереса студенческой молодежи к политике. Тем самым интерес к политике и политизация молодежи в целом,

¹³⁷ См.: Руденкин Д. В. Импульсы роста протестной активности российской молодежи: кейс Екатеринбурга // Конфликтология / nota bene. 2020. № 1. С. 1-14; Антошин В.А., Антошин А.В., Колесникова К.И. Протестный потенциал и протестная активность современной российской молодежи: ценностные доминанты, динамика и тенденции // Alma mater (Вестник высшей школы). 2021. № 12. С. 93-101; Ковтун Е. И. Специфика современных молодежных протестных движений // Вопросы политологии. 2019. № 4 (44). С. 712-721.

подогревается скорее негативными социально-экономическими факторами, ростом напряженности и ухудшением социального самочувствия.

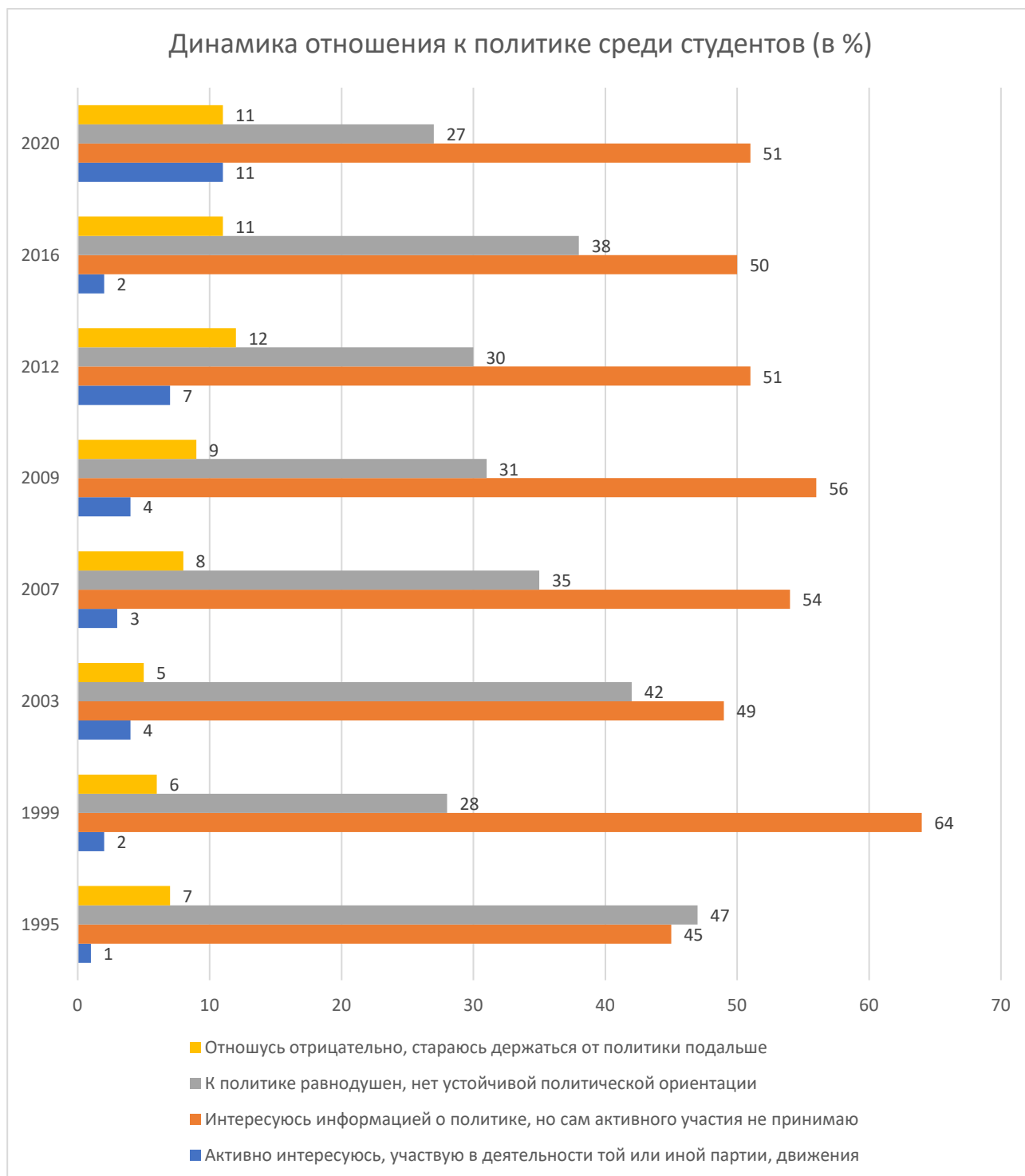

Рисунок 2.1.1 Динамика отношения к политике среди студентов, %

Опрошенные нами эксперты* подтверждают наблюдение о том, что *политическая активизация части молодежи (преимущественно городской студенческой молодежи) является актуальным процессом*. На основании анализа мнения экспертов можно связать данную активизацию с растущим запросом на перемены. *«Я думаю, что тут вопрос в том, что молодежи хочется перемен, хочется изменений и хочется лучше жить...»* (Павел Х., работник органов исполнительной власти, Челябинская область).

Кроме того общим фоном активизации молодежи является ее особое положение в социальной структуре общества, ее относительная свобода в выборе действий, отсутствие забот, присущие более старшим возрастным группам: *«Большая проблема в том, что нет какой-то общей цели... И людям, особенно молодым, хочется куда-то девать свою энергию, им хочется чего-то большего, им хочется понимать, что нужно сделать, пока у них куча энергии, пока они не обременены семьей, заботами, они хотят куда-то все это направлять. «Скажите, что нам делать?» – такой вот запрос у них появляется, им хочется что-то делать, но, к сожалению, пока система в целом не может дать ответ на этот вопрос, удовлетворить их запросы, поэтому молодежь начинает сама придумывать и всё больше требовать этого»* (Павел Х., работник органов исполнительной власти, Челябинская область). В суждениях эксперта просматривается противоречие между запросом на активности и отсутствием реальных сфер применения. То есть неудовлетворенной остается потребность в активном общественно-политическом участии.

Важная характеристика молодежного активизма согласно оценкам опрошенных нами экспертов – молодежь готова принимать риски, связанные с политическим участием. Однако в сравнении с другими возрастными группами молодежи легче принимать риски, поскольку их потери не столь существенные в случае применения различных санкций контроля со стороны властей. Также

* Качественные интервью проведены с молодыми лидерами (до 35 лет) – 22 интервью, информантами выступили молодые парламентарии муниципальных советов, членов политических партий, представительных и исполнительных органов власти.

следует заметить, что риски могут не в полной мере осознаваться молодежью, что выступает проявлением ее экстремальности:

«Молодежь – это плохо управляемая государством часть нашего общества, потому что молодые люди, которые так или иначе активно участвуют в жизни своей страны, это довольно пламенные интересные люди. У них, как правило, нет своей семьи, нет какого-то заработанного ими капитала, достаточного для того, чтобы бояться за эти деньги, бояться за его исчезновение этого, за какие-то политические репрессии» (Максим П., депутат, Курганская область).

Анализируя потребность и желание молодежи активно участвовать в политике, следует учитывать двусторонний характер процесса политического участия. Соответственно возникает вопрос о том, насколько действующие политические институты способны удовлетворить растущую потребность молодежи в переменах, а также в желании восприниматься как реальный субъект этих перемен. Как мы уже отмечали, сегодня в реалиях российской политической системы сформировались два канала политического вовлечения и, как следствие, политического участия – это *провластные и оппозиционные организации*. Хотя идейно и организационно они сильно разнятся, между ними имеется сходства, выраженные в их желании оказывать воздействие на подрастающее поколение и стремление пополнять свои ряды за счет молодых активистов. Власть и оппозиция конкурирует не только за «умы и голоса» молодежи, но и на поприще ее вовлечения в свои ряды. Рассмотрим возможности, предлагаемые со стороны провластных и оппозиционных организаций, осуществляющих функцию политической социализации молодежи.

Исследование показало, что проблемы политического участия молодежи связывались экспертами исключительно с деятельностью государственных структур, реализующих молодежную политику. По словам экспертов, *отсутствие единой идеологической направленности и низкая ресурсообеспеченность молодежной политики* – источники главных проблем не

только политического вовлечения молодежи, но и диалога с молодым поколением.

Симптоматично, что ряд экспертов, критикуя нынешнюю молодежную политику государства, ссылаются на советский опыт политического и общественного вовлечения молодежи. Он рассматривается ими как несомненно более предпочтительный по сравнению с современным состоянием дел в государственной молодежной политике: *«Я хочу сказать, что молодежная политика в нашей стране полностью провалена. Я считаю, что срочно нужно, еще лет 15-20 назад нужно было создавать некое подобие Ленинского комсомола, который был в советский период нашей истории, потому что... Да, есть это подобие – Российский союз молодёжи – но он недееспособен в полном смысле этого слова, и на данный момент можно точно сказать, что направление молодежной политики, мягко говоря, малоэффективно»* (Андрей П. депутат, Свердловская область).

Идея модернизации молодежной политики по советскому образцу связывается с наращиванием организационных и материальных ресурсов, а также политической волей руководства на всех уровнях власти: *«У нас в принципе достаточно попыток этот институт (вовлечения в политику – авт.) взаимодействия построить и проработать с молодежью на разных уровнях: муниципальном, региональном, партийном, некоммерческого сектора и так далее – но всё-таки то, что происходило в работе с молодежью в Советском Союзе, просто на порядок выше всего этого. Конечно, все мощности, все возможности есть у власти для того, чтобы попробовать снова это сделать»* (Тимофей Ж, депутат, Свердловская область).

Выход экспертами видится в возрождении института единой молодежной организации. Заметим, что при этом экспертами игнорируется усложнившаяся структура общества (и самой молодежи), мобилизационный характер вовлечения, а молодежи отводится роль объекта идеологического воздействия. Такое восприятие советского прошлого полностью лишает возможности его критической переработки в настоящем и преодоления старых ошибок.

Другая проблема, артикулируемая экспертами, состоит в *устарелости подходов и методов информационной работы* с политически активной молодежью. Один из экспертов отметил, что на поприще современных технологий общения с молодежью, власти сильно проигрывают оппозиции, игнорируя важность современного языка коммуникаций: *«Здесь тоже может быть хайп, хайп – это не плохо, но он может быть позитивный, а может быть негативный. Вопрос в том, какой хайп быстрее цитируется, быстрее тебя маркирует как своего. К сожалению, пока тот, который конфликт, противовес, противостояние, противоречие, отсутствие предложений, он привлекательнее с более понятной механикой»* (Евгений В., депутат, Курганская область).

Следует заострить внимание на видимом противоречии в рассуждениях экспертов. С одной стороны имеется тенденция апеллировать к опыту советского прошлого, призывая его применить в настоящих условиях, с другой – сетование на то, что методы и технологии работы с молодыми устарели. Разумно предположить, что, применяя принципы всеобщего организационного охвата, уравнительности и мобилизации, широко распространенные в советский период, контакта с нынешним поколением молодежи будет еще меньше.

Следующая проблема, связанная с политическим вовлечением молодежи, носит коммуникативный характер и выражается в различии информационных полей, в которых действуют субъекты политического участия. Эксперты подтвердили тот факт, что сегодня большее влияние на молодежь оказывают те субъекты, которые находятся в информационном пространстве социальных сетей. В связи с этим большое значение для молодежи обретает самовыражение, причем связанное с публичным признанием: *«А что является основной мотивацией? Это признание, признание твоих талантов, признание твоих заслуг, признание твоих усилий и твоей работы. Сейчас наша матрица восприятия той информации, с которой мы сталкиваемся, очень понятна и проста, она соцсетевая»*. (Дмитрий Г., работник исполнительных органов власти, Тюменская область).

Политика, в этом смысле, весьма пригодное поприще для обретения такого признания, поскольку претензии к власти и острота критики оказывается созвучно

с массовыми настроениями и получает большой отклик в виде новых подписчиков, просмотров, лайков и т.п. Властные и оппозиционные организации находятся во взаимообусловленных отношениях – ошибками одних пользуются их оппоненты. Если провластные каналы политического вовлечения по тем или иным причинам утрачивают свою привлекательность для молодежи, то флаг молодежного активизма перехватывается оппозицией: *«Возрастает, очень энергично набирает обороты символика какого-то простейшего признания. Ты сделал что-то скандальное, что-то противоречащее, что-то конфликтное, но у тебя есть как у молодого человека абсолютно понятная мотивация, ты говоришь: «Я за благое, я за изменения, я за перемены» (Тимофей Ж., депутат, Свердловская область).*

Тем самым проявление нонконформизма и протестности становится новой модной тенденцией. Однако сопоставление мнений экспертов с результатами опроса молодых политических активистов показывает, что сведение экспертами мотивации политического участия молодежи только к стремлению быть признанным не отражает действительности, а также еще раз подтверждает вывод об отчужденности молодежи и власти, которое стоит барьером на пути расширения (в частности базового, электорального) участия молодежи. Напротив, стремление к лучшему будущему, переменам и изменениям, похоже, достаточно характерно для активистов и нынешнего молодого поколения в целом.

Как показывают наши исследования спектр мотивов политического участия молодежи не ограничивается признанием и желанием повлиять на общественные перемены. Это доказывается результатами количественного опроса молодых активистов общественно-политических организаций (Приложение 1, табл. 2.1.3).

Результаты показывают, что *среди мотивов политического участия преобладает убежденность в том, что участие является важным аспектом реализации гражданских прав.* Такая высокая оценка правового аспекта политического участия говорит о гражданской зрелости молодых активистов и в то же время демонстрирует их приверженность демократическим принципам. Следом по частоте ответов идет мотив построения более справедливого общества,

который может быть связан как с рациональными, так и идеальным началом в политике. Так или иначе он отражает запрос молодежи на справедливость, которая может быть достигнута усилиями на поприще политической активности. Лишь на третьем месте находится мотив успеха и карьеры – около четверти респондентов разделяют именно его. Примерно столько же активистов участвуют в деятельности политических организаций из интереса.

Лишь четвертая часть политически активной молодежи действительно рассматривает для себя перспективу построения карьеры политика как значимый мотив участия. Таким образом мотивы, связанные с ориентацией на общественные благо (защита прав граждан, построение более справедливого общества) доминируют среди политически активной молодежи. Мотивы, связанные с достижением личных успехов в политике (приложение сил и способностей, построение политической карьеры) менее значимы.

Изучая активистский уровень политического участия молодежи, следует обратиться к конкретным возможностям, предоставляемым институтам политической социализации молодого поколения, при этом мы опираемся на выделенные нами в первой главе работы две основные формы вовлечения молодежи в политику: через провластные и оппозиционные организационные каналы.

Начнем с анализа возможностей пробных каналов политического участия молодежи Уральского федерального округа, таких как молодежные парламенты, правительства дублеров, молодежные общественные палаты и т.д. По большей части они представляют собой проекты региональных молодежных структур, выполняющих одновременно функции политической социализации и кадрового отбора во «взрослую» политику.

На основе данных, представленных в таблице 2.1.4, сделаем несколько обобщений. Во-первых, институты пробного политического вовлечения молодежи в целом сформированы и функционируют во всех регионах УрФО.

Наиболее представительно выглядит Свердловская область, в которой имеются возможности для всех форм пробного политического активизма молодежи.

Таблица 2.1.4

Представленность организаций пробных каналов политического участия в Уральском федеральном округе

Форма организации	Курганская область	Свердловская область	Тюменская область	ХМАО	Челябинская область	ЯНАО
Молодежный парламент	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да
Молодежное правительство	Да	Да	Нет	Нет	Нет	Да
Общественная молодежная палата	Да	Да	Да	Нет	Да	Нет
Молодежные отделения парламентских партий	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Молодежная избирательная комиссия	Нет	Да	Нет	Да	Да	Нет

Региональные власти, реализуя государственную молодежную политику, в большей или меньшей мере стремятся к включению молодежи в сферу политического участия. Во-вторых, пробные политические институты молодежного участия создаются и функционируют под патронажем государственных структур и тем самым приобретает очертания организаций «дублерского типа». Особенно такая ситуация характерна для молодежных правительств, которые непосредственно симулируют работу исполнительных органов власти. Это создает перспективу карьерных планов для молодых соискателей и формирует соответствующие ожидания. В-третьих, парламентские партии продолжают проявлять высокую степень заинтересованности и активности в работе с молодежью. Об этом свидетельствует тот факт, что во всех регионах УрФО действуют молодежные отделения партий. Добавим к этому и то, что молодежные парламенты, как органы молодежного представительства, также в значительной степени формируются при участии региональных отделений

партий. Все это делает роль политических партий в сфере политической социализации молодежи очень значительной.

Сказываются некоторые различия и специфика возможностей политического участия на региональном уровне. Хотя молодежные региональные парламенты существуют не во всех субъектах УрФО, следует заметить, что практика их создания и функционирования закрепились на уровне муниципалитетов. В частности, такая ситуация характерна для Курганской области, где отсутствует региональный молодежный парламент, но вместе с тем, существуют эти структуры в 12 муниципальных образованиях области¹³⁸.

В Тюменской области отсутствует молодежный парламент как отдельная структура, однако его функции частично выполняются Общественной молодежной палатой, а частично – Собранием молодых депутатов. Данная структура уникальна в своем роде, поскольку объединяет действующих депутатов регионального и муниципальных парламентов в возрасте от 18 до 35 лет. Собрание молодых депутатов можно назвать организацией кураторского типа, поскольку одной из заявленных задач является «оказание консультационно-методической помощи молодым депутатам областной Думы и молодым депутатам представительных органов муниципальных образований Тюменской области в осуществлении ими своих полномочий»¹³⁹. Очевидно, что равными по компетентности, квалификации и статусу молодые депутаты своими более возрастными коллегами не признаются. Почетное членство председателя Областной Думы в Совете молодых депутатов указывает на попечительский и выраженный менторский характер его функционирования.

В Челябинской области широкое распространение получила деятельность молодежной избирательной комиссии. Она функционирует не только на уровне региона, но и в 49 муниципальных образованиях области.

¹³⁸ Портал представительных органов муниципальных районов и городских округов Курганской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.msu45.ru/youth/mpmo/index.php> (дата обращения 10.03.2021)

¹³⁹ Положение о Собрании молодых депутатов при Тюменской областной Думе. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.duma72.ru/doc/smd/2018/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%BE%20%D0%A1%D0%9C%D0%94.pdf> (дата обращения 21.01.2021).

Мы попросили экспертов оценить каналы пробного политического участия молодежи в свете реализации ими двух основных функций:

- представительство интересов молодежи во властных структурах;
- социальных лифтов для построения политической карьеры своих членов.

На основании критических оценок экспертов мы выявили следующие проблемы политического вовлечения молодежи, связанные с функционированием имеющихся каналов политического продвижения молодежи.

Однонаправленность взаимодействия с одаренной молодежью, игнорирование других групп молодежи при политическом вовлечении. Можно привести такое суждение эксперта: *«Наши органы власти привыкли работать именно с лучшими из лучших, самыми образцово показательными студентами, и вот эту золотую молодежь, этих вот самых лучших из лучших, их и пихают во все объединения, на все должности в молодежных структурах, везде и всюду. А те ребята, которые, так скажем, не настолько удачливые, не настолько успешные, но хотели бы себя где-то реализовать, им туда путь заказан, и вот они себя ищут еще в каких-то других протестных организациях молодежных»*. (Иван Н., депутат ЯНАО).

Действительно, отбор по уровню успеваемости и прилежания весьма распространенное явление. Работать с одаренной молодежью легче и гораздо продуктивнее - хороший уровень знаний дает необходимую компетентность в различных сферах, а высокое прилежание почти наверняка означает привычку быть исполнительным и лояльным авторитету начальства. «Проблемная молодежь» остается вне поля воздействия и охвата. Под «проблемностью» здесь понимается своего рода невыраженное отклоняющееся поведение, которое проявляется в демонстративной независимости, контркультурности в политических взглядах, критического отношения к руководству и признанным общественным авторитетам. Не только вовлечение, но и гражданский диалог с этой частью молодого поколения либо не ведется вообще, либо его очертания приобретают форму конфликта и неприятия.

Таким образом, объектом для вовлечения в политические организации становится, в основном, образцовая молодежь, проходящая «первичный отбор» социальных институтов. Она попадает в поле внимания организаций через формальные и неформальные каналы коммуникации, а затем включается в волонтерскую деятельность общественно-политических организаций. Однако становится очевидной проблема – *взаимодействуя с высокоресурсной молодежью, политические организации пробного вовлечения опираются лишь на часть молодежи, оставляя за границами своего воздействия другую часть молодежи. А, следовательно, лишаются ее возможного доверия и поддержки. Тем самым появляется иная стезя политического участия – протестная активность.*

Другая проблема – значительная часть организаций пробного вовлечения молодежи функционируют как индивидуальные или групповые проекты конкретных молодых лидеров. Выбывание из них обращается для организации простым или полным исчезновением.

К настоящему времени целый ряд структур, созданных в рамках мероприятий государственной молодежной политики с целью расширения молодежного представительства, приобрел ритуальный характер. По всей видимости, начинаясь как инициативные проекты при поддержке региональных властей, позже они угасали вместе с выбытием молодых активистов из их числа. Потеря энтузиазма и заинтересованности молодежи приводили к их дисфункциональному состоянию и дальнейшему упразднению. Информант из числа экспертов сообщает: *«Все держится на отдельных личностях. У нас в регионе есть наш руководитель Н. Р. – он сильная личность с прогрессивными целями, он как раз пытается что-то поменять в лучшую сторону. Есть отдельные ребята, кто-то из волонтеров, кто-то из медиа-структур, кто-то простые активисты, кто-то в научном творчестве. Есть отдельные личности, лидеры, которые на себе тянут, но это не системный подход, и это не деятельность каких-то организаций, где не важно, поменяй человека, и организация начнет работать. Здесь убери этого лидера и организации не будет»* (Константин С., работник исполнительных органов власти, Курганская область).

Итак, функционирование каналов пробного политического участия молодежи можно оценивать двояко. С одной стороны, в регионах УрФО довольно обширны возможности политического участия молодежи через каналы пробного вовлечения. Об этом свидетельствует разветвленная сеть многочисленных молодежных структур. Почти во всех субъектах созданы дублирующие организации, такие как молодежные парламенты, правительства, общественные палаты и т.д. Однако наиболее влиятельной, с точки зрения вовлечения молодежи, остаются политические партии. Они открывают дорогу для разнообразных форм проявления активности молодежи – от волонтерства до претендентов на избираемые должности в представительных органах власти. С другой стороны, основная проблема организаций молодежного вовлечения в том, что они существуют по прямому распоряжению и подконтрольно власти. Провозглашая себя организациями «молодежного представительства», в действительности они нередко выполняют роль массовки для демонстрации эффективности молодежной политики на региональном уровне.

Несмотря на то, что организации молодежного вовлечения нельзя признать полноценными структурами гражданского общества, они выполняют важные функции политической социализации части молодежи. Возможно, самая важная функция, которую выполняют организации пробного участия – это помощь в самоидентификации части молодежи как политически активной группы. При этом формируется определенный тип общественно-политического сознания, ориентированный на активизм, политическую коммуникацию и развитие соответствующих навыков.

Активность молодежного политического участия поддерживается не только провластными каналами вовлечения, но и протестными. Имея в виду конвенциональные и неконвенциональные формы политического участия молодежи, остановимся на так называемых организациях «несистемной оппозиции» (таблица 2.1.5).

Поскольку организации «несистемной оппозиции» вытесняются из легального политического пространства и, как правило, являются

незарегистрированными общественными организациями, то чаще всего они ориентируют своих сторонников на активность, связанную с акциями прямого действия – это уличные протестные мероприятия, митинги, флешмобы, одиночные пикеты и т.д. Следовательно, об уровне их реального влияния на политический процесс можно судить именно по количеству участников протестных акций.

Кроме того, оппозиционные лозунги зачастую основаны на критике главной декларируемой российской проблемы — коррупции в органах государственной власти. В этом заключается важный момент для анализа механизма вовлечения молодежи: здесь находится точка сопряжения между основным посылом оппозиции о коррумпированности действующей власти и внутреннего мотива молодежи на построение более справедливого общества. Именно на этой основе строится взаимодействие между оппозиционными организациями и недовольной части молодежи, обуславливающее ее политическое участие. Несмотря на трудности и риски, связанные с участием в деятельности незарегистрированных организаций, они, тем не менее привлекают определенный молодежный контингент. Преимущественно это городская молодежь, проживающая в российских мегаполисах, выходцы из среды среднего класса¹⁴⁰. Также заметим, что большинство крупных протестных акций последних 3-4-х лет были инициированы и поддержаны оппозиционным политиком А. Навальным и возглавляемой им НКО «Фонд борьбы с коррупцией»*. Это позволяет говорить об участниках акций в той или иной мере как о сторонниках Навального. Все три выбранные нами организации «несистемной оппозиции» имеют свои структуры в 4 из 6 регионах Уральского федерального округа, что позволяет сказать о довольно высоком уровне представленности в местной политической повестке.

¹⁴⁰ Трынов Д.В., Дидковская Я.В. Новая протестная молодежь: самоидентификация, социальное самочувствие и образ будущего // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2019. Т. 14. № 3 (191). С. 118-127.

* В октябре 2019 года Министерство юстиции России объявило ФБК «иностранным агентом». 9 июня 2021 года ФБК был признан экстремистской организацией и ликвидирован по решению суда. 29 сентября 2021 года Минюст исключил ФБК из реестра «иностранных агентов» в связи с ликвидацией организации.

Тем самым протестно настроенная молодежь имеет доступ к организациям, отражающим их интересы и разделяющие методы политической борьбы.

Таблица 2.1.5

Представленность организаций протестного политического участия молодежи**

Форма организации	Курганская область	Свердловская область	Тюменская область	ХМАО	Челябинская область	ЯНАО
Отделения ФБК/Штаб Навального	Да	Да	Да	Нет	Да	Нет
Отделения «Открытой России»	Да	Да	Да	Нет	Да	Нет
Отделения Либертарианской партии	Да	Да	Да	Нет	Да	Нет

Однако, как уже было отмечено, эти организации находятся вне легального российского политического поля и не имеют юридического статуса, а протестная уличная активность приводит их в состояние постоянного столкновения с властями. Сегодня государственные структуры проводят политику резкого неприятия участия молодежи в акциях прямого действия. Мотивируя это тем, что в них могут быть задействованы несовершеннолетние. В ответ на подготовку оппозицией акций протеста, осенью 2020 – зимой 2021 гг., власти провели широкомасштабную кампанию в СМИ, получившую название «Дети вне политики»¹⁴¹.

Хотя главной транслируемой властями идеей было недопущение вовлечения детей в уличные протестные акции, на нее можно взглянуть под более широким углом зрения: во-первых, насколько политическая социализация подрастающего поколения является исключительно делом, контролируемым властью, а во-вторых, признается ли субъектность (самостоятельность) молодого поколения в политике. В случае непризнания за молодежью самостоятельности в политике со стороны власти, молодежь предстает нежелательным участником

** Таблица составлена на основе данных, полученных в ходе интервью с активистами оппозиционных организаций.

¹⁴¹ См.: Руководитель исполкома ОНФ призвал родителей убедить детей оставаться вне политики [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10522595> (дата обращения 21.01.2021)

политического процесса, а в силу отсутствия жизненного опыта постоянно рискует быть обвиненной в управляемости со стороны третьих сил. В итоге политическая социализация молодежи блокируется не только властью, но и обществом, впитывающим стереотипы поведения, а молодежь в свою очередь не приобщается к ценностям политической культуры и не интериоризирует ее нормы. В дальнейшем снижаются шансы молодежи на успешное освоение гражданских и политических ролей, которые бы позволили ей становиться полноценным участником политических отношений.

Наши информанты как из числа структур провластного вовлечения, так и из оппозиционных организаций довольно высоко оценивали самостоятельность молодежи как субъекта политического участия. Даже в тех случаях, когда информанты выражали мнение, что молодежь подвергается манипуляции со стороны более ресурсных социальных групп, отмечалось, что это не более, чем «общие правила политической игры». Согласно таким представлениям, все субъекты политики в борьбе за обретение ресурсами власти, стремятся усилиться при помощи расширения своего влияния на других людей и ослабить тем самым своих противников. Таким образом, подверженность манипуляциям – это аргумент в пользу «неразумности» молодежи, остающийся в структуре общественного сознания как некий стереотип.

Данные исследования говорят, что значительная часть опрошенных активистов общественно-политических организаций находились в подростковом или позднеподростковом возрасте при первичном политическом вовлечении. Их первый опыт взаимодействия с общественно политическими организациями происходил в 13-15 лет. Причем это было характерно именно для провластных организаций или структур пробного молодежного участия: *«С 12 лет я пришла в волонтерство (событийное и социальное), год назад я поняла, что хочу что-то более серьезное, чем волонтер на мероприятиях, так я выбрала Молодую Гвардию»* (Елена Т, МГЕР, 18 лет); *«Когда мне было 14 лет у нас в области была создана система Молодежных избирательных комиссий, тогда я попала в*

территориальную Молодежную избирательную комиссию района (Анастасия А., Молодежная избирательная комиссия, 21 год).

В среде молодых оппозиционеров первичный этап вовлечения несколько отличается от лояльных власти организаций. Во-первых, ему свойственен более индивидуалистический характер. Так, информанты сообщали, что они изначально раздумывали о проблемах, о том, «почему дела в стране идут так плохо», «почему вокруг столько беззакония»? За ответами на эти вопросы они обращались к социальным сетям, пабликам популярных личностей, комментирующих текущую общественно-политическую ситуацию в стране и пр. Проще говоря, они сами формировали поисковый запрос. Дальнейшее самоопределение, как правило, приводило их на мероприятие оппозиции: *«До начала 2017 года совершенно не интересовался политикой, мне было 20 лет. Потом я посмотрел фильм Навального и понял, что хочу что-то предпринять... сходил на митинг и увидел там много достойных людей. Начал ходить в штаб... В течение пары месяцев влился и сейчас принимаю активное участие в местной политической жизни»* (Виктор А., активист штаба Навального, 22 года). Информанты демонстрируют переход от общего невыраженного недовольства, неудовлетворенности и абстрактного поиска несправедливости к предметному нахождению причин этого недовольства и проблем построения справедливого общества.

Во-вторых, нередко первичное вовлечение сопровождалось конфликтом с ближним окружением – родственниками, знакомыми и друзьями. По мере формирования собственной позиции и проявлением «нежелательной» активности, молодые оппозиционеры сталкивались с более или менее выраженным противодействием со стороны ближнего круга. В особенности это касалось отношений с близкими родственниками. Пребывание в разных информационных полях определяет характер напряженности и разницу в оценке ситуации в стране: *«В основном первый раз, в штаб приходили те, кто поссорился с родителями. Как мне разубедить моего отца, как открыть глаза на то, что в телевизоре говорят неправду»?* (Евгений, активист штаба Навального, 22 года). Данное суждение показывает наличие рассогласованности политических

ориентаций и различий в информационных полях, в которых пребывает поколение «отцов и детей».

За первичным вовлечением, как правило, следует этап инициации, то есть своего рода посвящения в организационные дела, знакомство с командой, приобщение к правилам. В связи с тем, что первичное вовлечение активистов происходит в достаточно юном возрасте, то на этом этапе велика роль «культурного взрослого» – своего рода куратора, выполняющего попечительскую функцию. Впрочем, им не всегда становится человек старшего возраста, нередко им выступает просто более опытный сверстник – это мог быть одноклассник, одноклассник, сосед или просто приятель. Нередко, и видимо в этом имеется своего рода особенность общественно-политических организаций, существуют специальные позиции, которые занимаются рекрутингом новичков.

Информанты сообщали, что им зачастую не хватало тех или иных качеств для успешного выполнения поручений, исполнения заданий. В связи с этим на первых порах они получали рутинные и довольно несложные задания. Однако по мере развития навыков и умений, они отмечали, что их деятельность все больше приобретала творческий характер. Дальнейшее становление активистов потребовало от них развитие таких качеств как дисциплинированность, умение публичных выступлений ораторское мастерство.

Итоговым этапом процесса вовлечения активистов в функционирование общественно-политических организаций является профессионализация их деятельности. Она выражается в следующих аспектах. Во-первых, в мотивации построения публичной политической карьеры (в данном случае мы не разграничиваем работу в исполнительных, представительных органах власти или продвижение по карьерной лестнице в политической партии и пр.). Именно эта часть активистов в наибольшей степени заинтересована проявить свои лучшие качества в общественно-политических организациях, зарекомендовать себя, привлечь внимание менторов. Во-вторых, поскольку профессионализация требовала от молодых активистов развития как личных, так и профессиональных навыков, по мере включения в организационную работу, они затрачивали

довольно большой ресурс свободного времени. По мере погружения в организационные вопросы, их волонтерская занятость начинала занимать все больше времени.

Итак, активистский уровень политического участия на современном этапе может быть охарактеризован следующим образом:

1. Наблюдается процесс политизации молодежи, выражающийся в росте интереса к политике и активности в различных формах гражданской и политической деятельности среди определенной ее части. При этом формируется своеобразная общность гражданских политических активистов, пополняющих ряды политических организаций. В качестве одной из возможных причин увеличения потребности в политическом участии может выступать неблагоприятный социально-экономический контекст, влекущий ухудшение социального самочувствия молодежи.

2. К наиболее эффективным институтам политического вовлечения молодежи на современном этапе можно отнести политические партии и их молодежные отделения, пробные каналы политического участия – молодежные парламенты, правительства, общественные палаты, а также оппозиционные структуры протестного участия. Исследование показало, что, с одной стороны, институты политического вовлечения предоставляют некоторые возможности для политического участия молодежи УрФО (самоидентификации части молодежи как политически активной группы, формирования и развития активизма, навыков политической коммуникации), но с другой, они не выполняют своей основной функции социальных лифтов для политической профессионализации молодежи и не обеспечивают ее представительства во властных структурах, тем самым лишают молодежь политической субъектности, возможностей наращивать свое политическое влияние через разные формы участия, а следовательно, не удовлетворяют растущим потребностям молодежи в политическом признании и самовыражении.

3. Среди основных мотивов активного политического участия выделяются содержательные представления о необходимости участия в общественно-

политических делах, потребности в изменении «несправедливой действительности». Заметно ниже влияние таких мотивов как личная заинтересованность и расчет на построение карьеры профессионального политика.

Уровень политического лидерства (политической карьеры).

Анализ высказываний экспертов позволил выявить основные предпосылки политического вовлечения и продвижения на данном уровне политического участия. Наши эксперты, будучи молодыми политиками, сообщили о том каков был их путь политического вовлечения и о том, что с точки зрения их личного опыта оказалось решающим обстоятельством в успешности построения политической карьеры.

Можно выделить несколько основных предпосылок политического продвижения, на которые указали эксперты. Первое – политическая карьера берет свое начало с общественной деятельности и волонтерства: *«У меня все началось с простой общественной работы, которая волей случая была замечена. Я начал политический путь, не обращая внимания ни на какие молодежные институты властные, они для меня как будто бы не существовали. Да, я понимал, что есть такая вещь как «молодежная политика». Но для меня это были просто слова, очень размытые, непонятные и ничего больше. Поэтому я шел на зов тех людей, которые, мне казалось, выражают мои чаяния и готовы отстаивать справедливость»* (Сергей Х., депутат, Тюменская область).

Заметим, что деятельность депутатов, особенно муниципального уровня, напрямую связана со взаимодействием с общественностью. В этом смысле политическая и общественная составляющая работы представителя сложно поддается разделению. А это значит, что и путь от общественника к политику выглядит вполне гармонично.

Второй вариант – партийная работа, деятельность в молодежном крыле партии. Но здесь, как и в первом случае, имеет место целенаправленная деятельность, которая носила осознанный характер: *«Вступил в молодёжное крыло КПРФ, в ленинский комсомол, работал на благо партии и дождался случая,*

случайной подачи со стороны руководства» (Андрей В. депутат, Курганская область).

Как оказалось, фактор случайности успеха продвижения на политическом поприще подчеркивается многими молодыми политиками, что заставляет нас судить о нем как об общей тенденции. Такие обороты как «меня заметили и продвинули», «засветился в нужных кругах», «обратил на себя внимание и мне помогли» встречались во многих интервью. При этом информанты не указывали на то, что они чем-то примечательны или превосходят своих конкурентов. Скорее речь шла о том, что в какой-то момент времени им был придан импульс в карьерном движении и их «продвинули» на определенные позиции.

Тем самым, *фактор случайного вовлечения можно считать практически самодостаточным* основанием для индивидуальной стратегии политической карьеры молодежи. Он может быть противопоставлен осознанному политическому вовлечению, сопровождающемуся комбинацией таких обстоятельств как устойчивый интерес к политике, информированность о деятельности политических организаций, сформированности (хотя бы на базовом уровне) идейно-политических установок. Итогом осознанного политического участия выступает сознательность выбора способов действия.

Для того чтобы оценить возможности социальных институтов по вовлечению молодого поколения, рассмотрим формальный аспект присутствия молодых политиков в органах власти.

Мы проанализировали состав представительных и исполнительных органов власти на доленое соотношение членов государственных и муниципальных органов власти возрастной группы моложе 35 лет (табл. 2.1.6). Тем самым мы ознакомились с количественным представительством молодежи в органах власти, что позволило в самом общем виде рассуждать об эффективности работы социальных лифтов на уровне региональной политики.

Таблица 2.1.6

Доля членов органов государственной власти и органов местного самоуправления моложе 35 лет в регионах УрФО¹⁴², %

	Свердловская обл.	Челябинская обл.	Курганская обл.	Тюменская обл.	ХМАО – Югра	ЯНАО
Представительный орган региона	4	7	0	4	0	5
Высший орган исполнительной власти региона	0	4	11	0	0	10
Представительный орган административного центра региона	22	16	17	3	5	5
Представители в ГД ФС РФ	17	0	0	0	11	0
Представители в СФ ФС РФ	0	0	0	0	0	0

Данные свидетельствуют о том, что наибольшим представительством молодых политиков обладает местный парламент (Городская дума) г. Екатеринбурга. Обращает внимания тот факт, что во всех обследуемых региональных столицах представители молодого поколения присутствуют на управленческих позициях, в отличие от других органов власти. Тем самым, наиболее доступным каналом вхождения в сферу публичного управления для молодых соискателей является избрание на муниципальных выборах является молодежи.

Молодых представителей нет среди членов Совета Федерации, что объясняется спецификой отбора в этот орган власти, когда предпочтение отдается наиболее статусным и опытным региональным политикам. Достичь такого статуса до 35 лет практически невозможным, что делает почти нереалистичным пребывание молодых политиков в верхней палате российского парламента. Критики называют действующий механизм формирования Совета Федерации выходом на «политическую пенсию».

¹⁴² Составлено на основе открытых источников официальных сайтов представительных и исполнительных органов власти. Данные актуальны на 01.02.2021.

В исполнительные органы власти субъектов РФ, где значительны требования к уровню профессиональных навыков, квалификации соискателей и опыту работы, вход молодым кадрам также затруднен. Молодые специалисты объективно уступают в компетенциях при условии конкурсного отбора своим более опытным коллегам, в связи с чем представительство молодежи в исполнительных органах невелико.

Отметим, что обновление политической системы и установление новых форм политических отношений во многом зависит от возможностей омоложения кадрового состава органов власти всех форм и уровней. Некоторые нормативно-правовые инициативы власти в этом направлении демонстрируют консерватизм и препятствуют процессу омоложения. Как пример могут быть рассмотрены изменения, внесенные в закон «Государственной гражданской службе», увеличивающие предельный возраст руководителей подразделений государственной службы¹⁴³. С одной стороны, данное решение выглядит логичным, поскольку учитывает последствия повышения пенсионного возраста для работников. С другой – приводит к косности и геронторкатизму во властных структурах, препятствуя естественному омоложению кадрового состава служащих. Данную норму следует рассматривать как институциональное преимущество, которым обладают более возрастные соискатели должностей государственных гражданских служащих.

Проблемы и риски, характерные для данного уровня участия и отмечаемые нашими экспертами, сопутствуют всей социально-политической системе России на протяжении многих исторических этапах развития. Так, кумовство и протекционизм называются одними из самых распространенных способов продвижения по карьерной лестнице.

Информанты следующими словами описывают эту проблему в нынешних обстоятельствах: *«Так называемое кумовство, я думаю, что все-таки это одна из*

¹⁴³ Федеральный закон от 27.07.2004 N 79-ФЗ (ред. от 24.03.2021) "О государственной гражданской службе Российской Федерации". [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/17f42c485e8e8d802ac75fec2284620800941227/ (дата обращения 27.03.2021)

основных проблем, потому что на какие-то ключевые позиции по итогу все равно попадает кто-то больше по знакомству. Понятно, что есть лифт, который позволяет тебе расти от обычного специалиста до какого-то руководителя среднего звена и еще что-нибудь, но как правило ключевые позиции занимаются все-таки теми, кто ближе к телу, туда попасть, возглавить какую-то общероссийскую организацию маловероятно» (Юрий А., работник исполнительных органов власти, ХМАО).

Подмена личными связями формальных официальных, вызывает серьезные дисфункциональные изменения в системе отбора кандидатов на политико-управленческие позиции. Главная опасность состоит в коррумпировании государственных структур, выстраивании клановых связей, основанных на круговой поруке. Другой риск состоит в депрофессионализации принципов отбора молодых политиков, в результате чего на ведущие управленческие позиции выдвигаются не наиболее способные, а наиболее близкие.

Однако, следует отметить, что далеко не все эксперты воспринимали проблему преобладания личных связей в процессе построения политической карьеры как серьезное препятствие. Имелось довольно распространенное суждение о том, что «настоящий талант» всегда прорвется. *«Я не считаю, что это проблема, потому что если у тебя есть голова на плечах, то даже сидя где-то в регионе, ты можешь, на самом деле, создать что-то крутое, новое, и таких примеров огромное количество, и когда тебя заметит Москва, не будет вариантов назначить в руководители кого-то своего...» (Сергей В., работник исполнительных органов власти, Челябинская область).*

Таким образом, хотя большинство экспертов признавали значимость лично-семейных связей в продвижении по карьерной лестнице, тем не менее настоящие профессиональные качества перевешивают в случае реального отбора кандидатов. Другое дело, что помимо высокой конкурентной среды в системе отбора *появляется фактор неформальных связей, становящийся реальной преградой построения карьерных стратегий политического участия молодежи.* Поэтому существенным обстоятельством становится прозрачность способов,

открытость конкурсного отбора, публичность партийных праймериз и прочих процедур отбора кандидатов в политическое руководство, где всем выдвиженцам предоставляются одинаковые шансы.

Следует уделить внимание одному из главных препятствий в повышении эффективности политического участия молодежи – это *поколенческий конфликт*. Мы обнаружили критическую и весьма однозначную оценку взаимодействия поколений в политике, что стало некоторым сюрпризом: *«Поэтому я считаю, что будущее страны за развитием многопартийности, в этом большую роль сыграет и молодежь, потому что молодежь сегодня, родившаяся, так скажем, уже после 90-х, после развала Советского Союза, – более западнориентированная, воспитанная в несколько иных ценностях, это люди, которые более ориентированы на свободы, на личностные права и менее ориентированы на коллективное какое-то устройство страны»* (Сергей А., депутат муниципального собрания, Челябинская область).

Эксперты повторяют достаточно расхожее мнение об особенностях нынешнего молодого поколения как посткризисного, миновавшего худшие последствия неконтролируемых общественных трансформаций. Однако взаимодействуя с более возрастными когортами в политике молодежь натывается на сложности ценностно-ориентирующего характера. Значение приобретает не столько факт возраста, сколько принадлежность к поколению. И это особенно важно в разрезе ценностей. Отмечается, что поколение, рожденное после распада СССР и потрясений социально-экономических трансформаций 90-х сильно отличается от предшественников: *«Преграды в административном устройстве, в человеческом факторе, потому что у нас сегодня в большинстве регионов у руля люди еще советской формации, люди, которые не особо, так скажем, готовы уходить со своих мест, со своих постов, люди, которые не особо-то видят молодёжь в политике, потому что сегодняшняя вся эта речь о социальных лифтах, о каком то месте молодежи в политике, она по большому счёту исключительно номинальная»* (Иван Ж., депутат, ЯНАО).

Поколенческий разрыв имеет множество проявлений. Первый – водораздел советского и постсоветского, ценностей прошлого, носителями которого является старшее поколение и ценностей настоящего, которые присущи нынешнему молодому поколению. Об этом довольно четко артикулировали почти все информанты. Действующая элита стара и консервативна – это общее место в рассуждениях, причем как представителей провластных сил, так и представителей оппозиции. При этом отношение к советскому прошлому, в восприятии экспертов достаточно мозаично – помимо очевидных недостатков, связанных с устарелостью взглядов, отмечаются несомненные преимущества. Большинство из которых соотносятся с ролью и местом государства в жизни общества, реализацией им функции социальной защиты.

Второй – конкурентные и подчас конфликтные отношения между поколениями. Преградой для молодого политического поколения называется фактор чисто физического преобладания политиков старшего возраста в выборных органах и их нежелание «делиться властью» с молодыми: *«По факту, никто молодежь в большую политику на серьезные реальные должности, где кто-то что-то решает, не пускает. Посмотрите состав Тюменской областной думы, посмотрите состав нашего Законодательного собрания Ямало-Ненецкого автономного округа, посмотрите состав Ханты-Мансийской автономной думы и, при всем моем большом уважении к коллегам опытным, но там вся руководящая верхушка в той же Тюменской областной думе, она уже к 70 годам приближается, и хочешь не хочешь никого обидеть, но они очень далеки, в принципе-то, от молодежной повестки и вообще от молодежи»* (Иван Ж., депутат, ЯНАО).

Преобладание политиков старшего возраста приводит к блокировке процесса смены поколений и омоложения элиты, но есть у этого обстоятельства и еще одно серьезное следствие. *Отсутствие положительного опыта продвижения по каналам мобильности в институтах социализации приводит к депривации политических карьерных ожиданий, при которой происходит блокировка общественной активности.* Попробовав свои силы в пробных каналах

политического участия или политических партиях, испытав разочарования и не получив отдачи, молодые соискатели ищут иных путей реализации потребностей. Для значительной части молодежи, которая хотела бы состояться на общественно-политическом поприще это становится настоящим блокиратором активного поведения. В связи с этим активная молодежь выталкивается за пределы традиционных форм построения политической карьеры и ищет иные пути в реализации своих амбиций. Сегодня основным альтернативным каналом политического участия и одновременно водоразделом поколений выступают интернет-коммуникации.

Для сегодняшней России развитая политическая интернет-коммуникация является еще не сформированной реальностью и охватывает не все социальные группы в равной степени. Преимущественно ее эффективно освоила и применяет в жизненной практике молодежь. Пользовательская активность молодежи в социальных сетях и Интернет в целом – это не случайное явление, а результат своеобразной межпоколенной сегментации. Отсюда берет начало деление поколений по принципу источников информации – «телевизионное поколение» и «поколение интернета». Нашими экспертами отмечается не только факт «ухода политики» в интернет, но и «интернетизация» самой политики: *«Вообще в целом политика, на мой взгляд, переместилась в интернет. И как бы ее ни пытались замораживать, как бы ни пытались каким-то образом ограничивать, но процесс этот уже не остановить. Я считаю, что мы с вами еще при нашей жизни увидим и реформу избирательной системы, при которой больше будет возможностей именно для прямого голосования, для прямых выборов»* (Андрей П., депутат, Свердловская область).

Эксперты видят в этом устойчивый тренд, вызванный объективным развитием технологий, а значит адаптация к нему потребуется от всех субъектов политической жизни.

В целом, характеризуя возможности политического участия молодежи в УрФО, следует выделить следующие моменты.

1. Нарастающая политическая активность молодого поколения. Если еще несколько лет назад в социологической литературе преобладало мнение об аполитичности молодежи, то сегодня на передний план выходит проблема регулирования ее возросшей политической активности. Речь идет именно о том поколении молодежи, которому не так давно применяли эпитеты «поколение Путина», «поколение стабильности», «сытое поколение». Несомненно политизация молодежи является актуальным и нарастающим процессом. Но в то же время следует признать, что она не находит массовых эффективных каналов, которые удовлетворяли бы растущие запросы молодежи и ее интерес к политике как сфере применения своих сил.

2. Просматривается разрыв между поколениями в процессе включения молодежи в деятельность политических институтов. В целом, зафиксировано, что проблема взаимоотношений поколений имеет политический контекст. Сегодня правящая элита представлена не «отцами», а скорее «дедами» российской молодежи. Устарелость взглядов и методов руководства становится непреодолимой преградой для позитивного восприятия молодежью власти и воздействует на способ отношения к политике в целом. Между политическими поколениями существует отчужденность и своеобразный ценностно-смысловой конфликт. Причем этот конфликт не связан с самоопределением в политических взглядах, а носит именно поколенческий характер.

3. Основными причинами, препятствующими политическому участию молодого поколения, согласно оценкам экспертов являются слабая ориентированность государственной молодежной политики на включение молодого поколения в деятельность политических институтов; отсталость современных подходов политической социализации молодежи; неготовность элит воспринимать молодежь равным субъектом политического участия. Кроме этого, указывались и субъективные причины — неготовность молодежи к самостоятельным организованным действиям, нехватка опыта и компетенций, зависимость от случайных обстоятельств политического вовлечения, повышенная конфликтность в отношениях с властью.

4. Принимая во внимание, что сегодня существует два основных канала политического вовлечение молодежи – провластное и оппозиционное, то оба они испытывают кризисные воздействия. Первые в силу инертности, формализма и зависимости от конъюнктуры властных структур и проводимой государственной молодежной политики. Вторые – в силу выстраивания конфликтных взаимоотношений с властью и как следствие выдавливания оппозиционных организаций из легального политического поля. Тем самым следует считать, что институциональные возможности политического участия молодежи в УрФО сокращаются.

2.2. Роль социального самочувствия молодежи в формировании ее политического участия

Чтобы выявить каким образом социальное самочувствие воздействует на политическое участие, обратимся к анализу его основных показателей, полученных в результате исследования политических активистов Уральского федерального округа. Показатели социального самочувствия измерялись нами, во-первых, с помощью количественного опроса провластных и оппозиционных активистов и, во-вторых, на основе качественных интервью с молодыми активистами.

Анализ базовых показателей социального самочувствия политических активистов.

Субъективная оценка удовлетворенности выступает стержневым показателем, отражающим обобщенное индивидуальное самоощущение (табл. 2.2.1).

Таблица 2.2.1

Общая удовлетворенность жизнью, %

Довольны ли Вы своей жизнью в целом?	Политическая активность	
	Активисты-сторонники	Активисты-оппозиционеры
Да	56,2	2,7
Скорее да	30,1	31,5
Скорее нет	7,8	41,8
Нет	2,6	21,2
Затрудняюсь ответить	2,6	2,7
ИТОГО:	100,0	100,0

* Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,656, Вероятность ошибки (значимость): 0,000

Согласно результатам опроса группа активистов-сторонников имеет значительно более высокий индекс удовлетворенности жизнью (+75,9) в сравнении с группой активистов-оппозиционеров (-28,8). Тем самым в плане субъективной удовлетворенности жизнью группы активистов представляют собой *полярные общности*, что следует учитывать в ходе дальнейшего анализа компонентов социального самочувствия.

Для того, чтобы оценить уровень удовлетворенности жизнью политических активистов, типичность их самочувствия, сравним наши данные с данными

опросов, регулярно проводимыми ВЦИОМ ¹⁴⁴. Формулировка вопроса, задаваемого респондентам ВЦИОМ фактически идентична нашему: «Если говорить в целом, то в какой мере Вас устраивает сейчас жизнь, которую Вы ведете»? Содержание и смысл вопросов позволяет с высокой долей аргументированности сопоставлять результаты ответов на них.

Большинство опрошенных россиян (47%) вполне или частично удовлетворены своей жизнью; полностью не удовлетворены 23% респондента; 29% опрошенных удовлетворены частично. Такие показатели можно считать весьма высокими, с учетом факторов нарастания рисков в период пандемии коронавирусной инфекции весной-летом 2020, а также вводимыми властями ограничительными мерами.

Особенности шкалы опроса ВЦИОМ не позволяют нам корректно сравнить индексные значения удовлетворенности, однако очевидно, что мы видим преобладание умеренно позитивных оценок. Отметим, что показатели удовлетворенности жизнью демонстрируют невысокую изменчивость – за последние 5 лет колебания ответов респондентов происходило в интервале незначительной погрешности не превышая 3-5%.

Тем самым можно сказать, что ни одна из групп политических активистов в полной мере не соответствует среднему срезу российского общества по уровню удовлетворенности жизнью. Впрочем, общая оптимистичность, более высокий уровень счастья и удовлетворенности – это отличительные особенности молодежи по сравнению с более возрастными группами. В данном случае активисты-оппозиционеры не разделяют общего позитивного настроения молодежи.

Данные таблицы 2.2.1 показывают, что удовлетворенность жизнью коррелирует с формой политического участия – провластной или оппозиционной (коэффициент Крамера 0,656, значим). Неудовлетворенность ведет к проявлению протестной активности, которую манифестирует оппозиция, за счет чего

¹⁴⁴ Здесь мы ссылаемся на данные опроса общественного мнения ВЦИОМ, проведенного летом 2020 года. Социальные настроения на этапе нормализации. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/soczialnye-nastroeniya-na-etape-normalizaczii> (Дата обращения 01.06.2021). Период проведения опроса совпадает с датами сбора данных нашего исследования политических активистов.

пополняются ее организационные ряды. Напротив, средняя или высокая жизненная удовлетворенность приводит к лояльному отношению действующим институтам власти, желанию, или по крайней мере допущению для себя, участвовать в их функционировании.

Более выраженная связь между общей удовлетворенностью жизнью и формой политической активности просматривается в детализации различных сторон жизнедеятельности молодежи. Составленные нами индексные значения по показателям социального самочувствия позволяют судить о направленности и интенсивности оценок респондентов (табл. 2.2.2.)

Таблица 2.2.2

Удовлетворенность различными аспектами жизни ((1 – совершенно не удовлетворен, 5 – полностью удовлетворен, средний балл (индекс))

Насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены следующими асpekтами Вашей жизни?	Политическая активность		Разница между оценками сторонников и оппозиционеров
	Активисты- сторонники	Активисты- оппозиционеры	
Материальным положением	3,09	2,39	0,70
Состоянием здоровья	3,68	3,10	0,58
Своей работой	3,37	2,91	0,46
Своим образованием	3,69	2,83	0,86
Отношениями с близкими и друзьями	4,26	3,79	0,47
Отношениями с коллегами	4,03	3,64	0,39
Экологической ситуацией	2,78	1,70	1,08

Хотя активисты-сторонники в целом имеют более оптимистичный взгляд на окружающий их мир и личное благополучие в сравнении с оппозиционными активистами, структура оценок параметров самочувствия этих групп имеет сходные черты. В частности, ранговые значения наиболее высоких и наиболее низких показателей социального самочувствия у обеих групп активистов схожие (таблица 2.2.3). Самые высокие ранговые позиции занимают межличностные отношения, срединные – здоровье, образование, работа; низшие – материальное положение и экология. Однако более интересно сопоставить индексы оценок данных параметров активистов-сторонников и активистов-оппозиционеров, сравнивая не сами оценки, а различия между ними (см. 4 графу таблицы 2.2.2). Мы видим, что наибольшие различия в оценках сторонников и оппозиционеров

относятся к тем параметрам, которые в принципе обеими категориями активистов оцениваются низко (материальное положение – 3,09 / 2,39 и экология – 2,78 / 1,70), а во-вторых, не связаны с личностными особенностями и особенностями взаимодействий с ближайшим социальным окружением (как отношения с друзьями, родственниками, коллегами), а выступают результатом институционального регулирования жизнедеятельности: так разница между индексами оценок активистов-сторонников и активистов-оппозиционеров состояния экологии составляет 1,08, своего образования – 0,86, материального положения – 0,70, состояния здоровья – 0,58. То есть основные различия между активистами-сторонниками и активистами-оппозиционерами в социальном самочувствии даже на микроуровне не просто связано в целом с удовлетворенностью жизнью, а избирательно связано с оценкой конкретных «проблемных зон» жизнедеятельности, функционирование которых зависит от регулирования и эффективности функционирования социальных институтов – экономической системы, образования, медицины, управления.

Таблица 2.2.3

Ранговые значения показателей социального самочувствия молодых активистов на микроуровне

Удовлетворенность аспектами жизнедеятельности	Политическая активность	
	Активисты-сторонники	Активисты-оппозиционеры
Отношениями с близкими и друзьями	1	1
Отношениями с коллегами	2	2
Своим образованием	3	5
Состоянием здоровья	4	3
Своей работой	5	4
Материальным положением	6	6
Экологической ситуацией	7	7

Подробнее остановимся на удовлетворенности респондентов экологической ситуацией, поскольку именно данным микропараметром социального самочувствия активисты наименее удовлетворены. Угроза экологической безопасности на сегодня имеет настолько серьезное воздействие на общественное сознание, порождая немало конфликтов на этой почве, что заставляет экспертов

говорить об особом типе экологических конфликтов¹⁴⁵. Экологические конфликты становятся центром сбора многих протестных движений последнего времени. В немалой степени они сопряжены с новыми тенденциями политического участия граждан, в первую очередь, такими как цифровое и сетевое участие¹⁴⁶. Их число постоянно нарастает как в регионально-национальных, так и в глобальных масштабах.

На момент проведения опроса молодых активистов, в регионах Уральского федерального округа разворачивалось несколько резонансных экологических конфликтов – вырубка лесопарка в районе о. Шарташ, строительство горно-обогатительного комбината «Титан» (Свердловская область); полигон ТБО в Полетаево, проблема строительства Томинского ГОКа, защита леса на Захаренко (Челябинская область); разработка урановых месторождений (Курганская область).

Таким образом, экологическая проблематика в конфликтах переплетается с городской повесткой через систему управления и становится элементом политического манифеста. Так, история противостояния в городском сквере Екатеринбурга переросла городскую повестку и стала общероссийской, потребовав внимания федеральных властей¹⁴⁷. Поэтому многие политические активисты в ходе интервью упоминали кейс со сквером в качестве эталонного как с точки зрения типичной городской экопроблемы, так и с точки зрения успеха протестных акций прямого действия. Они указывали на то, что острота и принципиальность конфликта была связана с ощущением «близости проблемы», «того, что вторгаются в непосредственную среду обитания», «отнимают то небольшое, что есть»: *«Наши действия были связаны больше с какой-то точечной застройкой, вырубкой скверов, лесов, как и нынешняя ситуация со сквером у*

¹⁴⁵ Мейсон С., Спиллманн К. Конфликты, связанные с окружающей средой и урегулирование региональных конфликтов. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cawater-info.net/bk/water_law/pdf/mason_spillmann.pdf (дата обращения 20.03.2021).

¹⁴⁶ Гольбрайх В. Б. Экологические конфликты в России и цифровое сетевое участие // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 74-85.

¹⁴⁷ В конфликт вокруг строительства храма в Екатеринбурге вмешался Путин // Ведомости от 12.05.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/05/16/801646-konflikt-vokrug-stroitelstva> (дата обращения: 21.03.2021).

Драмтеатра... Мы подключались, пытались влиять на них, добивались улучшения благоустройства с точки зрения эко-среды». (Юрий, Свердловская область, ЛДПР); «Люди больше начинают интересоваться и оказывать незначительное, но давление на власть. Теми же протестами в сквере. Казалось бы, просто четыре дня люди выходили, но у них получилось отстоять свою точку зрения" (Виктор Р., Тюмень, штаб Навального); «Люди приходили защищать сквер, защищать свое пространство. Они думали: нет, мы этого не должны допустить, мы тут постоянно проводим свободное время, гуляем с семьей, а нас этого хотят лишить...» (Светлана, Свердловская область, региональное отделение партии «Яблоко»).

В связи с этим можно сказать, что опрошенные нами молодые активисты испытывают на себе общий тренд нарастания экологических рисков и, как следствие, снижения удовлетворенности экологической ситуацией.

Макроуровень социального самочувствия молодых активистов представлен комплексом оценок текущей ситуации в стране в различных сферах общественной жизни (таблица 2.2.4)

Таблица 2.2.4

Оценка молодежью дел в стране (1- идут в совершенно неправильном направлении; 5 – идут в совершенно правильном направлении), средний балл (индекс)

Насколько дела в стране сейчас идут в правильном или неправильном направлении? ¹⁴⁸	Политическая активность	
	Активисты-сторонники	Активисты-оппозиционеры
В экономике	2,68	1,27
В политике	3,09	1,23
В социальной сфере	3,00	1,36
В культурной жизни	3,32	1,82

Несмотря на крайний скепсис, просматривающийся в оценках текущей ситуации оппозиционно настроенной молодежи, отметим, что и активисты-

¹⁴⁸ Вопрос сопоставим с инструментарием, используемым Левада-центром: «Дела в стране идут сегодня в целом в правильном направлении, или страна движется по неверному пути?», но конкретизирует его применительно к основным сферам общества – экономике, политике, социальной сфере, культуре. См.: Левада-центр. Оценка текущего положения дел в стране (электр.) URL: <https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/> (дата обращения 20.03.2021).

сторонники власти отнюдь не питают иллюзий относительно состояния дел в стране. Однако, если среди провластных активистов самые низкие оценки получила экономика, то оппозиционные активисты наиболее критично оценивают именно политическую сферу.

Как на микро, так и на макроуровне социального самочувствия неудовлетворенность текущим положением дел транслируется на такой показатель как возможности улучшать условия своего существования в различных сферах жизнедеятельности (Приложение 1, табл. 2.2.5). Данный показатель сочетает две взаимосвязанные вещи – с одной стороны оценку текущей ситуации, применительно к своей собственной жизни, а с другой – вероятностное развитие событий в будущем.

Оценки активистов своих возможностей отражают тенденцию, аналогичную показателям их удовлетворенности различными сторонами жизнедеятельности: при более низких значениях показателей среди оппозиционно настроенных активистов в сравнении с провластными, рейтинг для обеих групп активистов совпадает.

Активисты-сторонники ниже всего оценивают возможности создания собственного бизнеса. Ограничения, связанные с прозрачностью ведения бизнеса и случаями бюрократического давления на бизнесменов, широко известны. Они часто становятся темами повестки на различных форумах, организованных правительственными структурами. Для решения данной проблемы создаются такие институты как уполномоченный по защите прав предпринимателей, функционируют структуры Союза предпринимателей России. Однако, очевидно их влияния не хватает для противостояния негативным тенденциям, препятствующим свободной организации бизнеса.

Обе группы активистов сравнительно высоко оценивают возможность поддерживать здоровье и вести здоровый образ жизни. Для молодежи вопросы обеспечения здоровья имеют иные свойства, чем для старшего поколения. Если для пожилых людей поддержание здоровья обеспечивается, как правило, за счет

высокого качества услуг системы здравоохранения, то для молодежи это вопрос активного здорового образа жизни и профилактики заболеваний.

Тем самым более высокие оценки этой составляющей жизнедеятельности молодежи говорят о большей доступности спортивной инфраструктуры. По всей видимости в этом направлении сделаны позитивные шаги, позволившие изменить отношение молодежи к здоровьесберегающей жизненной стратегии. Исследования наших коллег из УрФУ (Д. Ю. Нархова и Ю. Р. Вишневого) как раз фиксируют данную тенденцию. За последние годы значительно выросла популярность здорового образа жизни, а вместе с этим вырос и процент молодежи, постоянно занимающейся спортом и делающей выбор в пользу ведения здорового образа жизни¹⁴⁹.

Доступ к информации в информационном обществе ключевой показатель возможностей субъектов действия, в том числе в политике. В ходе глубинных интервью информанты неоднократно отмечали, что свобода доступа к информации, возможность делиться и самим формировать повестку, используя собственные ресурсы, является одним из важнейших обстоятельств их политической активности. Страницы социальных сетей, сайты, дают возможность напрямую обращаться к своей аудитории, искать поддержку среди сторонников, наращивать влияние: *«Сейчас те же 15-16-летние школьники смотрят дебаты, изучают программы партий... Даже если они выбирают поддержку действующей власти, это выбор, к которому нынешние подростки пришли осознанно, исходя из информации, которую они выбирали в интернете»* (Андрей, обком КПРФ, Челябинская область); *«Так что только по интернету я вышла на его блог (Навального), потом, когда блог заблокировали, вышла на сайт, а потом на его канал»* (Виктория, штаб Навального, Курганская область).

Однако, если еще не так давно Интернет казался сферой «полной свободы», то в последние годы он становится объектом нарастающего нормативного

¹⁴⁹ Нархов Д.Ю., Вишневский Ю. Р., Добрынин И. М., Нархова Е. Н. Здоровый образ жизни в представлениях городской молодежи Среднего Урала сквозь призму социальной безопасности // Теория и практика физической культуры. 2018. №1(69). С 31-39.

регламентирования со стороны государства. Ограничения, связанные с распространением информации в интернете проходят по двум линиям. С одной стороны, органами исполнительной власти преследуется распространение нежелательной информации в Интернете через социальные сети, ужесточается ведомственный контроль, закрываются сайты, применяются штрафные санкции к распространителям контента.

С другой стороны, органы законодательной власти проводят изменения в законодательство РФ, связанные с ограничением свободы в интернете, допускающие меры дополнительного контроля граждан в Сети интернет. Политически мотивированными решения властей выглядят из-за того, что ограничения, в основном касаются сайтов оппозиции, а также распространяемого критического контента в отношении должностных лиц. Например, с использованием ст. 282 УК РФ по признаку «принадлежность к социальной группе» могут привлечь к ответственности тех, кто некомплементарно высказался в адрес чиновников, сотрудников, депутатов. В связи с этим создаются вполне реальные риски для тех, кто критикует власть в виртуальном пространстве.

Но следует учитывать, что зачастую протестность вызывается именно негативно складывающимся фоном, вызывающим отрицательные эмоции, появлением страхов утраты ценностей или невозможности удовлетворять потребности. Вполне закономерно, что активисты-оппозиционеры ниже всего оценивают возможность защищать свои права, обеспечивать правовую защиту. Мы допускаем, что это прямо связано с тем, в каких формах им приходится вести свою деятельность. Конкурентная, подчас конфликтная среда взаимоотношений с органами власти делает активистов-оппозиционеров уязвимыми для всевозможных преследований и давления со стороны властей.

Таким образом, среди показателей социального самочувствия на микроуровне, имеющих отношение к разделению активистов по формам политического участия (на провластную и оппозиционную) наибольшее значение имеют оценки «проблемных зон» жизнедеятельности, состояние которых зависит от эффективности функционирования социальных институтов (это материальное

положение, экология, образование, состояние здоровья). Они образуют объективную сторону социального самочувствия российской молодежи и составляют систему оценок возможностей, предоставляемых социальной средой.

Социальное самочувствие активистов взаимодействует с ценностно-смысловой стороной их политического участия.

Идейно-смысловые аспекты взаимосвязи социального самочувствия и политического участия молодежи.

Идейно-политическая идентификация имеет важное значение в становлении гражданской субъектности индивидов. Символически она выступает ориентиром, позволяющим конкретному индивиду сопоставлять себя с определенными идейно-политическими течениями, тем самым ориентируясь в политическом процессе. Молодым активистам предлагалось определить свою политическую позицию на основе спектра идеологий, представляющих наиболее устоявшиеся в общественном сознании идейно-политические течения (Приложение 1, табл. 2.2.6).

Характеризуя в целом идейно-политический спектр молодых активистов следует обратить внимание на следующие аспекты.

Результаты показывают, что значительная часть молодых активистов не придерживаются каких-либо определенных политических взглядов (33%) и не могут себя идентифицировать с конкретной идеологией. Особенно это характерно для активистов – сторонников власти (40%). Среди последних также существенна доля затрудняющихся дать определенный ответ на вопрос (17%). Среди оппозиционных активистов таких значительно меньше. Большинство активистов-оппозиционеров разделяют либеральные или либертарианские взгляды (51%). Социал-демократическая идеология более популярна среди провластно настроенной молодежи, а анархизм – среди оппозиционно настроенной.

Если активисты-оппозиционеры преимущественно придерживаются либеральных взглядов, то среди активистов-сторонников выраженной приверженности идейно-политическим доктринам не просматривается. Это не случайное явление, поскольку политическая идентификация отражает

определенную сторону политического участия. Очевидно, что для оппозиционеров либеральная концепция выступает той основой, с которой осуществляется критика действующей власти. Отсутствие определенности в идейных позициях активистов-сторонников может свидетельствовать как о размытости политических ориентаций, так и о низком влиянии идеологических концепций на их практическую деятельность. Учитывая, что основной целью политической социализации является формирование идейно-политических ориентаций, можно сделать вывод о том, что у провластных активистов она состоялась не в полной мере. В свою очередь, опыт политического участия активистов-оппозиционеров способствует более последовательной политической социализации. Об этом свидетельствует сформированность их идейно-политических ориентаций.

Для уточнения особенностей идейно-политической самоидентификации активистов обратимся к данным глубинных интервью. Информанты, объясняя отсутствие четких идейных установок указывали на два аргумента.

Во-первых, сама власть устроена так, что в ней отсутствуют устойчивые идеологемы, она идейно нейтральна: *«Я придерживаюсь взглядов, направления мышления Единой России – партии, просто потому что оно максимально универсальное и направлено в первую очередь на человека как гражданина Российской Федерации и защиту его прав»* (Екатерина, МГЕР, Тюменская область); *«По большей части я придерживаюсь идеологии партии. Потому что партия — это конкретные поступки, из которых и складывается идеология»* (Андрей, обком КПРФ, Челябинская область).

Простота такой трактовки довольно условна, ведь за ней стоит определенное бюрократическое начало, выраженное в готовности подчиниться организационной дисциплине и целесообразности. Это приводит к оправданию ситуативного политического управления. Сегодня может быть принято решение, отражающее комплекс одних ценностей (например, либеральных), а завтра других – консервативных. Но в то же время просматривается и установка на конформизм,

связанная с отказом признавать себя носителем каких-то личных взглядов и устойчивых ценностей.

Во-вторых, информанты не видят влияния идеологии на реальный политический курс. Идеологические различия во многом условны и служат маркерами для воспроизводства клише «свой» - «чужой»:

«Честно, не скажу, что могу к кому-то себя причислить. Это все условности. Правые и левые всегда находятся в оттенках серого. Не могу себя к кому-то из них отнести» (Сергей Н., региональное отделение партии «Яблоко»). На деле же ситуация в политике много сложнее. Цель субъекта политического участия как раз и состоит в том, чтобы научиться разбираться в этих проблемах находить свое место в них.

Впрочем, активисты-оппозиционеры нередко сообщали о том, что идейные установки оказали влияние на их политическое участие: *«Поизучав некоторые политические направления, я понял, что мне близка коммунистическая идеология и поэтому я вступил в коммунистическую организацию»* (Сергей, КПРФ, Курганская область).

Важность политической самоидентификации подчеркивается тем, что в них содержатся идеологемы с четкими концептуальными призывами, соотносящимися как с личным благосостоянием, так и общественными проблемами бедности и неравенства. Наличие комплекса допустимых средств делают идеологии всесторонними политическими программами, направленными на решение проблем, имеющих политические предпосылки: *«В нашем веке уже не должно стоять проблемы бедности. Если это происходит, то в чьих-то интересах, в интересах сверхбогатых. В стране нашего уровня развития тоже не должно стоять такой проблемы, у человека должен быть достойный минимум, а если он хочет идти дальше развиваться, то это его право»* (Виктория Р., штаб Навального, Свердловская область).

Вскрылась также весьма низкая популярность радикальных политических воззрений. Это стало своего рода открытием, поскольку молодежный радикализм воспринимается чуть ли ни как аксиома¹⁵⁰.

Согласно нашим данным как левые, так и правые радикальные взгляды крайне неактуальны среди молодых активистов обеих групп (см. Приложение 1, табл. 2.2.6). Вероятнее всего следует учесть, что молодые активисты так или иначе встроены в политический процесс и считают себя его частью.

Проблема несформированности политической самоидентификации связана с отсутствием четкого образа социального будущего, выраженного в социальных идеалах. В нем аккумулируются ценностно-смысловые и содержательные представления о целях развития общества (Приложение 1, табл. 2.2.7).

Приоритетной ценностной установкой для молодежи является общество высокого благосостояния. В данном аспекте обе группы активистов проявили значительное единодушие: основа идеала общественного развития им видится в высоком уровне жизни и высокотехнологичном производстве. Это свидетельствует об общих для обеих групп элементах системы ценностей и ориентаций на высокие стандарты материальной жизни. Здесь политически активная молодежь демонстрирует портретное сходство с молодым поколением в целом.

Наши исследования учащейся и работающей молодежи шести российских регионов показывают почти полное сходство доминирующей триады ценностей. Первое место также занимает общество высокого благосостояния – 66,4 % (работающие) и 64,9 % (учащиеся). Следом идут варианты «общество, ориентированное на развитие высоких технологий» – 41,8 (работающие), 45% (учащиеся) и «общество с развитой рыночной экономикой» – 39,5 %

¹⁵⁰ См.: Лощаков Д. Г. Радикализация молодежи в современном российском обществе и ее факторы // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 6. С. 35-39; Опалев А. В. Причины радикализма в молодежной среде современного российского общества // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 6. С. 31-34; Примаков В. Л. Основные направления и способы профилактики молодежного экстремизма в России: социально-коммуникационный аспект // Вестник МГЛУ. Общественные науки. Вып. 3. (787). 2017. С. 205-218; Сериков А. В., Венцель С. В. Опыт противодействия молодежному экстремизму в Германии, США и Великобритании: сравнительный анализ // Философия права. 2017. № 4 (83). С. 43-48; Шиповская В.В., Гусейнов А.Ш. Психологические факторы риска экстремистской активности личности в молодежной среде // Гуманизация образования. 2019. № 5. С. 180-195.

(работающие) и 33,7 % (учащиеся)¹⁵¹. Основная причина единства взглядов на общественный идеал состоит в том, что у молодого поколения вполне сформированы ориентиры на высокое благосостояние (как общественное, так и личное), культура консьюмеризма и связанные с ней потребительские практики. Данное обстоятельство находится вне рамок политических или социальных различий молодежи, оно является ее общностным признаком.

Культура консьюмеризма вызывает настороженность и опасения ученых-обществоведов. Серьезная критика ее применительно к молодому поколению касается не столько рисков растущих потребительских запросов, сколько особенностей проявления потребительских практик, сформировавшихся на российской культурной почве, отличающихся стремлением к престижному показному потреблению¹⁵². Такие практики, используются элитными группами в качестве маркеров принадлежности, но усваиваются прежде всего молодежью как стандарты и включаются в ее жизненный мир. Те молодежные группы, которые оказываются за бортом показного потребления подвергаются опасности духовно-нравственного «выгорания», рискуют стать неуспешными, выпав из общего тренда. Таким образом, культура потребления, ставшая общим местом сборки современного молодого поколения, таит в себе дополнительные риски и угрозы.

Варианты ответов на вопрос об идеале общественного устройства образуют несколько смысловых блоков ценностей молодых активистов: «высокое благосостояние»; «либерально-рыночные ценности»; «этатизм и традиционализм»; «равенство и справедливость» (таблица 2.2.8).

Смысловому блоку «высокое благосостояние» соответствуют варианты ответов «общество с высоким уровнем жизни» и «общество, ориентированное на развитие высоких технологий». Просматривается устойчивая связь между ними, выраженная в том, что 3/4 респондентов, выбравших вариант «общество с

¹⁵¹ Дидковская Я. В., Вишневецкий Ю. Р., Трынов Д.В. Студенчество индустриальных регионов России: социальное самочувствие и образ будущего (на примере свердловской области и пермского края // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2020. № 1. С. 8-24.

¹⁵² Коршунова С. А., Сущин А. А. Особенности формирования культуры потребления в российском обществе // Проблемы социальных и гуманитарных наук. Выпуск № 2 (19). 2019. С. 154-158.

высоким уровнем жизни», в качестве второго варианта выбирали «общество, ориентированное на развитие высоких технологий». Данное обстоятельство выглядит логично, так как подразумевает развитый технологический уклад в качестве условия высокого общественного благосостояния.

Смысловой блок «либерально-рыночных» ценностей включал варианты ответов «общество эффективной рыночной экономики», «гуманистическое общество», «толерантное общество, терпимое к меньшинствам». Данный смысловой блок в значительной степени отражает комплекс либеральных ценностей как в экономической, так и общественно-политической сфере.

Смысловой блок ценностей «этатизм и традиционализм» включает варианты ответов «общество с сильной государственной властью» и «общество, где высоко ценят традиции». Данные комплексы ответов отражают запрос на увеличение роли государства в общественной жизни, а также ориентацию на традиции как основу общественного уклада.

Смысловой блок ценностей «равенство и справедливость» представлен одноименным вариантом. Замысел состоял в том, чтобы выяснить устойчивость запроса на справедливость у молодых активистов в привязке к категории «равенства».

Таблица 2.2.8

Структура ценностей, лежащих в основе идеала общественного развития, в долях от общего количества ответов*

Ценностные структуры	Активисты-сторонники	Активисты-оппозиционеры
Высокое благосостояние	0,35	0,43
Либерально-рыночные	0,23	0,41
Этатизм и консерватизм	0,27	0,06
Эгалитаризм	0,15	0,10

Доминирующие блоки ценностей формируют «образ желаемого социального будущего» молодежи, который согласно нашей концепции

* Индекс рассчитан: весь массив ответов, данных каждой группой респондентов был принят за 1. Соответственно от целого рассчитывалась доля, которая приходилась на каждый смысловой блок ответов.

исследования является важнейшим элементом в механизме воздействия социального самочувствия на политическое участие, поскольку, вкупе с ожиданиями может выступать в качестве целей и мотивировать политическую активность групп молодежи.

Вновь мы констатируем однородность ценностных ориентаций, просматривающийся у группы активистов-оппозиционеров. Их образ желаемого социального будущего концентрируется вокруг установок на «высокое благосостояние» и «либерально-рыночных» ценностей. Установки же активистов-сторонников в значительной степени размыты. Обращает на себя внимание, что в структуре ценностей провластных активистов удельный вес блока «либерально-рыночных» ориентаций примерно равен удельному весу блока «консерватизм и этатизм». Это говорит о примерно равной представленности этих взглядов в группе сторонников власти. При кажущейся противоречивости оно объясняется тем, что провластные активисты не являются идейно консолидированной общностью, они неоднородны в своих взглядах, их объединяют не столько цели политического участия, сколько наиболее эффективные способы достижения влияния.

Серьезные различия в идеальном образе общественного устройства касаются значения и роли государства. Активисты-сторонники тяготеют к этатистским воззрениям («сильная государственная власть», «общество, с которым считаются другие страны»). Государство представляется им гарантом достижения общественного блага и в силу этого обладает самой высокой ценностью. Ряд элементов идеала общественного развития активистов-оппозиционеров («гуманистическое общество», «толерантное общество», «терпимое к меньшинствам») указывает на их приверженность либеральным воззрениям, а их идеалы тяготеют к ценностям, которые ассоциируются с западной цивилизацией (индивидуализм, права и свободы человека, рыночная экономика, толерантность и пр.).

Относительно выражен эгалитаристский образ социального будущего. Он находит больше поддержки у провластных активистов. Один из семи ответов

активистов-сторонников и один из девяти оппозиционеров, указали равенство и справедливость в качестве значимого ориентира общественного развития. У активистов-оппозиционеров менее значим запрос на общество равенства и справедливости в силу того, что эгалитаристские установки не согласуются с их доминирующими ориентациями на либеральные ценности.

При этом проблематика справедливости устройства российского общества является актуальным для молодежи в целом. Об этом, в частности, говорят результаты исследования наших московских коллег, показавших, что молодежь не считает современное российское общество справедливым. В то же время надежды на достижение справедливости связываются в основном, с государством¹⁵³. При этом постепенно в молодежном сознании изживается мысль о том, что общественная справедливость исключительно связана с материальным равенством. На первый план выходит ценностная модель, согласно которой справедливость означает открытые возможности для изменения своего социально-экономического статуса. Поэтому даже в обществах, достаточно сильно дифференцированных по доходам населения, должны функционировать эффективные компенсаторные механизмы, к которым молодежь относит равные возможности продвижения по карьерной лестнице; возможность зарабатывать больше, если больше трудишься; возможность заняться предпринимательской деятельностью и т.д., которые и обеспечивают социальную справедливость¹⁵⁴.

Таким образом, следует заметить, что у молодежи в целом, как и у активистов политических организаций имеется высокий запрос на социальную справедливость, который, однако, не связан напрямую с уравнительностью имущественного характера. При наличии достаточно эффективных социальных лифтов противоречия социально-экономического порядка в обществе могут сглаживаться и приводить к справедливости.

¹⁵³ Касамара В. А., Максименкова М. С., Сорокина А. А. Справедливость в представлениях российской студенческой молодежи // Общественные науки и современность. 2020. № 4. С. 20-30.

¹⁵⁴ Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю. Какое общество является справедливым: мнение свердловских студентов // Социологические исследования. 2017. № 5 (397). С. 35-46.

Представления об общественном идеале связаны с двумя элементами социального самочувствия. Первый – план действий, то есть те конкретные шаги, которые должны быть предприняты общественными силами и государством в достижении поставленных целей. Второй – ожидания развития событий в будущем, носящие характер устойчивых трендов.

План действий связан с социальным самочувствием, поскольку призван определенным способом решить наболевшие проблемы, тревожащие молодежь. Причем сделано это должно быть при помощи тех мер, которые считаются приемлемыми и эффективными.

Говоря о шагах, которые нужно предпринять по достижению целей общественного развития, активисты-оппозиционеры указывают систематическую смену власти (об этом сообщил 87% опрошенных); повышение законности и ответственности власти перед обществом (82 % ответивших) и увеличение выборных должностей (51% ответивших). Спектр предлагаемых ими мер указывают на необходимость увеличения влияния граждан на политические процессы и расширение институтов политического участия. Происходит это на фоне ощущения невозможности повлиять на власть и как следствие на окружающую действительность. Их общий посыл состоит в том, чтобы повысить подконтрольность власти обществу через политическое участие граждан.

Для активистов-сторонников на первом плане оказались такие меры как повышение законности власти (68%); укрепление государственной вертикали власти (39%) и проведение четкой линии на огосударствление крупных предприятий (27%). Усиление легитимности власти, с опорой на конституционные нормы. Оценивая в целом полученные установки активистов-сторонников власти отметим их патерналистский характер. Все меры обращены к государственной власти, трансформации и усилению ее роли в политических процессах. Потребность в активизации политического участия граждан почти не проявилась в ответах провластных активистов.

Проективные компоненты социального самочувствия политически активной молодежи.

Как идеалы, так и ожидания обладают общей особенностью – они устремлены в будущее и образуют проективный компонент социального самочувствия. Если общественный идеал – это образ желаемого будущего, то социальные ожидания включают проекцию оценок текущих событий, их наиболее устойчивые тенденции. Вызревают эти тренды в настоящем, потому требуют от современных людей понимания объективных процессов окружающего мира.

На основе таблицы 2.2.9. мы составили индекс ожиданий респондентов, который представляется как разница суммы 6 основных позитивов и 6 основных негативов*.

У провластных активистов рейтинг оказался в положительной зоне +0,48 (18,26 - 17,78). В их оценках преобладает умеренность, усредненность, а негативные и позитивные сценарии развития событий видятся им примерно равновероятными. Это также сообщает нам о том, что провластные активисты в принципе не видят выраженных тенденций общественного развития. Интенсивность ожиданий, то есть разница между средними баллами по наиболее высоко оцениваемому событию (успехи России в науке, искусстве, культуре – 3,44) и наиболее низко оцениваемому событию (укрепление рубля – 2,72) составила всего 0,72 пункта. При этом интегративная оценка все-таки находится в зоне положительных ожиданий (то есть оба события относятся к позитиву).

Невыраженность оценок развития событий является естественным продолжением неопределенности идейно-политических убеждений активистов-сторонников. Прослеживается дезориентированность в прогнозах, не позволяющая построить систему координат и препятствующая конструированию образа будущего.

Протестная молодежь имеет гораздо более выраженный образ ожидаемого будущего: ее суммарный индекс ожиданий находится в отрицательной зоне -14,9 (10,66 - 25,56). Это свидетельствует о пессимистических ожиданиях, которые накладывают отпечаток на образ мыслей и характер действий.

* Сумма средних баллов полученным по ожидаемым позитивным событиям минус сумма средних оценок, полученным по ожидаемым негативным событиям.

Таблица 2.2.9

Оценка вероятности наступления позитивных или негативных событий в будущем (1 – наименее вероятное, 5 – наиболее вероятное), средний балл (индекс)

Оцените вероятность наступления позитивных или негативных событий в ближайшем будущем	Политическая активность	
	Активисты-сторонники	Активисты-оппозиционеры
Позитивные сценарии развития событий в будущем		
Экономический рост	2,87	1,45
Укрепление рубля	2,72	1,63
Формирование социального консенсуса	2,93	2,04
Успехи России в науке, искусстве, культуре	3,44	2,24
Успехи в укреплении правовых основ государства	3,07	1,63
Развитие наукоемких отраслей экономики, создание рабочих мест	3,23	1,67
Негативные сценарии развития событий в будущем		
Экономический спад	2,93	4,30
Ускорение темпов инфляции	2,95	3,99
Нарастание конфликтов в обществе	3,07	4,10
Изоляция России на внешнеполитической арене	3,14	4,34
Ограничение прав и свобод граждан	2,85	4,55
Нарастание безработицы, снижение благосостояния граждан	2,89	4,28

Они являются проекцией негативных оценок текущего состояния общества, его основных сфер сообразно своим убеждениям (см. табл. 2.2.4), поскольку представления о будущем во многом базируются на оценке настоящего. Интенсивность ожиданий оппозиционных активистов составила 3,1 (наиболее ожидаемо ограничение прав и свобод граждан – 4,55; наименее ожидаем экономический рост – 1,45). Значительное отрицательное напряжение в отношении социального будущего воздействует на настроения и выбор таких

стратегий политического участия, которые были бы нацелены на изменение существующей ситуации и предотвращения негативного сценария будущего.

Как наименее вероятным сценарием активистам-сторонникам видятся улучшения в экономике («укрепление рубля» и «экономический рост»). Но все же обращает на себя внимание тот факт, что ни одно из позитивных событий не превысило в оценках респондентов среднего значения в 3,5. Даже весьма обтекаемая формулировка, вроде «успехи России в науке, искусстве, культуре» не превысило этого значения (3,44).

С момента проведения опроса активистов в 2019 году прошло время, позволившее нам оценить, насколько те или иные тенденции, отмечаемые респондентами, окрепли, набрали динамизм или наоборот ослабли.

1. В политической сфере ключевым событием стало всенародное голосование по внесению поправок в текст Конституции России. Данные поправки позволят В. В. Путину «обнулить» сроки пребывания в должности главы государства, и претендовать на пост президента России после 2024 года. Тем самым укрепление вертикали и несменяемости верховной власти стало реальностью.

Другой реальностью стало ужесточение мер по преследованию оппозиции и инакомыслия как такового. Мы уже упоминали ограничения, коснувшиеся сети Интернет в России. Помимо этого, в 2021 году был создан юридический механизм ликвидации несистемных оппозиционных организаций, применение которого, в конечном итоге, привело к упразднению таких зарегистрированных и незарегистрированных организаций как ФБК, Открытая Россия. Другим инструментом борьбы с оппозицией и независимыми СМИ стало применение нормы о внесении в реестр иноагентов и нежелательных организаций. В него к 2021 году были внесены такие независимые СМИ как «Медуза», «The insider», «Дождь», «Важные истории». «Проект», был объявлен «нежелательной организацией» и закрыт.

В 2021 году в избирательное законодательство введены понятия «кандидат, являющийся физическим лицом, выполняющим функции иностранного агента» и

«кандидат, аффилированный с выполняющим функции иностранного агента лицом»*. Поскольку никакого юридического механизма выхода из статуса иноагента (а также его оспаривания) не предусмотрено законодательством РФ, то стоит признать эту меру стигматизирующей оппозиционных кандидатов. Таким образом, причисление к нежелательным организациям и иноагентом стало в последние годы инструментом политической борьбы.

Все эти меры совокупно привели к зачистке политического поля, сокращению возможностей политического участия и снижению политической конкуренции как таковой.

2. В экономике и производстве нарастают кризисные явления. В первую очередь они касаются снижения реальных доходов населения и роста цен на товары и услуги. Реальные доходы граждан РФ к 2021 году снижаются восьмой год подряд. По сравнению с докризисным 2013 годом россияне обеднели примерно на 10%. В российских условиях сохраняется один парадокс: многолетний спад доходов сопровождается таким же длительным периодом роста реальных заработных плат. Так, по итогам 2020 года средняя номинальная зарплата в РФ составила 49,4 тыс. руб., увеличившись на 5,5%. В реальном выражении рост составил 2,2%. Причины такой динамики доходов связаны с отсутствием роста в экономике и проведением жесткой бюджетной политики. В то время как для обеспечения устойчивого роста реальных доходов на уровне 1–2% в год, экономика должна расти темпами не менее 3–3,5%.

Ситуация в промышленности сопровождается, с одной стороны, устойчивым трендом роста мировых цен на сырье, и вместе с ними выручки сырьевых компаний; с другой – крупными провалами высокотехнологичных компаний, в том числе государственных. Наиболее заметными и резонансными стали неудачи Роскосмоса, повлекшие за собой материальные и имиджевые потери для России. Одновременно научный и производственный центр, в 2020

* Такие кандидаты обязаны указывать свой статус в заявлении о согласии баллотироваться, в подписном листе и в агитационных материалах. Информация о связи кандидата с иноагентом должна занимать не менее 15% площади его агитационных материалов и быть размещена на информационном стенде избирательной комиссии и в избирательном бюллетене.

году, смог выполнить лишь наполовину свою полетную программу, совершив 16 запусков ракетополетов¹⁵⁵. Впервые за всю историю существования по этому показателю ее обошла частная компания SpaceX, совершившая 25 успешных запусков.

3. В социальной сфере отметим рост напряжения на фоне ряда негативных тенденций. Продолжается углубление имущественного неравенства, ставшего одной из основных тенденций 21 века. Разрыв в доходах между богатыми и бедными слоями общества создает ситуацию присутствия в разных мирах. По оценкам экспертов, Россия относится к группе стран с умеренно высоким неравенством по доходам (выше среднего уровня ОЭСР), а с учетом дооценки доходов самого богатого верхнего дециля на основе данных по богатству и налоговой статистике она становится одним из мировых лидеров по неравенству¹⁵⁶. Социологи и экономисты подчеркивают специфику российской ситуации, которая усугубляется недооценкой правительством негативного влияния неравенства на экономику и социальную сферу¹⁵⁷. Темпы углубления разрыва в доходах населения в период пандемии снизились, однако нет сомнения в том, что по мере возвращения ситуации в обычное русло, продолжит нарастать и имущественное неравенство.

Распространения пандемии коронавируса и мер, предпринятых властями по ее ликвидации. Высокий уровень массового недоверия к мерам противодействующим заболеваемости ковид-19. Согласно опросам общественного мнения к лету 2021 года больше половины россиян (58%) так или иначе не поддерживают обязательную вакцинацию от коронавируса. При этом больше трети (39%) совершенно не поддерживают. 38% россиян так или иначе поддерживают обязательную вакцинацию. Причем важно отметить, что именно молодежь стала той социальной группой, которая в наименьшей степени

¹⁵⁵ "Роскосмос" в 2020 году выполнил вдвое меньше пусков, чем планировал. Агентство «Интерфакс». <https://www.interfax.ru/russia/743425>

¹⁵⁶ Салмина А. А. Высокое ли экономическое неравенство в России? Вопросы измерения, показатели и их оценки // Мир России. 2021. № 3. С. 78-99.

¹⁵⁷ Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016 // The Journal of Economic Inequality. 2018. Vol. 16. № 2, pp. 189–223.

поддерживает идею вакцинации. Наименьшей поддержкой эта идея пользуется среди респондентов 25-39 лет: лишь 26% поддерживают, 72% – не поддерживают¹⁵⁸. Поляризация мнений относительно эффективности отечественной вакцины и необходимости прививочной кампании как таковой, привела к стихийному возникновению групп, открыто бойкотирующих вакцинацию. Тем самым поддерживается высокий градус общественной дискуссии и раскола по поводу мер противодействия распространению инфекции Ковид-19.

Таким образом ряд тенденций, отражающиеся в социальных страхах нашли проявления на фоне последних событиях. Обозначенные нами тенденции, частично давно укоренившиеся, частично проявившиеся в последние годы, нашли отражение в ожиданиях и тревогах политически активной молодежи.

Проблема контуров ожиданий будущих событий активистов состоит не столько в том, что нынешняя ситуация в политике и экономике характеризуется кризисными явлениями, а в том, *что вероятность их преодоления в будущем кажется им маловероятной*. Это создает ощущение безысходности, внутреннего напряжения и неудовлетворенности возможными притязаниями как материального, так и духовного характера.

Уверенность в завтрашнем дне – это также проективный элемент социального самочувствия, в котором переплетаются как чувственно-эмоциональные (надежды, мечты, желания), так и когнитивные (оценки, прогнозы) основания.

Уверенность в завтрашнем дне провластных активистов можно объяснить идеологической детерминантой, в рамках которой происходит их включение в политику (таблица 2.2.10). В значительно большей степени на них воздействует агитационная работа со стороны власти, нацеленная на создание позитивного образа будущего. Напротив, критическое восприятие власти оппозиционными

¹⁵⁸ Коронавирус, прививки и обязательная вакцинация. Данные опроса общественного мнения Левада-центра от 05.07.2021. <https://www.levada.ru/2021/07/05/koronavirus-privivki-i-obyazatel'naya-vaktsinatsiya/>

активистами, блокирует позитивный образ будущего, который власть пытается транслировать для молодежи.

Таблица 2.2.10

Степень уверенности в завтрашнем дне, в %

Чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?	Политическая активность	
	Активисты-сторонники	Активисты-оппозиционеры
Да	41,5	1,4
Скорее да	38,2	13,7
Затрудняюсь ответить	3,9	3,4
Нет	7,2	48,6
Скорее нет	9,2	32,9
ИТОГО	100,0	100,0

* Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,681, Вероятность ошибки (значимость): 0,000

Основная функция ожиданий в структуре социального самочувствия состоит в том, что на их основе индивиды строят жизненные планы. Причем молодежь как социально-демографическая группа отличается именно тем, что ее горизонт планирования может быть значительно шире, чем у более возрастных групп, поскольку включает в себя всевозможные жизненные стратегии и различные перспективы.

Оценивая возможности планировать свою жизнь в современных российских условиях, политические активисты демонстрируют различия в подходах (таблица 2.2.11).

Таблица 2.2.11

Как Вы считаете, что в наше время мешает молодежи планировать свое будущее?

Как Вы считаете, что в наше время мешает молодежи планировать свое будущее?	Политическая активность	
	Активисты-сторонники	Активисты-оппозиционеры
Ничего не мешает, молодежь строит долгосрочные планы	17,2	0,7
Отсутствие опыта и навыков планирования	25,8	9,7
Значительная неопределенность, изменчивость ситуации	39,1	34,5
Негативный сценарий будущего	11,3	54,5
Затрудняюсь ответить	6,6	0,7
ИТОГО:	100,0	100,0

** Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,530, Вероятность ошибки (значимость): 0,000

Значительная часть активистов-сторонников считают, что противодействует этому субъективные обстоятельства – отсутствие опыта планирования у самой молодежи (25,8%). А каждый шестой опрошенный вовсе не видит преград для этого. Существенное число респондентов обеих групп в качестве основной причины, мешающей планированию будущего, назвала объективные обстоятельства – неопределенность и изменчивость ситуации. Динамизм современного мира создает условия постоянных перемен и появления новых угроз. Поэтому современному молодому поколению жизненно важно освоить навыки прогнозирования процессов окружающего мира и включать свои планы в них. В то время как позитивные ожидания формируют положительный настрой на действия, негативные, напротив – противодействуют построению именно позитивной стратегии поведения. Мы констатируем факт того, что у существенной части обеих исследуемых групп преобладает представления о будущем как нестабильном и изменчивом. Это говорит о деактуализации мифологемы стабильности в молодежном сознании, тщательно создаваемой пропагандой на протяжении многих лет. Косвенное измерение уверенности в завтрашнем дне (см. табл. 2.2.11) показало, что даже большинство активистов-сторонников признают проблему неопределенности и изменчивости как влияющую на планирование своего будущего.

Мы проверили, каков реальный горизонт планирования молодежи на примере нашего опроса учащейся и работающей молодежи шести регионов России (табл. 2.2.12).

Как оказалось, подавляющее большинство опрошенной молодежи либо ограничивается планами на ближайшую перспективу – горизонт от одного до пяти лет (более 60%), либо вовсе не строит планов.

У некоторой части молодежи просматриваются ноувиستские установки, характеризующиеся отказом строить планы на будущее. Долгосрочные жизненные планы невозможно строить без опоры на конкретные ожидания и уверенность в будущем. Поэтому синдром ноувизма может быть как интуитивной установкой, так и осознанным выбором человека.

Таблица 2.2.12

Горизонт жизненного планирования молодежи, в %

На какой период времени Вы строите планы?	Формы занятости молодежи	
	Работающие	Учащиеся
У меня вся жизнь уже спланирована	5,2	5,7
Строю планы на отдаленное будущее (от 5 до 10 лет)	7,9	8,9
Строю планы на ближайшее будущее (до 5 лет)	31,9	30,0
Планирую только на ближайший год	37,8	30,8
Живу одним днем, не строю планов	7,5	12,7
Затрудняюсь ответить	9,6	11,9
Итого	100,0	100,0

Обращает на себя внимание достаточно выраженные миграционные планы учащейся молодежи – о своем желании сменить постоянное место жительства сообщил 41 %, планы уехать за границу оказались у 17,8 %, а учиться в зарубежном университете – 8,4 %. В свою очередь планы по смене места жительства имеются у 33% работающей молодежи, при этом о стремлении уехать за рубеж сообщили 8% респондентов. Заметна тенденция, что при переходе в группу работающих (то есть при изменении социального статуса) ослабевает готовность к отъезду. По всей видимости это связано с решением насущной проблемы трудоустройства и поиска средств к существованию.

Актуальность проблемы миграционных настроений молодежи дополняется негативными демографическими тенденциями, отмеченными нами ранее. Результаты нашего исследования показывают, что миграционные настроения молодежи связаны с негативным образом будущего (см. табл. 2.2.9, 2.2.11). Относительно причин, активизирующих миграционные планы молодежи наши выводы подтверждаются заключениями А. Л. Рочева и Е. А. Варшавер. Они показывают, что среди факторов, удерживающих молодежь, на первом месте стоит субъективное благополучие – удовлетворенность доходом, экономическим положением или работой в целом. Среди основных факторов, «выталкивающих» из России молодежь независимо от ее рода занятий – ощущение правовой незащищенности. Причем данное обстоятельство является как фактором отъезда

русской молодежи, так и приезжих молодых мигрантов, получающих образование в России¹⁵⁹.

Таким образом, можно заключить, что негативные социальные ожидания определяют характер и направленность жизненного планирования, что отражается и в политическом поведении молодежи, в выборе ее жизненных стратегий в целом.

Воздействие социального самочувствия на выбор стратегий политического участия.

Анализ показывает, что проективные компоненты социального самочувствия молодежи (социальный идеал, ожидания, планы) участвуют в конструировании поведенческих стратегий. В свою очередь для молодых политических активистов одно из центральных мест в жизненных стратегиях занимают стратегии политического участия.

Предшествующий анализ социальных идеалов и ожиданий показал наличие конфликтного взаимоотношения между данными компонентами в структуре социального самочувствия как молодых политических активистов, так и молодежи в целом, особенно данное противоречие выражено в самочувствии молодых оппозиционеров. Среди всех исследованных нами категорий молодежи преобладают негативные ожидания относительно высокой вероятности экономического кризиса при достаточно выраженной значимости ценностного блока «экономическое благополучие» как ориентир общественного развития. Если же рассматривать отдельно активистов-оппозиционеров, то для этой совокупности молодежи характерно «зеркальное» соотношение образов желаемого и вероятного будущего. Такая рассогласованность между желаемыми векторами общественного развития и социальными ожиданиями *определяет социальные настроения молодежи, которые в общих чертах могут быть охарактеризованы как пессимистические или тяготеющие к ним.*

¹⁵⁹ Рочева А. Л., Варшавер Е. А. Миграционные намерения молодежи с миграционным бэкграундом и без: российский случай // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 295-334.

Испытываемый спектр социальных настроений (от оптимистических до пессимистических) являются внутренним стимулом выбора молодежью стратегий своего политического участия.

Таким образом, формирование стратегий политического участия – это *основной механизм, который связывает социальное самочувствие с политическим участием молодежи*. Полученные эмпирические данные позволяют нам реконструировать и объяснить действие данного механизма.

Стратегическое поведение в политике связано, с одной стороны, с мотивами и целями участия, а с другой – выстраиванием свойственных политике допустимых комплексов действий по достижению этих целей. В связи с этим мы рассмотрим стратегии политического участия, выявленные нами эмпирически, на основе опроса и интервью с активистами.

Первая переменная, взятая нами в расчет – это мотивы политического участия активистов. Мотивы, по существу, отражают стратегические цели и запросы в связи с определенными усилиями индивидов и групп в политике.

Различия двух групп активистов относительно их мотивов политического участия просматриваются в следующем. У активистов-оппозиционеров более выражены два мотива – гражданско-правовой (81%) и желание построить более справедливое общество (57,6%). Сила второго свидетельствует о негативном социальном самочувствии и стремлении через активное участие в политической жизни, преобразовывать окружающую общественную реальность. Мотив карьеры (11,8%) и интереса (21,5%) значительно уступают этим доминирующим. Гражданско-правовой мотив преобладает в политическом участии и провластных активистов (56,1%). Однако, следует заметить, что его выраженность ниже, чем у активистов-оппозиционеров. Кроме того, остальные мотивы также имеют высокие значения у группы сторонников: карьера (38,5%); стремление построить более справедливое общество (37,8%); интерес к политике (31,1%).

Выраженность мотивов карьера и интерес среди активистов-сторонников позволяет нам прогнозировать в будущем их пополнение рядов

профессиональных политиков и пополнение различных государственных и политических структур.

Мы укрупнили варианты ответов по вопросу о мотивах общественно-политического участия активистов и сгруппировали их в два блока. Первый блок мотивов получил условное название «карьера и интерес», в нем соединились *эгоцентрические* предпосылки политического участия молодых активистов и соответствующие им маркеры: «я бы хотел достичь успеха на этом поприще и сделать карьеру политического или общественного деятеля» и «это интересно, здесь я могу приложить свои способности и таланты». Доминирующими мотивами политического участия этой группировки является ориентация на достижение карьерных целей, проявление своих качеств и общий интерес к политике как сферы деятельности и самореализации.

Второй блок мотивов – «гражданственность и справедливость». Он включил варианты ответов: «это вопрос наших прав, убежден, что все граждане должны быть активны и участвовать в общественно-политической жизни» и «меня интересуют проблемы построения более справедливого общества». Данная система мотивов характеризуется ориентацией на высокий уровень гражданского вовлечения в дела управления и сопряжена с пониманием политики не столько как профессиональной сферы или сферы реализации личных интересов, сколько делом всех граждан в борьбе за построение более совершенного и справедливого общества.

Таким образом, мы получили вторичную переменную «Мотивация политического участия: эгоцентрическая мотивация (карьера и интерес) / социоцентрическая мотивация (гражданственность и справедливость)».

Мотивы политического участия будучи фактическими целями поведенческой стратегии активистов, сопрягаются со *средствами их достижения в политических отношениях*. Мы измеряем их через конструирование типичных ситуаций, связанных с поведением индивидов и групп в политике. В частности, ситуациях, близких к конфликтам по поводу распределения ценностей или предполагающих возможности конфликта.

Как мы отмечали выше, политика связана с возможными рисками – это одно из наиболее часто артикулируемых экспертами содержание политической деятельности. Чаще всего риски могут возникать в конфликтных ситуациях или ситуациях трудного выбора между *стремлением достичь ценности и нежеланием иметь негативные последствия своих действий*. Одну из таких ситуаций мы сконструировали для наших респондентов. Им предлагалось самоопределиться в следующих условных обстоятельствах: «Смоделируем ситуацию: Вы поддерживаете группу лиц, которая столкнулась с нарушением их прав, Вы абсолютно убеждены в своей правоте и заявляете митинг с целью привлечения общественного внимания к этой проблеме, однако в последний момент местная администрация не согласует Вам проведение акции. Ваши действия?» (табл. 2.2.13).

Таблица 2.2.13

Готовность идти на риск в ситуации отстаивания прав и борьбы за групповые интересы, %

Действия в прожективной ситуации	Политическая активность	
	Активисты-сторонники	Активисты-оппозиционеры
Попытаетесь просчитать возможный ущерб если он будет иметь ощутимые материальные последствия (штраф возможные задержания участников полицией и пр.) то будете искать другой способ выразить свое мнение	37,7	35,4
Откажитесь от этой затеи, не стоит портить отношения с органами власти ведь они могут стать вашими союзниками	17,6	2,5
Все равно проведем. Есть Конституция, она для всех одина, в том числе и для органов власти	24,8	61,4
Затрудняюсь ответить	19,9	0,7
ИТОГО	100,0	100,0

Образ данной ситуации отражает типичное соотношение между восприятием таких явлений как ценность свободы выражения своего мнения, борьбы за свои групповые интересы и политические права, противовесом которых выступают риски конфликта с властью. Тем самым мы проверили насколько молодые активисты готовы идти на риски, связанные с одной стороны, с

отстаиванием своих групповых интересов, а с другой – с непосредственным возникновением нежелательных последствий выбранной стратегии действий.

Среди обеих групп активистов оказалось примерно равное число тех, кто готов принимать умеренные риски. В то время как высокорискованное поведение свойственно в основном активистам-оппозиционерам, активисты-сторонники гораздо больше склонны избегать негативных последствий в связи с возможным противостоянием с властями. Также к группе избегающих рисков следует отнести и тех респондентов, которые затруднились с выбором ответа, поскольку они пытаются дистанцироваться от самой ситуации морального выбора. Возможно, это связано с отсутствием опыта, который может подсказать решение. Мы вполне осознаем, что для активистов-оппозиционеров сама практика участия в акциях протеста более распространена и известна. Однако следует учитывать, что заданные условия предполагали не столько протестность действий, сколько риски политического свойства, а именно выход за определенные границы обозначимые авторитетом власти и ее конкретными представителями. Готовность к риску в прожективной ситуации фактически измеряет степень конформизма / неконформизма стратегии политического участия.

Интервью с активистами детализируют информацию об отношении к конфликтным ситуациям, в которых они могут оказаться, участвуя в политических акциях. Мы отметим, что эти ситуации характеризуются не только вероятным конфликтом с властью или более ресурсными группами, но что важнее – определяют молодых активистов как субъектов автономных действий. Довольно типична оценка допустимого, применительно к акциям протеста у активистов-сторонников провластных организаций. Понятно, что направленность их деятельности не предполагает участия в акциях протеста, тем более несанкционированных властями, однако в данном случае наш интерес был направлен на причины отказа от практики протестных действий. Оказалось, что сводятся они к нескольким аргументам.

Во-первых, следует выделить аргумент «здравого смысла». Суть его состоит в том, что участвовать в акциях протеста бессмысленно, ведь они ни к

чему кроме проблем привести не могут: *«Для начала, я должна быть согласна с целью какой-либо акции, мероприятия. Если я посчитаю это ущемляющим права людей - меня никто там и не увидит, меня просто там не будет. Нет, надеюсь, что никогда не буду участвовать в чем-то несанкционированном»* (Татьяна, МГЕР, Челябинская область).

Страх участия в «чем-то несанкционированном» дополняется надеждой на то, что все будет идти своим чередом, без лишних эксцессов и без необходимости проявлять публично свое недовольство. В целом аргумент «здравого смысла» можно считать наиболее типичным объяснением ухода от тактики публичного протеста.

Во-вторых, аргумент осторожности, близкий, по сути, аргументу здравого смысла, однако заостряющий проблему личной безопасности. В нем информанты особо отмечают тот факт, что проявление неуместной самостоятельности и смелости может выйти им боком: *«Я бы сказала, что это даже довольно-таки опасно для своего будущего и не вижу даже смысла в этом»* (Юлия, член молодежной общественной палаты, Тюменская область).

В данном случае, возможно на основе личного опыта или информационной картинки, сопровождающей акции протеста, информант сообщает о возможной опасности протестовать вопреки санкции властей.

В-третьих, аргумент организационной дисциплины и преданности идеологическим принципам и убеждениям: *«Ну, конечно все митинги должны быть санкционированы. Несанкционированные митинги это против нашего государства, против идеологии партии. В стране должна быть демократия все должны быть на равных и какие-то несанкционированные митинги я считаю, что это недопустимо»* (Андрей, МГЕР, Тюменская область).

Действительно, провластные организации имеют достаточно выраженную идейно-политическую направленность, которая в основе своей подразумевает лояльное отношение к авторитету власти. Разумеется, оспаривание решений властей на любом уровне в них считается нежелательным, хотя и может формально декларироваться свобода проявления своего мнения.

Организационная дисциплина превалирует над принципом частной инициативы и проявления собственного мнения.

Сила этих аргументов в конечном счете такова, что формирует устойчивую стратегию конформистского поведения. В ней субъект действия лишен личных рисков, но в то же время не выступает полноценно автономным участником политического процесса, сохраняя патерналистские ориентации. Это обстоятельство фактически исключает возможность провластным активистам строить независимую стратегию поведения в условиях контролируемого конфликта. Поскольку одной из функций политического участия, отмеченных нами, является регулирование конфликта, то изначальная линия на уход от него означает, что политический активизм этой подгруппы имеет признаки симуляции. При этом она ограничивается в выборе инструментов влияния на политический процесс.

Итак, по критерию готовности идти на риск мы разделили респондентов на три группы – *не готовы идти на конфликт, проявляют лояльность авторитету; готовность к умеренному риску; высокорискованное поведение, принципиальность в отстаивании прав и интересов*, и получили вторичную переменную. При этом дальнейший анализ стратегий политического участия мы проводили на всем массиве политических активистов, специально абстрагируясь от формы их политического участия (провластная / оппозиционная), чтобы исключить предвзятость в оценке их стратегического поведения.

Мы установили, что данная переменная коррелирует с переменной «Мотивы участия в политике – карьера, интерес / гражданственность, справедливость». (2.2.14).

Готовность принимать умеренный риск в конфликтных ситуациях примерно в одинаковой степени характерна как для носителей мотивации «карьера, интерес», так и «гражданственность, справедливость». Высокорискованное поведение более выражено у носителей мотивации «гражданственность, справедливость».

Таблица 2.2.14

Взаимосвязь между готовностью идти на риск в конфликтной ситуации и мотивами политического участия, в %

Готовность идти на риск	Мотивы участия в политике	
	Карьера, интерес	Гражданственность, справедливость
Не готовы идти на конфликт, проявляют лояльность авторитету	30,7	15,3
Готовность принимать умеренный риск в конфликтной ситуации	45,3	43,5
Высокорискованное поведение, принципиальность в отстаивании интересов	24,0	41,2
Итого	100	100

*V Крамера составляет 0,199 значим.

Среди респондентов, преследующих в качестве цели вхождения в политику карьеру и интерес, более вероятно поведение, связанное с избеганием конфликтов и проявлением лояльности авторитету. Интересно, что это выявляет некоторое противоречие в представлениях о политической карьере среди активистов. Оно состоит в том, что, карьера политика так или иначе связана с риском в отстаивании интересов (избирателей, общественных групп, членов партии и пр.). Однако, респонденты, которые прежде всего ориентированы на построение политической карьеры, стремятся их избегать.

На основе соотношения целей (мотивов участия в политике) и готовности к риску в их достижении методом логического квадрата мы выявили типы стратегий политического участия молодых активистов.

В таблице 2.2.15 предложен типологический анализ в русле предложенной концепции, позволивший нам выявить четыре стратегии политического участия молодежи.

1. Стратегия «консервативная адаптация» предполагает поиски «компромисса» в реализации социально-политических практик на фоне относительно высоких показателей социального самочувствия, активного использования каналов политической мобильности, регламентированных властью, для карьерного продвижения и самореализации в политике. Консерватизм в данном случае предполагает не столько идейно-политическое

содержание деятельности, сколько способы воспроизводства отношений с авторитетом власти, традиционных форм господства и подчинения.

Таблица 2.2.15

Типология стратегий политического участия

Готовность к проявлению риска	Мотивы участия	
	Интерес, карьера	Гражданственность, справедливость
Не готовы идти на конфликт, проявляют лояльность авторитету	Консервативно-адаптивная	Консервативно-реформаторская
Готовность принимать умеренный риск в конфликтной ситуации	Лидерско-карьерная	
Высокорискованное поведение, принципиальность в отстаивании интересов		Протестно-правозащитная

Адаптированность указывает на характеристику основного способа политической социализации. Молодые активисты успешно встраиваются в имеющиеся каналы мобильности, находят там применение своим знаниям, получают новый опыт, развивают практические навыки политической деятельности.

2. *Лидерско-карьерная стратегия* предполагает в качестве движущего мотива интерес к политике и политической карьере, однако их социальный идеал не согласуется с достаточно негативными социальными ожиданиями. Тем не менее данная стратегия, также как и предыдущая, допускает использование каналов политической мобильности, регламентированных и одобряемых властью.

При значительной ориентации на политическую карьеру носители данной стратегии проявляют готовность к принятию среднего или даже высокого уровня риска. Это продиктовано тем обстоятельством, что в средствах достижения поставленных целей они готовы использовать более широкий репертуар, включающий сценарий конфликта. Как правило носители этой стратегии, молодые активисты выраженно демонстрируют желание претендовать на

лидерские позиции, имеют опыт политического продвижения, что принципиально отличает их от предыдущего типа. Данная стратегия встречается как у активистов-сторонников власти, так и у оппозиционеров.

Связано это с осознанием того, что построение карьеры в политике, сопряжено с риском. В то же время настоящий лидерский потенциал может быть раскрыт только через проявления своей автономности, построение собственного политического образа, утверждения влияния.

3. *Консервативно-реформаторская* – это смешанный тип стратегии участия, имеющий признаки ориентаций на традиционно политические формы взаимодействия общества с властью, но в то же время включающие осознание необходимости перемен. Среди приверженцев этой стратегии имеются как провластные, так и оппозиционные активисты. Преобладающий мотив участия диктует стремление к реформам, общественно-политическим переменам. Однако неготовность к принятию риска отталкивает приверженцев этой стратегии от активного протеста и исключает его из репертуара действий. Таким образом достижение более справедливого общества связывается с усилением роли государства, обращение к традициям, укрепление которых видятся в консерватизме.

4. *Протестно-правозащитная стратегия* характерна наиболее оппозиционно настроенной по отношению к власти и общественным институтам части молодых политических активистов. Эта стратегия включает в себя, с одной стороны, стремление к построению более совершенного справедливого общества, а с другой – определенный альтруизм в мотивах деятельности, не связанный с прямыми выгодами лично для себя. Данная стратегия представляет собой наиболее контркультурные способы политической борьбы, противодействие сложившемуся укладу, альтернативу типичным образцам жизни. Отсюда выход за рамки структур действия, присущие традиционным формам политических отношений подданничества и подчинения власти. Указание на правозащитность в данном случае означает доминирующее средство – стремление к отстаиванию

прав граждан. Носители этой стратегии понимают конституционные принципы государства буквально и стремятся их отстаивать и реализовывать на практике.

Согласно исследовательской концепции основной фазой перехода от эмоционально-оценочного к поведенческому компоненту социального самочувствия выступает настрой на определенное действие – социальное настроение. Социальные настроения молодежи отражаются в планах, а затем участвуют в формировании жизненных стратегий. Социальные настроения оптимизма/пессимизма, связаны с проективными состояниями субъектов, поэтому измерялись с помощью показателя *«уверенность в завтрашнем дне»*. Выбор данного показателя обусловлен следующими обстоятельствами.

Во-первых, он в общем виде отражает чувственно-эмоциональное и в то же время когнитивное состояние субъекта социального самочувствия. Тем самым содержательно соответствует теоретическому конструкту социального самочувствия.

Во-вторых, уверенность в завтрашнем дне отражает как макро, так и микроуровневые показатели социального самочувствия молодежи. Выступая своеобразной точкой сборки, уверенность в завтрашнем дне предполагает одновременно самооценку собственных сил и возможностей, и в то же время оценку и проекцию ситуации в общественной жизни.

В-третьих, именно по показателю уверенности в завтрашнем дне мы наблюдаем наиболее значимые различия между двумя исследуемыми группами активистов, что говорит о принципиальной развилке всего социального самочувствия (табл. 2.2.10).

Мы укрупнили варианты ответов: «да» и «скорее да» маркированы нами как оптимистические настроения; варианты ответов «нет» и «скорее нет» – пессимистические. Затруднившихся ответить (3,6% от общего числа респондентов) мы не учитывали в расчете доминирующих типов настроений (табл. 2.2.16).

Таблица 2.2.16

Типы стратегий политического участия в зависимости от социальных настроений, в %

Типы стратегий	Социальное настроение	
	Оптимизм	Пессимизм
Адаптивно-консервативная	13,7	2,1
Консервативно-реформистская	43,9	42,6
Лидерско-карьерная	28,8	8,5
Протестно-правозащитная	13,6	46,8
ИТОГО	100	100

1. Социальное настроение «оптимизм».

Стратегиями носителей оптимистических настроений являются «адаптивно-консервативная» и «лидерско-карьерная».

Высокая оценка своих жизненных шансов, выражена в оптимистическом настрое носителей «адаптивно-консервативной» стратегии. Их политическое участие продиктовано интересом, возможно ситуативным, желанием попробовать свои силы в каких-либо проектах, но при сохраняющемся статус-кво. По сути, адаптивно-консервативная стратегия предполагает успешное «встраивание» активистов в существующую систему (систему властных отношений), поэтому негативов этой системы они предпочитают не замечать, отсюда их одобрение и оптимистический настрой выступают как крайняя форма политического конформизма.

Более четверти оптимистически настроенных активистов реализуют лидерско-карьерную стратегию, сопряженную как с запросом на построение карьеры, так и готовностью к некоторой доле риска. Их оптимизм или уверенность в завтрашнем дне, во-первых, носит более умеренный характер по сравнению с «адаптирующимися консерваторами», а во-вторых, он выполняет несколько иную функцию – поскольку стратегия нацелена не на пассивное «встраивание в систему», а карьеру и самореализацию в политике, сопряженную с некоторой долей риска, - дает определенный запас прочности и поддерживает амбициозность молодых активистов на карьерные притязания.

2. Социальное настроение «пессимизм».

Пессимистические настроения реализуются преимущественно через «протестно-правозащитную» стратегию. «Протестно-правозащитная» стратегия вкупе с пессимистическим настроением дает наиболее острый запрос и соответствующий сценарий перемен.

Среди пессимистов почти не представлена «адаптивно-консервативная» стратегия (2%), это объясняется высоким уровнем социального напряжения среди молодых политических активистов, выраженном в нежелании встраиваться в институционально созданные каналы политического участия. Пессимизм охватывает, таким образом, всевозможные аспекты взаимоотношений с государственными институтами. Также незначительно число пессимистов среди носителей «лидерско-карьерной» стратегии. По всей видимости негативные социальные настроения противодействуют формированию карьерных амбиций в политической сфере.

3. Амбивалентные социальные настроения

Для «консервативно-реформаторской стратегии» характерны как настроения оптимизма, так и пессимизма, это единственная стратегия среди которой в равной доле встречаются как уверенные, так и не уверенные в завтрашнем дне (среди оптимистов придерживаются данной стратегии 44% и среди пессимистов их практически столько же – 43%). Подход к политическому участию в рамках данной стратегии можно выразить как «реформирование изнутри», оптимизм здесь связан с тем, что активисты видят для себя возможности сложившейся системы, оценивают ее сильные и слабые стороны, но в то же время считают необходимыми преобразования. Их уверенность в завтрашнем дне становится своего рода защитой и открывает потенциал действий внутри сложившихся институтов политического участия. Пессимизм при «консервативно-реформаторской» стратегии можно объяснить сомнением в том, что консервативные усилия власти достаточны, чтобы переломить негативные тенденции в экономике и общественно-политической сферах.

Таким образом мы приходим к заключению, что выделенные нами типы стратегий политического участия сопряжены и обусловлены социальными настроениями оптимизма/пессимизма молодых политических активистов.

В целом, эмпирический анализ социального самочувствия политически активной молодежи УрФО и его связи с политическим участием позволяет сделать следующие выводы:

1. Социальное самочувствие политически активной молодежи характеризуется низкими показателями удовлетворенности, оценкой состояния дел в стране, особенно в экономической сфере. В структуре социального самочувствия российской активной молодежи развивается острый конфликт между ее социальными идеалами, среди которых доминирует ориентация на экономическое благосостояние, и социальными ожиданиями, среди которых ведущими трендами являются социальные фобии снижения уровня жизни, ожидание роста цен и инфляции. Данный конфликт решается выбором различных типов стратегий политического участия от конформистских стратегий адаптации и попыток встроиться в существующий общественно-политический порядок до протестных стратегий, сопряженных с высоким уровнем риска и конфликтности.

2. Показатели социального самочувствия политических активистов представляют собой диаметрально противоположные значения с точки зрения оценок и удовлетворенности. Микроуровень социального самочувствия выступает зоной относительного комфорта – это межличностные отношения, взаимоотношение с коллегами и близкими. Здесь молодежь испытывает почти единодушное удовлетворение, а его показатели почти не отличаются у групп активистов. Зона дискомфорта – это макросреда, общественно-политические и экономические условия жизнедеятельности, определяемые функционированием основных социальных институтов – образования, управления, здравоохранения. Они выразились в крайне низких показателях оценок текущего положения дел в стране, возможностей удовлетворять свои потребности, защищать интересы.

3. Выявлено следующее соотношение социального самочувствия политически активной молодежи и других групп российской молодежи. Во-

первых, по всем базовым компонентам социального самочувствия оппозиционные активисты повторяют групповой портрет молодого поколения в России.

Выяснилось, что оппозиционные активисты – это общность, имеющая значительное сходство показателей социального самочувствия с общей массой молодежи в оценках текущей ситуации, образа будущего и социального настроения. Активное проявление ее в политике выступает реакцией на негативные воздействия внешней среды и субъективные оценки своих перспектив социальной жизни.

Общность провластных активистов в этом смысле серьезно отличается от молодежи в целом. И это связано не только с тем, что они имеют карьерные планы, прежде всего различия пролегают по границе системы ценностей и путей достижения общественно значимых целей.

4. Характеризуя идейно-смысловую составляющую социального самочувствия молодого поколения российских политических активистов, мы пришли к выводу о непопулярности радикальных взглядов среди молодых политических активистов. Учитывая сложную политическую историю всего XX века для России, так и современную противоречивую напряженную ситуацию в стране, это может быть расценено как весьма позитивная тенденция.

Политическая самоидентификация активистов-сторонников власти отличается крайней размытостью и неопределенностью идеологических взглядов, среди данной группы молодежи практически не выявлено доминирующих политических ориентаций. Оппозиционно настроенная к власти активная молодежь, в основном, консолидируется вокруг либеральной идеологии.

5. Выявлена определенная схожесть образа желаемого социального будущего у провластной и оппозиционной групп активистов – в нем преобладают идеалы общества благополучия, высокотехнологического развития, правового государства. В этом смысле две группы активистов можно целиком соотнести с молодежью в целом. Однако пути достижения этих целей значительно разнятся. Активисты-сторонники в большей мере склонны решать общественно значимые

проблемы в духе этатистской консолидации и консервативной политики, а оппозиционеры тяготеют к либерально-рыночным трансформациям как наиболее желательным.

6. Ожидания помогают индивидам и группам строить планы на будущее, конструировать контуры желаемого и не желаемого завтра. Политически активная молодежь имеет сравнительно узкий горизонт планирования, что вполне соответствует общей характеристике жизненных планов всего молодого поколения россиян. В качестве препятствий построению долгосрочных планов, активисты видят значительную неопределенность ситуации, нелинейность общественных процессов, а также негативно складывающиеся тенденции в экономической и социально-политической сферах.

Поддерживается общая тенденция различия групп активистов – все проективные значения самочувствия у активистов-оппозиционеров ниже, чем у активистов-сторонников.

7. На основе доминирующих мотивов (целей) и средств достижения (готовности к рискованному поведению) мы разработали типологию стратегий политического участия, которая включает в себя следующие типы: *«консервативная адаптация», «лидерство и карьера», «консервативное реформаторство», «протестно-правозащитная стратегия».*

Стратегия «консервативной адаптации» предполагает в качестве целей политического участия эгоцентрические мотивы – либо построение карьеры, либо интерес и самореализацию в политике, при этом для достижения данных целей активисты, придерживающиеся этой стратегии, используют способы продвижения посредством сохранения существующего, тактику «встраивания в систему», избегая рисков и конфликтных ситуаций. «Лидерско-карьерная» стратегия предполагает сходную мотивацию в политике, вместе с тем, для своего продвижения в политике такие активисты не пытаются адаптироваться к существующему порядку, а готовы к рискованному (умеренно и даже в высокой степени) поведению. «Консервативно-реформаторская» стратегия строится на социоцентрических мотивах участия – способствовать более справедливому

обществу, защищать гражданские права, то есть нацелена не на сохранение, а на изменение ситуации, однако ради этого активисты данного типа не готовы идти на конфликты и испытывать риски. Для «протестно-правозащитной» стратегии также характерна социоцентрическая мотивация, но при ориентации на высокую степень риска и нонконформизм.

8. Установлено, что выбираемые и практикуемые стратегии политического участия молодежи зависят от ключевых показателей ее социального самочувствия, точнее от степени согласованности/ конфликтности между социальными идеалами, которые молодежь пытается реализовать посредством своей политической и гражданской активности, и социальными ожиданиями. Обнаруженное рассогласование идеального и ожидаемого является внутренней предпосылкой для формирования преимущественно пессимистических социальных настроений молодежи относительно макро- и микро- перспектив. В контексте внешних условий, выражающихся в доступных для молодежи каналах политической мобильности (политического вовлечения), обуславливает выбор стратегий вхождения в общественно-политическую жизнь.

Исследование обнаружило наличие взаимосвязи между социальными настроениями, а именно, степенью уверенности в завтрашнем дне, и стратегиями политического участия молодых активистов. Пессимистические настроения преимущественно мотивируют выбор протестно-правозащитной стратегии, что обуславливает активность, нацеленную на изменение ситуации, и нежелание встраиваться в институционально-созданные каналы политического вовлечения. Оптимистические настроения способствуют выбору адаптивно-консервативной и лидерско-карьерной стратегий. Однако, если для адаптивно-консервативной стратегии уверенность в завтрашнем дне выступает формой необходимого для их целей политического конформизма, то для лидерско-карьерной стратегии оптимизм выступает фактором, стимулирующим их амбициозные карьерные притязания.

Заключение

Исследование вопросов, связанных с политическим участием молодежи актуально в современной российской реальности. Одним из противоречий сложившейся ситуации является противоречие между растущим запросом нового молодого поколения на участие в общественно-политической жизни, ростом ее автономности и реальными возможностями, предоставляемыми политическими институтами участия. В связи с этим мы рассмотрели действующие каналы политического участия, которые открываются для молодежи в условиях сложившейся общественно-политической системы.

Исследование показало, что в условиях динамично меняющейся социальной реальности политическая активность молодежи возникает не как производная прохождения молодыми людьми шаблонных и стандартизированных социализационных стадий, а как проекция социального самочувствия, настроений и установок молодых людей, отражающих их запросы и мнение о текущих событиях в обществе.

Предложенная в работе теоретико-методологическая модель влияния социального самочувствия на политическое участие молодежи позволила подчеркнуть важную роль конфликта между социальными идеалами и ожиданиями в формировании стратегий политического участия молодых активистов. В центре этой модели находится проективные компоненты социального самочувствия молодежи как наиболее подвижные структуры сознания.

В рамках исследовательского поиска проведено разграничение категории «политического участие» со смежными ему понятиями «политическая активность» и «политическое вовлечение». Также уточнены понятия «социальное самочувствие» и «социальное настроение», выявлены характеристики их соотношения.

Политическое участие рассмотрено с позиций инструментального, деятельностного, стратификационного подходов как социальный процесс. Это

позволило нам выявить основные уровни, формы и стадии политического участия, а в результате эмпирического исследования вскрыть возможные стратегии участия молодежи в политике, их обусловленность социальными настроениями.

Теоретически обосновано содержательное разделение социального самочувствия как комплексной характеристики, включающей три основных компонента, и социального настроения, выступающего его элементом, воздействующим на поведенческие реакции. Социальное самочувствие рассмотрено как интегральный показатель, отражающий степень удовлетворенности социальной реальностью и своим положением в этой реальности. Для молодежи оно во многом определяется складывающимся в сознании данной группы образом социального будущего, а именно общественными идеалами и социальными ожиданиями молодых людей.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

1. Специфика молодежи как субъекта политического участия обусловлена ее положением в системе социального неравенства, определяется особой мотивацией и целями участия, а также предпочитаемыми формами и стратегиями поведения. Комплекс социальных факторов, влияющих на политическое участие молодежи, связанных как с объективным положением данной группы в социальной структуре, так и с ее субъективным отношением к своему положению, аккумулируется в феномене социального самочувствия.

2. Показано, что политизация молодежи является актуальным и нарастающим процессом. Однако она не находит массовых эффективных каналов, которые удовлетворяли бы растущие запросы молодежи и ее интерес к политике как сфере приложения своих сил. Причины, препятствующие политическому участию молодого поколения, согласно оценкам экспертов, коренятся в слабой ориентированности государственной молодежной политики на политическую социализацию молодого поколения; отсталостью подходов политического рекрутинга молодежи; неготовности элит воспринимать молодежь равным субъектом политического участия.

3. Выявлена связь между такими показателями социального самочувствия молодежи как общая удовлетворенность жизнью, оценками ситуации в различных сферах жизни общества, с одной стороны, и формами ее политического вовлечения и участия – с другой. Низкие оценки положения дел в стране, совокупно с негативным восприятием будущего ведут к чувству неудовлетворенности и, соответственно, выбору протестной формы политического участия. Ожидание конкретных событий в различных сферах общественной жизни и отчасти событий на своей жизненной траектории определяется оценкой молодежью институциональных условий своей жизнедеятельности и своих возможностей самореализации в этих условиях на настоящий момент, то есть ее социальным самочувствием, поскольку будущие события являются плодом настоящего. Социальное самочувствие, таким образом, есть основа для формирования социальных ожиданий.

Но значит ли это обратное – удовлетворенность ведет к пополнению провластных организаций? Как показали углубленные интервью с активистами политических организаций, имеется устойчивая позиция, согласно которой желание изменить что-то в своей личной жизни, коллективных устоях или обществе в целом – вызывает общий ориентир для политической активности. В связи с этим можно резюмировать, что жизненная неудовлетворенность – это свойство индивидуально-группового восприятия реальности для проявления своей общественно-политической активности.

4. Осознание своих жизненных перспектив в контексте социальной жизни формирует такой феномен как образ будущего. Он включает в себя социальный идеал, социальные ожидания и жизненные планы. Переплетаясь с социальными настроениями, они приводят к определенным реакциям и формированию жизненных стратегий молодежи во всех сферах жизни общества, в том числе в политике.

Мы показали, что тренды, складывающиеся в настоящем, оказывают негативное воздействие на восприятие будущего молодежью. На основе анализа количественных и качественных данных, полученных в результате эмпирического

исследования представителей политически активной молодежи Уральского федерального округа установлены значимые характеристики политической и гражданской самоидентификации политических активистов. Выявлено, что исходная потребность к проявлению политической активности у молодежи формируется на основании ценностных мотиваторов и связана с ее взглядами и убеждениями. В значительно меньшей степени мотивацией выступают прагматические установки или стремление к реализации своего потенциала.

5. Соотношение между идеалами общественного развития молодежи и ее социальными ожиданиями играет важную роль в формировании стратегий политического участия молодых активистов. При этом социальные идеалы базируются на ценностных приоритетах общества и конкретной социальной группы, в данном случае, молодежи, а социальные ожидания могут быть в той или иной мере позитивными или негативными и, во-многом связаны с объективными трендами социальной реальности.

6. Выявлена зависимость между политической самоидентификацией молодых активистов и ее социальным самочувствием: наиболее оптимистично смотрят в будущее сторонники коммунистической, консервативной и социал-демократической идеологии, которые рекрутируются в политику, в основном через одобряемые властью формы участия или «системной оппозиции»; наибольшим пессимизмом относительно будущего обладают сторонники либеральных, либертарианских и анархистских политических взглядов.

Указанные нами выводы позволяют сформировать обобщенные рекомендации для основных субъектов деятельности, воздействующих на политическое участие молодежи.

Для федеральных органов власти – требуется смена консервативно-охранительной парадигмы взаимодействия с гражданским обществом на партнерско-диалоговую. Раскрепощение гражданского сектора приведет к массовому высвобождению позитивного потенциала сообществ, направленного на усовершенствование всех сторон жизни общества. Учитывая факт возросшего интереса молодежи к политике, нет сомнения в том, что двигателем этих

изменений выступит именно молодежь. Это сформирует ее автономный опыт и приведет к успешной социализации молодого поколения.

Выявив, что негативные социальные ожидания воздействуют на социальное самочувствие молодежи, следует прилагать значительные усилия по формированию позитивного образа будущего. Однако ограничиться официальными лозунгами и усилиями пропаганды не получится. Для этого необходимо внедрение во всех сферах общественной жизни долгосрочных программ, ориентированных на раскрытие потенциала личности. Необходимо поэтапно переламять сложившееся недоверие, отчуждение молодого поколения от политико-правовых институтов и неверие в собственные силы. Принципиально важным здесь является демонстрация того, что именно лучшие представители общества занимают высшие позиции в его руководстве.

Для региональных и местных органов власти необходимы дальнейшие усилия по совершенствованию каналов включения молодежи в институты политического участия. При этом требуется их значительное переустройство и переориентация. Сегодня пробные каналы политического участия молодежи, организованные преимущественно региональной и местной властью, выглядят как структурные подразделения для подготовки будущих функционеров. Они не ориентированы на автономность и самостоятельность в представительстве интересов молодежи. Требуется большая свобода самовыражения для молодежи при помощи политической сферы, поиск новых способов диалогов с другими социальными группами.

В качестве непосредственной рекомендации местным властям можно предложить создание пилотажного проекта «уголка оратора», по примеру лондонского Гайд-парка. Подобный проект позволит не только оттачивать навыки публичного выступления перед неопределенным кругом лиц, но и снимать напряжение и недовольство активной части населения, а, следовательно, улучшать социальное самочувствие. Особенный интерес «уголок оратора» вызовет у молодежной аудитории, поскольку позволит опробовать свои силы в роли публичного политика и декламатора.

Политическим партиям следует уделить внимание следующим направлениям работы с молодежью. Во-первых, необходимо совершенствовать работу по рекрутингу молодежи, ее адаптации в организационные структуры и процессы. Следует уделить пристальное внимание проблеме отчуждения молодых активистов от идейно-содержательной работы партий. Для этого необходимо на постоянной основе реализовывать образовательные проекты, с целью повышения политической грамотности молодых активистов, знакомства их с классическими и современными идейно-политическими течениями, выработки навыков публичной политической деятельности.

Во-вторых, требуется принципиальная смена подхода в формировании кадрового состава партий, омоложения их руководящего звена, выработке механизмов стимулирования внутрипартийной конкуренции. Это возможно сделать за счет перехода от действующей кадрово-бюрократической модели партий к массовой. Расширение круга участвующих в партийной деятельности лиц обеспечит кадровую, организационную и финансовую подпитку и в свою очередь снизит зависимость партий от бюджетного финансирования. Именно молодые активисты способны на более эффективную краудфандинговую работу в партийных структурах. В связи с этим партиям потребуется создавать больше возможностей для молодых соискателей. Например, политическим партиям можно предложить ввести квоту для молодых кандидатов в депутаты различных уровней. Это создаст дополнительные стимулы включения молодежи в партийные структуры, усилит внутриорганизационную конкуренцию и поддержит партийную систему государства.

Направления дальнейших исследований.

В нашем исследовании показано и обосновано, что выбор формы политического участия в значительной мере детерминирован социальным самочувствием субъекта действия. Для молодежи это может подразумевать, что естественным продолжением ее комфортного существования и высокой степени адаптированности в обществе, становится поддержка действующих институтов власти. Однако, социальное самочувствие может рассматриваться в качестве

фактора «обратного действия». Другими словами, социальное самочувствие может как предшествовать, так и сопутствовать политическому участию молодежи. Протестная политическая позиция активистов требует большей мобилизации внутренних ресурсов и психологического напряжения, а как следствие она более стрессовая. Активисты-оппозиционеры подвергаются негативным воздействиям как со стороны властей, так нередко и со стороны ближнего круга, сталкиваясь с непониманием родных и близких, что в свою очередь будет негативно влиять на их социальное самочувствие.

Вызывает серьезный интерес исследование как самой общности «несистемных оппозиционеров», так и практикуемых ею контркультурных форм политического участия. Сегодня, когда организации «несистемной оппозиции» фактически упразднены и не имеют легальных способов включения в политическую борьбу, сохраняют ли их лидеры такую же привлекательность для молодежи? Какой выход будут находить отрицательные энергии недовольства, рост которых зафиксирован нами и многими нашими коллегами, в отсутствии конвенциональных форм политического участия, способных канализировать их? Какие стратегии социального поведения выберет недовольная часть молодого поколения?

Следует также уделить внимание исследованию причин и следствий переходов от одних форм политического участия молодежи к другим. Какое место занимает социальное самочувствие в системе факторов этих переходов? Интерес также может вызвать соотношение чувственно-эмоционального и оценочного компонентов социального, применительно к выстраиванию системы ценностных ориентаций молодого поколения.

Перечисленные нами направления возможных изысканий указывают на высокий потенциал дальнейших исследований в этой области социального самочувствия и его взаимосвязи с политическим участием молодого поколения.

Литература

1. Абрамов А. В., Федорченко С. Н. Политизация современного российского общества и патриотизм граждан: контент-анализ социальных сетей // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2016. № 1 (9). С. 115-120.
2. Авзалова Э. И. Интернет-участие как новая форма политического участия граждан // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2015. №1. С. 187-193.
3. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль. 2014. 500 с.
4. Антошин В. А., Антошин А. В., Колесникова К. И. Протестный потенциал и протестная активность современной российской молодежи: ценностные доминанты, динамика и тенденции // Alma mater (Вестник высшей школы). 2021. № 12. С. 93-101
5. Апресян Р. Г. Гражданское общество: участие и ответственность // Гражданское участие: ответственность, сообщество, власть. Неконцептуальный сборник / под ред. Р. Г. Апресяна. М.: Аслан, 1997. 110 с.
6. Аристотель. Политика. Москва: АСТ. 2010. 400 с.
7. Бабасова Е. С. Инновационная активность молодежи: особенности и перспективы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. № 3 (15). С. 144-154.
8. Бессокирная Г. А. Социальное самочувствие рабочих // Социологические исследования. 2008. № 3. С. 34-37.
9. Большунова Т. В. Ценностно-мотивационный аспект участия «поколения Z» в современном политическом процессе // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2018. № 1. С. 63-67.
10. Бутырина М. В., Котова К. А., Крюкова Т. Б., Моисеев Е. Ю., Романова Н. Р. Гражданское и правовое сознание студенческой молодежи. Монография. Иваново: ИГЭУ. 2015. 212 с.

11. Вебер М. Политика как призвание и профессия / Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006. 808 с.
12. Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю. Какое общество является справедливым: мнение свердловских студентов // Социологические исследования. 2017. № 5 (397). С. 35-46.
13. Волков Д., Гончаров С. Российский медиаландшафт-2020. Исследование «Левада-центра», 28 апреля 2020. <https://www.levada.ru/2020/04/28/rossijskij-medialandshaft-2020/>
14. Волков Д., Гончаров С., Снеговая Гражданский активизм российской молодежи. Чем молодые россияне отличаются от россиян более старших возрастов? Какие факторы определяют более высокие показатели гражданского активизма среди молодежи? / Аналитический отчет «Левада-центра» https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/10/Youth_RU-publikatsiya-blank.pdf
15. Всемирный отчет об эмоциональном самочувствии // <https://www.gallup.com/analytics/248906/gallup-global-emotions-report-2019.aspx> (дата обращения 10.03.2021).
16. Галич Л. П. Социальное самочувствие молодежи. – Минск: Право и экономика. 2012. 160 с.
17. Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют? / СПб.: Питер, 2005. 461 с.
18. Гатиева А. М. Основные тенденции политической социализации молодежи в современном социокультурном пространстве // Инновационные проекты и программы в образовании. 2019. № 1 (61). С. 40-43.
19. Гольбрайх В. Б. Экологические конфликты в России и цифровое сетевое участие // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 74-85.
20. Гончаров Д. В. Теория политического участия. М.: Юристъ, 1997. 208 с.
21. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии: [монография]. М.: ФНИСЦ РАН. 2020. 648 с.

22. Гражданская культура молодежи Свердловской области: тенденции, проблемы, перспективы: монография / А. А. Айвазян, Л. Н. Боронина, Ю. Р. Вишневский, Л. Д. Забокрицкая, Д. Ю. Нархов, Т. А. Орешкина, Д. С. Попов, О. Б. Франц, М. В. Ячменева ; под общей редакцией профессора Ю. Р. Вишневого; Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 2017. 244 с.

23. Гукова И. Н. Роль молодежного парламентаризма в развитии общественно-политической активности современной российской молодежи // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2014. №1 (172). Вып. 29. С. 169-174.

24. Гурылина М. В. Факторы и эффективность политического участия граждан в условиях демократизации современной России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. № 1. С. 69-76.

25. Давыдова Е. В. Измерение социального самочувствия молодежи / М.: Институт социологии РАН. 1992. 102 с.

26. Данилов М. В. Концепт «политизация» в научном и общественно-политическом дискурсе // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. Социология. Политология. Вып. 2. С. 92-96.

27. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Пер. с нем. Л. Ю. Пантиной. М.: Росспэн. 2002. 284 с.

28. Дарендорф Р. После 1989. Размышления о революции в Европе. М.: Ад Маргинем, 1998. 272 с.

29. Дидковская Я. В., Онегов Д. В. Молодежь индустриальных регионов России: социальные ожидания и инновационный потенциал (на примере Свердловской области и Красноярского края) // Научный результат. Социология и управление. 2018. № 3. С. 57-71.

30. Дидковская Я. В., Трынов Д. В. Социальное самочувствие и ожидания молодежи индустриального региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 202–214.

31. Дидковская Я. В., Вишневский Ю. Р., Трынов Д. В. Студенчество индустриальных регионов России: социальное самочувствие и образ будущего (на примере Свердловской области и Пермского края // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2020. № 1. С. 8-24.
32. Длугош П. Негражданское поколение? Анализ политической активности молодежи Польши, России и Украины. PolitBook. 2012. № 2. С. 6-20.
33. Дьюи Д. Общество и его проблемы / Пер. с англ. И. И. Мюрберг, А. Б. Толстова, Е. Н. Косиловой. М.: Идея-Пресс, 2002. 160 с.
34. Европейское социальное исследование [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.europeansocialsurvey.org/> (дата обращения 10.03.2021).
35. Ежов Д. А. Актуальные тенденции и факторы электоральной активности российской молодежи // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 356-358.
36. Жуков В. И. Общая и прикладная политология: учеб. пособие. / В.И. Жуков, Б.И. Краснов. – М.: МГСУ; Союз, 1997. 992 с.
37. Жукова М. В. Социальное самочувствие: понятие, механизмы и закономерности проявления // Актуальные проблемы научного знания в XXI веке: сб. ст. Девятой (заоч.) межрегион. науч.-практ. конф., г. Рубцовск, 27 мая 2015 г. / АлтГУ, Рубцовский ин-т (фил.); [отв. за вып. А.В. Антропов]. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. – С. 207-212.].
38. Журавлева Л. А., Завьялова Н. В. Молодежь как инновационная социальная общность // Образование и наука. 2013. № 4 (103). С. 77-90.
39. Запесоцкий А. С. Отцы и дети: конфликт поколений. Социализация. Молодежная субкультура. СПб.: СПбГУП. 2006. 64 с.
40. Засыпкин В. П. Социальный экстремизм и его проявления в студенческой молодежной среде: из опыта мониторинга и профилактики / В сборнике: Не расстанусь с молодежью, буду... сборник научных статей к 80-летию профессора Ю. Р. Вишневского. под общей редакцией Ю. Р. Вишневского, ответственный за выпуск Д. Ю. Нархов. Екатеринбург. 2018. С. 214-218.

41. Захаркин Р. А. Молодежный абсентеизм в России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем востоке. 2010. № 4. С. 111-114.
42. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Доверие в саморегуляции социальных взаимодействий молодежи в изменяющейся социальной реальности // Проблемы развития территорий. 2016. № 5 (85). С. 29-37.
43. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления. Социологические исследования. № 5. 2008. С. 37-47.
44. Зырянов С. Г., Зырянова В. М. Особенности электоральной культуры современной российской молодежи // Социум и власть. 2016. № 2 (58). С. 65-74.
45. Игнатьев М. Н. Социальное самочувствие населения моногородов: социологический анализ (на примере Кемеровской области): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2013. 176 с.
46. Ильина Н. Россия: проблемы политической социализации молодежи // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 8. С. 43-51.
47. Исследование GfK: Проникновение Интернета в России. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-proniknovenie-interneta-v-rossii-1/> (Дата обращения: 09.06.2020).
48. Карпенко О. М., Ламанов И. А. Молодежь в современном политическом процессе в России. М.: СГУ. 2006. 560 с.
49. Касамава В. А., Максименкова М. С., Сорокина А. А. Справедливость в представлениях российской студенческой молодежи // Общественные науки и современность. 2020. № 4. С. 20-30.
50. Киричек А. И. К вопросу о дифференциации содержания категорий "политическая активность", "политическое поведение" и "политическое участие" // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 3. С. 34-37.
51. Ключев А. В. Политическое участие: состояние и тенденции развития в условиях современного российского общества // Управленческое консультирование. 2005. №2. С. 69-77.

52. Ковтун Е. И. Специфика современных молодежных протестных движений // Вопросы политологии. 2019. № 4 (44). С. 712-721.
53. Козер Л. А. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О. А. Назаровой; под общ. ред. Л.Г.Ионина. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуал. книги, 2000. 205 с.
54. Коллинз Р. Теория конфликта в современной макроисторической социологии // Философская и социологическая мысль. 1993. № 6. С.81-98.
55. Коломиец О. В. Социальное самочувствие как проблема социальной психологии // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2012. № 3. С. 14-25.
56. Кольба А. И. После 2009: современные тенденции управления социальными конфликтами в контексте теории Р. Дарендорфа // Политэкс, 2011. Том 7. № 1. С. 39-53.
57. Коршунова С. А., Сущин А. А. Особенности формирования культуры потребления в российском обществе // Проблемы социальных и гуманитарных наук. Выпуск № 2 (19). 2019. С. 154-158.
58. Костюченко Л. Г., Резник Ю. М. / Введение в теорию личности: социокультурный подход. М.: Независимый институт гражданского общества. 2003. 272 с.
59. Крупец Я. Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 143–144.
60. Кузин О. Ю. Демократия и политическое вовлечение граждан // Известия тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 10. С. 149-159.
61. Курьеров А. И. Социально-экологическое самочувствие населения в районе предстоящего уничтожения химического оружия в системе управленческих решений // Управление социальными процессами в регионах: Российская научно-практическая конференция. Ч.1: Регион как социум: социальная структура, институты и процессы. Екатеринбург. 2002. С. 66–76.

62. Лапин Н.И. Базовые ценности, социальное самочувствие и доверие институтам власти // IX Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. М.: ВШЭ, 2007. С. 210-219.

63. Лебедева С. О., Пучкова М. О. Социальное самочувствие горожан как социологическая проблема // Материалы III международной научной студенческой конференции «Научный потенциал студенчества в XXI веке». Ставрополь. 2009. С. 142-148.

64. Лепешкин Н. Я. Социальное самочувствие населения на современном этапе трансформации российского общества: автореф. дисс. канд соц. наук. Хабаровск. 2004. 28 с.

65. Липсет С.М., Сен К.-Р., Торрес А.Ч. Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии // Международный журнал социальных наук. 1993. №3. С. 5-33.

66. Лощаков Д. Г. Радикализация молодежи в современном российском обществе и ее факторы // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 6. С. 35-39.

67. Макиавелли Н. Государь / Антология мировой политической мысли: в 5 т. М.: 1997. Т. 1. 928 с.

68. Медведев Н. П., Борисенко А. В. Несистемная оппозиция в политическом пространстве современной России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2007. С. 150-155.

69. Мейсон С., Спиллманн К. Конфликты, связанные с окружающей средой и урегулирование региональных конфликтов. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cawater-info.net/bk/water_law/pdf/mason_spillmann.pdf (дата обращения 20.03.2021).

70. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель. 2006. 880 с.

71. Мертон Р. К. Явные и латентные функции / Р. К. Мертон // Американская социологическая мысль: тексты. М.: Из кн. Американская социологическая мысль: тексты, М., 1994. С. 379-448.

72. Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов будущего: монография; под общ. ред. проф. Ю. Р. Вишневого; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 372 с.

73. Нарбут Н. П., Троцук И. В. Ценностные ориентации и социальное самочувствие студенчества. Результаты исследовательского проекта. 2017. 400 с.

74. Нархов Д. Ю., Вишневский Ю. Р., Добрынин И. М., Нархова Е. Н. Здоровый образ жизни в представлениях городской молодежи Среднего Урала сквозь призму социальной безопасности // Теория и практика физической культуры. 2018. №1(69). С 31-39.

75. Ольшанский Д. В. Основы политической психологии. / Д.В. Ольшанский. – Екатеринбург: Деловая книга. 2001. 496 с.

76. Омельченко Е. Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 52-61.

77. Опалев А. В. Причины радикализма в молодежной среде современного российского общества // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 6. С. 31-34.

78. Осипова Л. Б., Энвери Л. А. Жизненные стратегии молодежи: опыт социологического исследования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 4. С. 108-129.

79. Пейтмэн К. Массовое участие и теория демократии // Теория и практика демократии. Избранные тексты. / Пер. с англ. Под ред. В. Л. Иноземцева, Б. Г. Капустина. М.: Ладомир. 2006. 324 с.

80. Петрова Л. Е. Социальное самочувствие молодежи// Социологические исследования. 2000. № 12. С.50-55.

81. Пикетти Т. Капитал в XXI веке / М.: Изд-во «Ад Маргинем», 2016. 592 с.
82. Подхомутникова М. В. О политической апатии современной молодежи в России // Общество: социология, психология, педагогика. 2011. № 3-4. С. 14-17.
83. Попов Е. А. Социальное благополучие человека в научном дискурсе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2010. № 2. С. 016-023.
84. Примаков В. Л. Основные направления и способы профилактики молодежного экстремизма в России: социально-коммуникационный аспект // Вестник МГЛУ. Общественные науки. Вып. 3. (787). 2017. С. 205-218.
85. Пырма Р. В. Электоральное участие молодежи в выборах президента России 2018 года. Гуманитарные науки // Вестник Финансового университета. 2019. № 9 (2). С. 50-57.
86. Пятаева Е. В. Молодежь как участник избирательного процесса // В сборнике научных трудов Молодежь и выборы: материалы VIII межрегионального форума. Киров, 23 апреля 2019 г. / Отв. ред. Игошина Ю. В. – Киров, 2019. 120 с.
87. Римский В. Л. Политическая и общественная активность российских граждан // Общественные науки и современность. 2007. № 5. С. 60-68.
88. Рочева А. Л., Варшавер Е. А. Миграционные намерения молодежи с миграционным бэкграундом и без: российский случай // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 295-334.
89. Романова Н. Р. Гражданское выгорание как фактор абсентеизма и аполитичности студенческой молодежи // Психолог. 2017. № 3. С. 35-50.
90. Рубина Л. Я. Профессиональное и социальное самочувствие учителей // Социологические исследования. 1996. № 6. С. 63-75.
91. Руденкин Д. В. Импульсы роста протестной активности российской молодежи: кейс Екатеринбурга // Конфликтология / nota bene. 2020. № 1. С. 1-14.

92. Русских Л. В., Сумина А. А. Абсентеизм как модель политического поведения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2018. Т. 18. №. 4. С 90-94.
93. Салмина А. А. Высокое ли экономическое неравенство в России? Вопросы измерения, показатели и их оценки // Мир России. 2021. № 3. С. 78-99.
94. Самаркина И. В., Логунова В. П. Абсентеизм молодежи как форма политического участия // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 2. С. 14-15.
95. Самохвалов Н. А. Модели молодежного представительства как форма повышения участия молодежи в общественно-политической жизни российского государства // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2016. №2. С. 22-26.
96. Сериков А. В., Венцель С. В. Опыт противодействия молодежному экстремизму в Германии, США и Великобритании: сравнительный анализ // Философия права. 2017. № 4 (83). С. 43-48.
97. Сизов И. В. Политическая активность в современной России в контексте динамики экономических и ценностных перемен // Управление мегаполисом. 2010. № 3. С. 134-138.
98. Симонович Н. Е. Социальное самочувствие людей и технологии его исследования в современной России. М.: РГГУ. 2003. 247 с.
99. Словарь-справочник по социальной психологии / В. Крысько. СПб.: Питер, 2003. 416 с.
100. Смакотина Н. Л. Политическая активность молодежи: результаты социологического исследования / Под ред. Добренькова В. И., Смакотиной Н. Л. М.: МАКС Пресс, 2009. 220 с.
101. Соловей А. П., Шухно Е. В. Интерпретация и операционализация концепта «социальное самочувствие» // Синергия. 2018. № 4. С. 72-77.
102. Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект / Г. Д. Гриценко, О.И. Лепилкина, Т. Ф. Маслова [и др.]; под ред. М. К. Горшкова. М.; СПб: Нестор-История, 2011. 176 с.

103. Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 году: итоги социологического исследования: коллективная монография / О. Р. Белова, Е. Н. Бочканова, Ю. Р. Вишневский [и др.]; под общей редакцией Ю. Р. Вишневого, Д. Ю. Нархова. Екатеринбург: ООО "Издательство УМЦ УПИ". 2016. 205 с.

104. Тихонова Н. Е. Соотношение интересов государства и прав человека в глазах россиян: эмпирический анализ. Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 134-149.

105. Тощенко Ж. Т., Харченко С. В. «Социальное настроение» М.: Academia, 1996 г. 196 с.

106. Трынов Д. В., Дидковская Я. В. Новая протестная молодежь: самоидентификация, социальное самочувствие и образ будущего // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2019. Т. 14, № 3 (191). С. 118-127.

107. Упорникова И. В., Вакуленко Н. А., Ковтун Н. А. Nomoretis - "сетевой человек" как участник новых форм политического участия // Философия права. 2019. № 1(88). С. 100-105.

108. Фан И. Б. Политическое участие в России: исключение «под прикрытием» включения // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отделения Рос. акад. наук. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 68.

109. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция. 2004. 480 с.

110. Хапова З. П. Социальное самочувствие: проблемы и противоречия дефиниции в контексте социологического подхода «Вестник АГУ». Выпуск 3 (184). 2016. С. 88-94.

111. Шарков Ф. И. Политическое сознание – политическая практика – политическая коммуникация // PolitBook. 2014. № 1. С. 153-166.

112. Шатилов А. Б. Поколенческие разрывы как фактор роста конфликтности в современном российском обществе // Власть. 2019. № 4. С. 26-32.

113. Шестопал Е. Б. Личность и политика: Критич. очерк современ. зап. концепций полит. социализации / Е. Б. Шестопал. М. : Мысль, 1988. 203 с.
114. Шиповская В. В., Гусейнов А. Ш. Психологические факторы риска экстремистской активности личности в молодежной среде // Гуманизация образования. 2019. № 5. С. 180-195.
115. Шкаратан О. И. Социально-экономическое неравенство в современном мире и становление новых форм социального расслоения в России // Мир России. Социология. Этнология. 2018. № 2. Т. 27. С. 6-35.
116. Шумпетер, Й. Капитализм, социализм и демократия / Й. Шумпетер ; пер. с англ. / Предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. М.: Экономика. 1995. 540 с.
117. Щенина О. Г. Участие молодежи в политических процессах современной России // Политические перемены в современной России. – М., Институт сравнительной политологии РАН. 2005. С. 128-150.
118. Щербакова В. П. Социальная адаптация молодежи в условиях преобразований современного российского общества: монография. Тула: Изд-во ТулГУ. 2015. 368 с.
119. Щербакова В. П. Социальное самочувствие молодежи – интегральный показатель ее адаптации к общественным переменам в России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 121-132.
120. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция. 2004. 480 с.
121. Хапова З. П. Социальное самочувствие: проблемы и противоречия дефиниции в контексте социологического подхода «Вестник АГУ». Выпуск 3 (184). 2016. С. 88-94.
122. Холмская М. Р. Политическое участие как объект исследования. Обзор отечественной литературы // Политические исследования. 1999. №5. С. 170-176.

123. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л. С. Выготского) / Б.Д. Эльконин. М. 1994. 168 с.
124. Alford J. R., Funk C. L., Hibbing J. R. Are Political Orientations Genetically Transmitted // *American Political Science Review*. 2005. Vol. 99. № 2. P. 153–167.
125. Barber B. Participatory Democracy // *Encyclopedia of Democracy*. Vol. 3. New York. 1995. P.921-924.
126. Bollen K. Political Democracy and the Timing of Development // *American Sociological Review*. 1979. 44: 572-587.
127. Bollen K. Issues in the Comparative Measurement of Political Democracy // *American Sociological Review*. 1980. 45: 370-390.
128. Bollen K. Liberal Democracy: Validity and Method Factors in Cross-National Measures. *American Journal of Political Science*. 1993. 37:1207-1230.
129. Campbell A. Subjective Measures of Well-Being // *American Psychologist*. 1976. № 31. P. 117-124.
130. Campbell A, Converse P. E, Rodgers W. L. (eds.). *The Quality of American Life. Perceptions, Evaluations and Satisfaction*. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1976. 327 p.
131. Dalton R., Van Sickle, A., Weldon, S. (2009). The individual–institutional nexus of protest behaviour // *British Journal of Political Science*. 2009. 40. 51–73.
132. Diener E., Sapyta J.J., Suh E. M. Subjective well-being is essential to well-being // *Psychological Inquiry*. 1999. Vol.9. №1. P.33-37.
133. Diener E., Oishi S., Lucas R. E. National accounts of subjective well-being. *American Psychologist*. 2015. 70 (3). P. 234-242.
134. Dobratz B., Waldner L. K., Buzzell T. Chapter 6: Political Participation // *Power, Politics, and Society: An Introduction to Political Sociology*. Routledge. 2012. P. 189-225.

135. Easterlin R. A. Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence // Nations and Households in Economic Growth. N.Y., 1974. P. 89–125.
136. Grossman L.K. The Electronic Republic: Reshaping Democracy in America. New York: Viking. 1995. 290 p.
137. Helliwell J. F., Layard R., Sachs J. D., and De Neve J-E. / The World Happiness Report [Электронный ресурс]. URL: <https://happiness-report.s3.amazonaws.com/2020/WHR20.pdf> (дата обращения 10.03.2021).
138. Hirsch F. Social Limits to Growth / London: Routledge & Kegan Paul. 1978. P. 50.
139. Ichilov O. Education and Democratic Citizenship in a Changing World / The Oxford Handbook of Political Psychology, edited by David O. Sears, Leonie Huddy, and Jervis Roberts. Oxford: Oxford University Press. 2003. P. 637–670.
140. Inkeles A., Diamond L. Personal qualities as a reflection of level of national development. In F. Andrews & A. Szalai (Eds.), Comparative studies on the quality of life. 1980. P.73-109.
141. Inkeles A., Smith D. H. Becoming modern: Individual change in six developing countries. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1974. 208 p.
142. Jackson R. A. Clarifying the Relationship between Education and Turnout // American Politics Research. 1995. №. 23. P. 279–299.
143. Jennings K. M., Niemi R. G. The Political Character of Adolescence: The Influence of Families and Schools. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 1974.
144. Lawless J., Fox R. Political Participation of the Urban Poor // Social Problems. Volume 48, Issue 3, 1. 2001. P. 362–385.
145. Luskin R. C. Explaining Political Sophistication // Political Behavior 1990. № 12. P. 331–361
146. Marsh D. New Forms of Political Participation: Searching for Expert Citizens and Everyday Makers // British Journal of Political Science. 2008. № 38. C 247-272.

147. Mercier C. Improving the Quality of Life of People with Severe Mental Disorders // *Social Indicators Research*. 1994. № 33. P. 165-192.
148. Milbrath L.W., Goel M.L. Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics?. Chicago: Rand McNally College Pub. Co.1977. 273 p.
149. Nagel J. N. Participation. N.Y., 1976. 246 p.
150. Nederman C. J., Jones B. S., Fitzgerald L. Lost in Cyberspace: Democratic Prospects of Computer-Mediated Communication // *Contemporary Politics*. 1998. Vol. 4, № 1.
151. Niemi R. G., Junn J. 1998. Civic Education: What Makes Students Learn? New Haven, Conn.: Yale University Press. 1998.
152. Norris P. Political Activism: New Challenges, New Opportunities // R J Dalton, H-D Klingemann. *The Oxford Handbook of Political Behavior*. New York: Oxford University Press. 2007. P 724–743.
153. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016 // *The Journal of Economic Inequality*. 2018. Vol. 16. № 2, pp. 189–223.
154. Olsen M. E. Multivariate Analysis of National Political Development // *American Sociological Review*. 1968. 35: 699-712.
155. Park R. E., Burgess E. W. Introduction to the Science of Sociology. Chicago: University of Chicago Press. 1040 p.
156. Przeworski A. The Poor and the Viability of Democracy. In A. Krishna (Ed.), *Poverty, Participation, and Democracy: A Global Perspective*. 2008. P. 125-146.
157. Robinson J. P., Shaver Ph. R., Wrightsman L.S. Measures of Social Psychological Attitudes. 1991. 768 p.
158. Sartori G. Parties and party systems: a framework for analysis. Colchester. 2005. 342 p.
159. Schlozman K. L., Verba S., Brady H. The Unheavenly Chorus: Unequal Political Voice and the Broken Promise of American Democracy. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 2012. 728 p.

160. Verba S., Nie N. H, Kim J. Participation and Political Equality: A Seven-Nation Comparison. Chicago: University of Chicago Press. 1978. 394 p.

161. Verba S., Schlozman, Kay L., Brady H. Voice and Equality: Civic Voluntarism in American Politics. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 1995. 664 p.

Приложения

Приложение 1

Рисунки и таблицы

П. 2.1. Особенности и противоречия политического участия молодежи

Таблица 2.1.3

Мотивы политического участия молодежи, %

В чем лично Ваши мотивы участия в общественно-политической жизни?	Молодые активисты
Это вопрос наших прав, убежден, что все граждане должны быть активны и участвовать в общественно-политической жизни	68,7
Я бы хотел достичь успеха на этом поприще и сделать карьеру политического или общественного деятеля	25,2
Это интересно, здесь я могу приложить свои способности и таланты	26,3
Меня интересуют проблемы построения более справедливого общества	47,7
Меня вдохновляет опыт и авторитет выдающихся людей моих близких и знакомых	14,7
ИТОГО:	182,6

Количество ответов превышает 100%, т.к. респонденты могли выбрать до трех вариантов.

П. 2.2. Роль социального самочувствия молодежи в формировании ее политического участия

Таблица 2.2.5

Оценка молодежью своих возможностей (1 – очень ограничены, 5 – очень широки), средний балл (индекс)

Насколько широки или ограничены Ваши возможности в следующем?	Политическая активность	
	Активисты-сторонники	Активисты-оппозиционеры
Обеспечить себе правовую защиту в случае необходимости	3,28	1,99
Организовать свой бизнес	3,09	2,05
Получить качественное образование или повысить свой образовательный уровень	3,73	2,75
Поддерживать здоровье на необходимом уровне, вести здоровый образ жизни	3,84	2,90
Получать достоверную и объективную информацию	3,53	2,94

о событиях и фактах общественной жизни		
Реализовать свой профессиональный потенциал	3,71	2,70
Внедрять или использовать новшества	3,47	2,46

Таблица 2.2.6

Идейно-политическая самоидентификация активистов, в %

Приверженцем каких политических взглядов Вы себя могли бы назвать?	Политическая активность	
	Активисты-сторонники	Активисты-оппозиционеры
Не придерживаюсь каких-то конкретных взглядов, политика намного шире и сложнее этих стереотипов	40,4	25,3
Либеральных	13,9	40,4
Социал-демократических	15,2	6,2
Либертарианских	0,0	10,3
Консервативных	7,3	1,4
Анархистских	1,3	8,2
Националистических	1,3	4,1
Коммунистических	2,6	0,0
Другое	0,1	2,7
Затрудняюсь ответить	17,9	1,4
ИТОГО:	100,0	100,0

* Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,550, Вероятность ошибки (значимость): 0,000

Таблица 2.2.7

Представления молодых активистов об идеале общественного развития, %

Существует множество точек зрения на идеал общественного развития, какие из них разделяете лично Вы?	Политическая активность	
	Активисты-сторонники	Активисты-оппозиционеры
Общество эффективной рыночной экономики	40,4	63,7
Общество с высоким уровнем жизни	62,3	72,6
Общество, ориентированное на развитие высоких технологий	43,7	63,7
Общество равенства и справедливости	47,7	32,2
Гуманистическое общество	17,2	29,5
Общество, с которым считаются другие страны	22,5	8,9
Общество с сильной государственной властью	41,1	2,1
Толерантное общество, терпимое к меньшинствам	14,6	34,9
Общество, где высоко ценят традиции	16,6	4,8
ИТОГО:	306,0	312,3

* Поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов одновременно, сумма % в ИТОГО может быть больше 100%.

**Система эмпирических индикаторов исследования, послуживших основой
инструментария**

1. Социальное самочувствие
 - 1.1. Общая удовлетворенность жизнью
 - 1.2. Удовлетворенность положением дел в стране в различных сферах общественной жизни (в экономике, политике, социальной сфере, в культуре)
 - 1.3. Удовлетворенность различными аспектами жизни респондента
 - 1.3.1. Материальным положением
 - 1.3.2. Состоянием здоровья
 - 1.3.3. Работой
 - 1.3.4. Образованием
 - 1.3.5. Отношениями с близкими и друзьями
 - 1.3.6. Отношениями с коллегами
 - 1.3.7. Экологической ситуацией
 - 1.4. Удовлетворенность своими возможностями
 - 1.4.1. Обеспечить себе правовую защиту в случае необходимости
 - 1.4.2. Организовать свой бизнес
 - 1.4.3. Получить качественное образование или повысить свой образовательный уровень
 - 1.4.4. Поддерживать здоровье на необходимом уровне, вести здоровый образ жизни
 - 1.4.5. Получать достоверную и объективную информацию о событиях и фактах общественной жизни
 - 1.4.6. Реализовать свой профессиональный потенциал
 - 1.4.7. Внедрять или использовать новшества
2. Образ социального будущего
 - 2.1. Идеалы общественного развития («желаемое социальное будущее»)
 - 2.1.1. Общество эффективной рыночной экономики
 - 2.1.2. Общество равенства и справедливости

- 2.1.3. Общество с сильной государственной властью
- 2.1.4. Общество с высоким уровнем жизни
- 2.1.5. Общество, где высоко ценят традиции предков
- 2.1.6. Толерантное общество, терпимое к меньшинствам
- 2.1.7. Общество, ориентированное на развитие высоких технологий
- 2.1.8. Гуманистическое общество
- 2.1.9. Общество, с которым считаются другие страны
- 2.2. Ожидание перемен в различных сферах общественной жизни (в экономике, политике, социальной сфере, в культуре)
- 2.3. Социальные ожидания (оценка вероятности наступления негативных и позитивных событий в обществе)
 - 2.3.1. Экономический рост
 - 2.3.2. Экономический спад
 - 2.3.3. Укрепление рубля
 - 2.3.4. Ускорение темпов инфляции
 - 2.3.5. Формирование социального консенсуса
 - 2.3.6. Нарастание конфликтов в обществе
 - 2.3.7. Успехи россиян в науке, искусстве, спорте
 - 2.3.8. Изоляция России на международной арене
 - 2.3.9. Успехи в укреплении правовых основ государства
 - 2.3.10. Ограничение прав и свобод граждан
 - 2.3.11. Развитие наукоемких отраслей экономики, создание новых рабочих мест
 - 2.3.12. Нарастание безработицы, снижение благосостояния граждан
- 2.4. Уверенность в завтрашнем дне
- 3. Смысловые и ценностные аспекты политического участия
 - 3.1. Политическая самоидентификация
 - 3.1.1. Либеральная
 - 3.1.2. Консервативная
 - 3.1.3. Социал-демократическая

- 3.1.4. Коммунистическая
- 3.1.5. Анархистская
- 3.1.6. Националистическая
- 3.2. Ориентация на успех в общественно-политической жизни (высокая, средняя, низкая)
- 3.3. Мотивация участия в общественно-политической жизни
 - 3.3.1. Карьера
 - 3.3.2. Интерес
 - 3.3.3. Гражданско-правовая
 - 3.3.4. Достижение более справедливого общества
- 4. Стратегии политического участия
 - 4.1. Каналы политического вовлечения
 - 4.1.1. Лояльные власти общественно-политические организации; пробные организации политического участия молодежи; организации «системной оппозиции»
 - 4.1.2. «Несистемные» оппозиционные организации
 - 4.2. Общественно-политическая активность респондентов (виды практикуемой деятельности в политике)
 - 4.2.1. Социальное и событийное волонтерство
 - 4.2.2. Участие в работе молодежных объединений (правительств, парламента, общественной палаты, политических партий)
 - 4.2.3. Участие в роли помощника депутата (советника должностного лица)
 - 4.2.4. Гражданско-правозащитная деятельность
 - 4.2.5. Участие в акциях протеста (забастовки, антиправительственные митинги, пикеты, шествия)
 - 4.2.6. Создание текстов петиций и организация сбора подписей
 - 4.3. Прожективное поведение в конфликтной ситуации (готовность к высокому риску; умеренно рискованное поведение; избегание конфликта)

Анкета активистов общественно-политических организаций

Ответьте на несколько вопросов о Вашем самочувствии и настроении

1. Довольны ли Вы своей жизнью в целом?

- 1) Да
- 2) Скорее да
- 3) Скорее нет
- 4) Нет
- 5) Затрудняюсь ответить

2. Чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?

- 1) Да
- 2) Скорее да
- 3) Скорее нет
- 4) Нет
- 5) Затрудняюсь ответить

3. На чью помощь Вы можете рассчитывать, когда возникают трудности и неудачи в жизни?

- 1) Родных, близких
- 2) Друзей
- 3) Коллег
- 4) Знакомых и соседей
- 5) Администрации предприятия, на котором работаете
- 6) Органов государственной власти
- 7) Органов муниципальной власти
- 8) Общественных и благотворительных организаций
- 9) Свой вариант _____

4. Оцените, насколько дела в стране идут в правильном или неправильном направлении в перечисленных ниже сферах

1 - в совершенно неправильном направлении, 5 - в совершенно правильном направлении

Отметьте ответ в каждом ряду.

В экономике	1	2	3	4	5
-------------	---	---	---	---	---

В политике	1	2	3	4	5
В социальной сфере	1	2	3	4	5
В культурной жизни общества	1	2	3	4	5

5. Оцените, насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены следующими аспектами Вашей жизни:

1 – совершенно не удовлетворен, 5 – полностью удовлетворен

Отметьте ответ в каждом ряду.

Своим материальным положением	1	2	3	4	5
Состоянием здоровья	1	2	3	4	5
Своей работой	1	2	3	4	5
Своим образованием	1	2	3	4	5
Отношениями с близкими и друзьями	1	2	3	4	5
Отношениями с коллегами	1	2	3	4	5
Экологической ситуацией	1	2	3	4	5

6. Оцените, насколько широки или ограничены Ваши возможности в следующем:

1 – очень ограничены, 5 – очень широки

Отметьте ответ в каждом ряду.

Обеспечить себе правовую защиту в случае необходимости	1	2	3	4	5
Организовать свой бизнес, заниматься предпринимательством	1	2	3	4	5
Получить качественное образование	1	2	3	4	5

или повысить свой образовательный уровень					
Поддерживать здоровье на необходимом уровне, вести здоровый образ жизни	1	2	3	4	5
Получать достоверную и объективную информацию о событиях и фактах общественной жизни	1	2	3	4	5
Реализовывать свой профессиональный потенциал	1	2	3	4	5
Внедрять или использовать новшества	1	2	3	4	5

Ответьте на несколько вопросов, касающихся Ваших ожиданий и идеалов

7. Существует множество точек зрения на идеал общественного развития, какие из них разделяете лично Вы?

Необходимо выбрать не более 3 вариантов ответа

- 1) Общество эффективной рыночной экономики
- 2) Общество равенства и справедливости
- 3) Общество с сильной государственной властью
- 4) Общество с высоким уровнем жизни
- 5) Общество, где высоко ценят традиции предков
- 6) Толерантное общество, терпимое к меньшинствам
- 7) Общество, ориентированное на развитие высоких технологий
- 8) Гуманистическое общество
- 9) Общество, с которым считаются другие страны

8. Как Вы считаете, что нужно предпринять, чтобы осуществить планы по развитию нашей страны в будущем?

- 1) Укреплять государственность, вертикаль власти
- 2) Повышать законность и ответственность власти перед обществом
- 3) Проводить независимую внешнюю политику
- 4) Увеличивать количество выборных должностей во всех властных структурах
- 5) Совершенствовать внешнеполитические связи, искать союзников, вступать в коалиции и различные международные организации
- 6) Осуществлять приватизацию крупных предприятий
- 7) Проводить четкую линию огосударствления крупных предприятий
- 8) Осуществлять систематическую смену власти
- 9) Свой вариант _____

9. Приверженцем каких политических взглядов Вы себя могли бы назвать?

- 1) Либеральных
- 2) Консервативных
- 3) Социал-демократических
- 4) Коммунистических
- 5) Анархистских
- 6) Националистических
- 7) Не придерживаюсь каких-то конкретных взглядов, политика намного шире и сложнее этих стереотипов
- 8) Затрудняюсь ответить

10. Некоторые люди любят мечтать. Чему, как правило, посвящены Ваши мечты (можно указать до трех вариантов)?

№	Ответы	
1	Я не мечтателен	
2	Мечтаю об успехе (карьерный рост, богатство, власть)	
3	Мечтаю о семейном счастье и благополучии	
4	Мечтаю о путешествиях и приключениях	
5	Мечтаю о знакомствах, новых друзьях и партнерах	
6	Мечтаю о более справедливом обществе для всех	
7	Мечтаю о славе и признании	
8	Мечтаю о том, что раскрою в себе таланты и смогу самореализоваться в жизни	

11. Насколько лично Вам свойственно ориентироваться на идеалы и следовать им в своей жизни?

- 1) В полной мере
- 2) Частично
- 3) Совсем нет
- 4) Затрудняюсь ответить

12. Современное общество характеризуется весьма динамичными изменениями в экономике, политике и культуре. Как Вы считаете, каких перемен нам следует ожидать в ближайшем будущем?

	Показатели	Быстрые позитивные	Медленные позитивные	Никаких перемен не предвидится	Медленные негативные	Быстрые негативные
1	Экономика					
2	Политика					
3	Социальная					
4	Культура					

13. Оцените вероятность наступления позитивных или негативных событий в ближайшем будущем (оцените вероятность в баллах, где 1 – наименее вероятное, 5 – наиболее вероятное)?

- 1) Экономический рост
- 2) Экономический спад
- 3) Укрепление рубля
- 4) Ускорение темпов инфляции
- 5) Формирование социального консенсуса
- 6) Нарастание конфликтов в обществе
- 7) Успехи россиян в науке, искусстве, спорте
- 8) Изоляция России на международной арене
- 9) Успехи в укреплении правовых основ государства
- 10) Ограничение прав и свобод граждан
- 11) Развитие наукоемких отраслей экономики, создание новых рабочих мест
- 12) Нарастание безработицы, снижение благосостояния граждан

14. Многие вещи в жизни тяжело рассчитать заранее и предугадать. Как Вы считаете, что в наше время мешает молодежи планировать свое будущее?

- 1) Ничего не мешает, молодежь строит долгосрочные планы
- 2) Значительная неопределенность, изменчивость ситуации
- 3) Негативный сценарий будущего
- 4) Отсутствие опыта и навыков планирования
- 5) Затрудняюсь ответить

15. Как бы то ни было, лично Вы ориентируетесь на достижение успеха в общественно-политической жизни?

- 1) Да
- 2) Скорее
- 3) Скорее нет
- 4) Нет
- 5) Затрудняюсь ответить

16. Как Вы думаете, что обуславливает успех лидера в политике (можно выбрать до трех вариантов)?

- 1) От способностей говорить правду, быть прямолинейным
- 2) От умения находить компромисс
- 3) От умения отстаивать свою точку зрения
- 4) От умения признавать свои ошибки
- 5) От способностей лавировать и использовать ошибки противников
- 6) От особых качеств человека (харизмы), которые позволяют ему завоевывать доверие и авторитет сторонников

- 7) От умения быть хладнокровным и порой применять жесткие меры
- 8) Свой вариант _____

17. В чем лично Ваши мотивы участия в общественно-политической жизни?

- 1) Это вопрос наших прав, убежден, что все граждане должны быть активны и участвовать в общественно-политической жизни
- 2) Я бы хотел достичь успеха на этом поприще и сделать карьеру политического или общественного деятеля
- 3) Меня интересуют проблемы построения более справедливого общества
- 4) Меня вдохновляет опыт и авторитет выдающихся людей, моих близких и знакомых
- 5) Это интересно, здесь я могу приложить свои способности и таланты
- 6) Свой вариант _____

18. Какими видами общественно-политической деятельности Вы занимались в последние 1-3 месяца (можно выбрать неограниченное количество ответов)?

- 1) Оказывал помощь ветеранам, инвалидам, престарелым
- 2) Участвовал в волонтерских акциях, спортивных культурных и спортивных мероприятиях
- 3) Принимал участие в работе молодежных объединений (правительства, парламента, общественной палаты, политических партий и т.д.)
- 4) Выполнял функции помощника депутата (советника должностного лица)
- 5) Принимал участие в работе правозащитных организаций
- 6) Участвовал в забастовках, антиправительственных пикетах, митингах, шествиях
- 7) Создавал и организовывал сбор подписей под петицией
- 8) Участвовал в подготовке законопроекта (иного государственного решения)
- 9) Свой вариант _____

19. Смоделируем ситуацию. Вы поддерживаете группу лиц, которая столкнулась с нарушением их прав. Вы абсолютно убеждены в своей правоте и заявляете митинг с целью привлечения общественного внимания к этой проблеме. Однако в последний момент местная администрация не согласует Вам проведение акции. Ваши действия?

- 1) Все равно проведем, есть Конституция, она для всех едина, в том числе и для органов власти
- 2) Попытаюсь просчитать возможный ущерб, если он будет иметь ощутимые материальные последствия (штраф, возможные задержания участников полицией и пр.), то будете искать другой способ выразить свое мнение

3) Откажитесь от этой затеи, не стоит портить отношения с органами власти, ведь они могут стать вашими союзниками

4) Затрудняюсь ответить

5) Свой вариант _____

20. Смоделируем еще одну ситуацию. В своей деятельности Вы столкнулись с тем, что Ваш начальник (старший товарищ) не чист на руку. Пойдете ли Вы на открытый конфликт с ним, зная, что это может привести к самым негативным последствиям для Вас (увольнение, испорченные отношения, плохие рекомендации и пр.)?

1) Нет, это глупо, конфликтом ничего не добиться

2) Попытался отстраниться и держаться подальше от него, но в конфликт вступать не стал

3) У него есть свой начальник, сообщил бы ему об этом, пусть разбираются

4) Пошел бы в случае необходимости на конфликт, не задумываясь о последствиях, такое нельзя допускать

5) Затрудняюсь ответить

21. По мнению многих в политике действует «принцип целесообразности». Как Вы считаете, совместимы ли политика и мораль?

1) Да, несомненно

2) Скорее да

3) Скорее нет

4) Нет

5) Затрудняюсь ответить

22. Согласны ли Вы с утверждением, что молодежь не играет самостоятельной роли в политике, а в основном становится объектом для манипуляций более ресурсными социальными группами?

1) Да, вполне

2) Скорее согласен

3) Скорее не согласен

4) Совершенно не согласен

5) Затрудняюсь ответить

Гайд интервью с активистами общественно-политических организаций

Вводная часть интервью.

Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста, сообщите, сколько Вам лет. Какова основная сфера вашей деятельности?

1. Личная история политического вовлечения респондента.

1. Вы участвуете в деятельности не могли бы Вы рассказать о том, что Вас привело к этой активности, какими мотивами Вы руководствуетесь, что Вы рассчитываете получить?

2. Как состоялось Ваше вовлечение в деятельность политической партии (организации)? Кто или что стало фактором этого вовлечения?

3. Вы в большей степени считаете себя гражданским активистом или политическим? Насколько обоснованно проводить черту между этими понятиями?

4. Сколько примерно времени (в неделю) Вы уделяете своей общественно-политической деятельности? Чем чаще всего Вам приходится заниматься?

5. Развитие или укрепление каких качеств потребовалось при занятии данной деятельностью?

6. Исследовать политическую и гражданскую самоидентификацию респондента. Например, каких политических взглядов Вы придерживаетесь? Считаете ли Вы себя носителем каких-то политических идей, взглядов, идеалов? Насколько важно их иметь в современных условиях? (избегать прямых вопросов в этой части).

2. Политика и политическое участие

1. Что для Вас лично означает политика? Как вы формулируете это определение?

2. Политическое участие связывают с возможностью оказывать влияние на политические процессы и принятие решений. Как Вы считаете, это эффективней делать находясь в органах государственной власти или вне их?

3. Какие механизмы увеличения влияния вашей организации вы можете привести в пример? Можете ли Вы привести примеры того как удалось чего-то добиться на этом поприще (или напротив, при каких обстоятельствах Вы испытали неудачу)?

3. Условия и факторы политической активности молодежи

1. Бытует мнение, что российская молодежь аполитична. Вы согласны с ним?

Как бы Вы в целом сегодня оценили социальную и политическую активность российской молодежи (она растет или убывает)? Как Вы думаете, что приводит сегодня молодежь в политическую сферу? Что мешает или содействует этому процессу?

2. Как Вы считаете, нужно ли государству вовлекать молодежь в политику? Зачем? Что будет, если этого не делать? Если да, то не могли бы Вы описать наиболее правильные способы вовлечения или имеющийся опыт подобного вовлечения?

3. Привлекательность политики как сферы самореализации активной молодежи. Насколько политика сейчас привлекательна для молодежи? Или лучше и проще проявлять активность в другой сфере? В какой?

4. Есть мнение, что молодежь не вполне самостоятельна (мягко говоря) в политической жизни ей регулярно манипулируют и используют в своих интересах более влиятельные субъекты политики (партийные лидеры, госорганы, финансовые структуры и пр). Насколько Вы согласны с этим мнением и почему? Какие субъекты этим пользуются?

4. Стратегии политического участия: факторы формирования и выбора.

Прямые вопросы.

1. Как вы думаете, что в наибольшей степени определяет выбор формы политического участия молодежи? (Можно подсказать, например, как материальное положение, статус семьи, образование, удовлетворенность жизнью и пр.)? Если да, то как именно? И какие именно? Если нет, то почему? Были ли

какие-то примеры того как это работает? (нужно добиться, чтобы респондент привел примеры).

2. Если говорить о политическом участии, то в каких формах Вы считаете приемлемым для себя участвовать в политике? Каков «коридор дозволенного» для Вас лично? Можете ли Вы представить себе, что участвуете в какой-то несанкционированной акции протеста? Или конкретнее: в каких формах Вы точно бы не приняли участия?

3. Что сегодня в наибольшей степени способствует продвижению в политике? Какими качествами, данными должен обладать лично человек?

4. Видите ли, Вы себя в политике в будущем? (Если да, то необходимо спросить, как видит респондент политическую карьеру: ее образ, необходимые качества, навыки, умения и пр).

Заключение

Можно попросить респондента сделать какие-то обобщения и уточнения по высказанным темам. В случае необходимости дополнить какими-то сюжетами из биографии.

Гайд интервью с молодыми политиками, реализующими лидерскую
(карьерную) стратегию

Цели интервью:

- оценка информантами актуальных институциональных изменений («правил игры») влияющих на поле политики
- оценка возможностей вертикальной политической мобильности для молодежи
- жизненные цели, их связь с политикой, способы достижения
- образ желаемого и вероятного социально- политического будущего.

Блок вопросов №1. Идеал общественно-политического развития и оценка перспектив изменений. «Давайте для начала поговорим об...»

1) Как Вы считаете, какой тип общества и модель политической устройства (государства) в наибольшей степени подходит России? Что для этого надо сделать?

2) Каковы Ваши ожидания (движемся ли мы в этом направлении или нет)? Каковы наиболее существенные преграды на этом пути Вы видите?

3) Какие тенденции, изменения сейчас в наибольшей степени оказывают влияние на политические процессы в России? Назовите, пожалуйста негативные и позитивные перемены.

4) Какие бы вы могли отметить актуальные изменения (в законах, в политике, во власти) в России, которые непосредственно оказывают влияние на молодежь? В чем это влияние выражено?

Блок вопросов №2. Молодежь как субъект политики: ее роль и значение молодежи в политических процессах современности. «Следующий блок вопросов касается...»

5) Как бы вы оценили влиятельность молодого поколения в политике (оно растет или снижается)?

6) Какие молодежные организации (партии или движения) сегодня наиболее влиятельны в России (в Вашем регионе)? Назовите несколько, по Вашему мнению, наиболее ярких и перспективных молодых политиков в России.

7) Оцените каналы мобильности для построения молодыми людьми политической карьеры и развития соответствующих навыков в политике? Какие существуют барьеры этому? Как вы его понимаете? Какими способами, лифтами вы готовы/реально воспользоваться?

8) Как бы вы оценили сегодня эффективность государственной молодежной политики в части политической социализации и развития гражданских навыков молодого поколения?

9) В последние несколько лет эксперты отмечают растущую политизацию молодежи. Согласны ли Вы с этим? Если да, то как Вы считаете, с чем она может быть связана? Считаете ли Вы это позитивным явлением и почему?

Блок вопросов №3. Личные оценки политической деятельности, планы и ожидания. «В заключении...»

11) Каков был Ваш путь в политику, расскажите немного о нем.... (как состоялось ваше политическое вовлечение, с чего вы начинали, благодаря чему вам удалось добиться успеха в этой области и т.д. и т.п.)?

12) Какие сложности лично Вы встретили(чаеете) на пути в политику? И что можете посоветовать молодым начинающим политикам?

13) Чем для Вас измеряется успех в политике?

14) Каковы Ваши политические планы? Чего Вы хотели бы добиться в ближайшей и отдаленной перспективе?